

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

Музей антропологии и этнографии
им. Петра Великого (Кунсткамера)

СБОРНИК МУЗЕЯ АНТРОПОЛОГИИ
И ЭТНОГРАФИИ

LXII

КУНСТКАМЕРА:
КОЛЛЕКЦИИ И ХРАНИТЕЛИ

Памяти Зои Леонидовны Пугач

Санкт-Петербург
2016

УДК 069:39
ББК 63.5
К91

Рецензенты:
д-р ист. наук *Е.А. Резван*
канд. филол. наук *О.Ю. Завьялова*

Кунсткамера: коллекции и хранители. Памяти Зои Леонидовны Пугач / Отв. ред. и сост. В.Н. Семенова. — СПб.: МАЭ РАН, 2016. — 214 с. (Сборник МАЭ. Т. LXII).

ISBN 978-5-88431-316-3

Очередной Сборник МАЭ посвящен памяти Зои Леонидовны Пугач, старейшего сотрудника отдела этнографии Африки МАЭ РАН, а также тем людям, которые связали свою жизнь с хранением и описанием уникальных коллекций Кунсткамеры. Современный облик музея и учетно-хранительская работа во многом основаны на работе наших коллег, учителей и наставников. Сохранение традиций знания о предмете, метода его рассмотрения, каталогизации и атрибуции является неперенным залогом успешного функционирования научного музея в XXI в. По основной тематике статей сборник разделен на две части. Первый раздел включает статьи, описывающие африканские коллекции. Второй — статьи, рассказывающие об истории формирования и сохранения предметного и фотоиллюстративного фонда МАЭ РАН.

ISBN 978-5-88431-316-3

© МАЭ РАН, 2016

Ю.К. Чистов, В.Н. Семенова

**ЗОЯ ЛЕОНИДОВНА ПУГАЧ:
ГЛАВНЫЙ СПЕЦИАЛИСТ
ОТДЕЛА ЭТНОГРАФИИ АФРИКИ МАЭ РАН**

Зоя Леонидовна Пугач в буквальном смысле слова «прожила» в Музее антропологии и этнографии (Кунсткамере) РАН долгую и, казалось бы, очень типичную жизнь музейного сотрудника. Это было единственное на всю жизнь место ее работы после окончания университета, более 50 лет она была сотрудницей отдела Африки. Она никогда не претендовала на научные звания и должности, как начала свою службу в музее лаборантом, так и закончила свою работу в МАЭ Лаборантом и Хранителем. Конечно, ко времени окончательного выхода на пенсию она имела должность главного специалиста отдела Африки, но по сути своей она была в высоком звании Лаборанта, таких, каких во второй половине XX в. было всего несколько человек в разных научных отделах МАЭ. Безупречное знание коллекций, неустанный труд по приведению в порядок музейных документов и научных архивов, многолетнее исполнение обязанностей научного секретаря отдела, организатора «научных чаепитий» и много другого, что всегда с благодарностью помнят люди, работавшие с ней рядом. Этот бесконечно достойный при жизни человек, достоин и долгой памяти после своего недавнего ухода — из музея, из жизни...

Зоя Леонидовна Пугач родилась на Украине в 1932 г. В 1940 г. с семьей она переезжает в Ленинград, в 1950 г. поступает на Восточный факультет Ленинградского государственного университета им. А.А. Жданова на отделение африканской филологии (язык хауса). В 1955 г. оканчивает факультет по специальности «историк-востоковед». Выпускная квалификационная работа

была защищена на тему «Перевод хроники на языке хауса “Война Каби с Со-кото и Гандо”»» и оценена на «отлично». После окончания факультета Зоя Леонидовна и ряд выпускниц кафедры африканистики были приняты Д.А. Ольдерогге на работу в сектор Африки ЛО Института этнографии АН СССР (сейчас — МАЭ РАН) в составе группы по составлению словарей. С 1955 по 1957 г. З.Л. Пугач — старший научно-технический сотрудник Института этнографии АН СССР, с 1957 г. — младший научный сотрудник. В составе лингвистической группы Зоей Леонидовной была проделана большая работа: перевод текстов и комментирование текстов для монографии профессора Д.А. Ольдерогге «Западный Судан в XV–XIX вв.», перевод пословиц и сказок хауса, статья по истории изучения языка хауса. В 1964 г. в связи с выходом в свет первого в СССР хауса-русского словаря З.Л. Пугач была объявлена очередная благодарность. Личное дело Зои Леонидовны изобилует благодарностями — его просто приятно читать. Это свидетельствует и о том, каким сотрудником была Зоя Леонидовна: ответственным, исполнительным и переживавшим за свое дело.

Дмитрий Алексеевич Ольдерогге, как глава советской африканистики, на тот момент прекрасно понимал необходимость составления словарей для африканских языков, без чего было трудно развивать дальнейшие исследования истории и этнографии народов Африки. Помимо этого, тот предметный и фотоиллюстративный материал, который хранился в фондах музея, требовал также систематизации и описания. В итоге в 1964 г. Зоя Леонидовна была переведена в музейную группу. Стоит отметить, что программа учебного курса кафедры африканистики была сформирована таким образом, что студенты получали необходимые навыки и знания как по филологическим дисциплинам, так и по историческим. Наряду с языкознанием, литературоведением и изучением языка, на кафедре читались курсы по истории материальной культуры Африки, истории Востока и даже по истории Египта в новое время. Этому принципу на кафедре африканистики Восточного факультета СПбГУ следуют до сих пор.

Кроме составления новых описей, З.Л. Пугач активно занялась также атрибуцией вещей. Так, с ее комментариями были изданы каталоги «Искусство Тропической Африки» (М., 1967), «Afrikanische Kunst» (Prague, 1969), написаны и опубликованы в сборнике «Africana X» статья «Коллекции братьев Соломенцевых в г. Тарту» (совместно с И.Н. Головановой), статьи «О назначении фигурок бари», «Пополнение фондов отдела Африки МАЭ» в сборнике «Основные проблемы африканистики» (М., 1973) (последняя — совместно с И.Н. Головановой).

Работу, проделанную Зоей Леонидовной по учету и регистрации африканских коллекций МАЭ, переоценить сложно. В электронном каталоге коллекций музея «МАЭ-КАМИС» при наборе имени Зои Леонидовны появляется список из 2105 предметов, в котором она значится регистратором. Список коллекций впечатляет: № 51, 658, 940, 1046, 1190, 1476, 1607, 1608, 1644, 1851, 1939, 2068, 2130, 2943, 3053, 3061, 3503, 3811, 3882, 5030, 5223, 5224, 5225, 5226, 5227, 5228, 5229, 5230, 5231, 5232, 5233, 5234, 6222, 6559, 6581, 6593, 6605, 6613, 6614, 6619, 6642, 6656, 6707, 6749, 6830, 6838, 6844,

6859, 6959, 6982, 6990, 7050, 7052, 7114, 7218, 7238, 7249, 7250, 7257, 7258, 7286, 7287, 7288, 7290, 7302, 7303, 7336, 7337, 7338, 7339, 7340, 7342, 7343, 7350, 7351, 7360, 7361, 7362, 7377, 7378, 7405, 7409, 7412, 7413, 7434, И-417, И-1945, И-1946, И-1948, И-1949, И-2195. И это еще далеко не все. В компьютерную базу внесена только треть предметного фонда МАЭ по народам Африки. Так что приведенный список коллекций, которые описаны З.Л. Пугач, далеко не полон.

Коллекции по этнографии народов Африки на протяжении всей своей истории чаще всего регистрировались два раза: при поступлении в конце XIX — начале XX в. и в 1960–1980-е годы. На первом этапе это были, как правило, скорее списки предметов, чем музейные описи. Второй этап работы над музейными описями африканских коллекций как раз связан с деятельностью З.Л. Пугач, которая была «брошена» Д.А. Ольдерогге на разбор предметного и фотоиллюстративного фонда африканских коллекций. После войны и блокады необходимо было проделать огромную работу по приведению музейной документации и коллекций в порядок. Проверка наличия, обновление номеров на предметах, частичная реставрация, составление карточек хранения, работа с безномерными предметами и составление на них охранной описи, составление картотеки и списка утраченных предметов, систематического каталога — все это делалось в отделе Африки руками двух человек: Зои Леонидовны Пугач и Изольды Николаевны Головановой. К 1977 г. уже полностью были приведены в порядок все отчетные документы, подготовлены акты на списание утраченных в прежние дореволюционные еще годы и за время блокады предметов, составлены списки передаваемых на материальную ответственность предметов.

Несколько десятков лет Зоя Леонидовна являлась бессменным главным музейным специалистом по материальной культуре народов Африки к югу от Сахары. Более пятидесяти лет она несла главную и непосредственную ответственность за музейную работу отдела Африки, в том числе участвовала в создании двух постоянных экспозиций, посвященных Африке, — 1964 и 2007 гг.

Зоя Леонидовна провела гигантскую работу по инвентаризации африканских фондов МАЭ. Особой ее заслугой является научная атрибуция крупнейшего собрания по народам Африки В.В. Юнкера. Эта коллекция и вклад в ее изучение и популяризацию, нашедший отражение в монографии Зои Леонидовны «Культура народов верховьев Нила» 1985 г., по достоинству поставили МАЭ и его африканские фонды в ряд наиболее престижных этнографических собраний мира.

Особо следует сказать о той роли, которую Зоя Леонидовна играла в обеспечении климата творческого сотрудничества и взаимопонимания между сотрудниками отдела Африки, а также ее огромную созидательную роль в работе Музейной комиссии МАЭ РАН. На протяжении многих лет Зоя Леонидовна была бессменным секретарем отдела Африки, хранительницей не только его архивов, но и традиций, как исследовательских, так и человеческих.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Имя Зои Леонидовны Пугач прочно связано с историей сектора, а затем отдела этнографии Африки МАЭ РАН. Многие коллекционные описи составлены ее умелой рукой.

Помимо этого ею издана книга, посвященная исследованию хранящихся в Музее антропологии и этнографии РАН уникальных коллекций, собранных известным путешественником В.В. Юнкером. Книга «Культура народов верховьев Нила» (М., 1985) служит единственным «путеводителем» по коллекциям В. Юнкера. Такие издания важны прежде всего как источник. В этом плане книга З.Л. Пугач продолжает традицию классических работ по исследованию музейных коллекций 1930–1950-х годов Экарта фон Зидова, К. Кьерсмейера, Ф.М. Ольбрехтса. Их исследования искусства и пластики народов Африки базировались в основном на документации музеев, в которых ко второй половине XX в. была аккумулирована обширная часть предметов материальной и духовной культуры народов Африки.

В память о нашей дорогой коллеге было решено опубликовать сборник, в который вошли бы статьи, посвященные истории формирования фондов музея, вопросам экспозиционно-выставочной деятельности и, конечно, людям, отдавшим музею свои ум и творческие силы, искренне переживавшим за свое дело.

«Тот, кто знаком с этой сферой, знает, что музейщики — особая профессиональная категория людей. В большинстве своем это абсолютно честные, бескорыстные и ответственные люди, работающие не за страх, а за совесть». Эти слова Клары Петровны Калиновской, доктора исторических наук, ученого, стоявшего у истоков московской африканистики, можно привести как эпиграф к нашему сборнику. Этой характеристике полностью соответствовала и Зоя Леонидовна Пугач.

В каждом отделе музея есть свои имена, которые помнят и о которых нужно писать. Особенно активно идет работа с архивами в отделе Южной и Юго-Западной Азии, сотрудникам которого по крупицам удается реконструировать историю сложения как индийского фонда МАЭ, так и его презентации в музейно-выставочном пространстве. Такой подход выдержан в рамках научной атрибуции предмета, что позволяет выйти на междисциплинарный уровень анализа основных универсальных категорий, которыми оперирует этнографическая наука. История сбора, систематизации коллекций и экспонирования представлена в статьях И.Ю. Котина и О.Н. Меренковой.

И.Ю. Котин, анализируя деятельность супругов Мервартов, пишет об их становлении как музейщиков и этнографов. Он упоминает стажировку Мервартов в этнографических музеях, поездку на Цейлон и в Индию, делает акцент на посвященной этнографии и географии Индии неопубликованной монографии А.М. Мерварта, которую он пытался издать в 1925–1927 гг. По

диапазону поднимаемых вопросов и методу их изложения эта книга сходна с книгами замечательных отечественных африканистов. Д.А. Ольдерогге пишет и публикует в 1930-е годы книгу под названием «Абиссиния» — сборник статей, в котором подробнейшим образом изложена историческая, этнографическая и географическая информация о регионе. Продолжает эту традицию научно-полевого взгляда на культуру В.Р. Арсеньев, который также поднимал вопросы географического и экономического фактора в истории складывания локальных общностей.

В путеводителе по первой индийской экспозиции, составленном А.М. Мервартом, уделено внимание и земледелию. И.Ю. Котин обращает внимание читателя на замечание Мерварта о сельскохозяйственных орудиях, соглашается с ним, что конструкция традиционных индийских орудий труда отвечает характеристикам почвы Индии, а современные технологии разрушают почву полуострова. С теми же словами обращается к читателю в своих статьях Д.А. Ольдерогге, В.М. Мисюгин, а за ним в лекциях Н.М. Гиренко и В.Р. Арсеньев. Тема земли и тонкого почвенного слоя, применения крупной сельскохозяйственной техники в странах Африки активно обсуждается не только в научных кругах, но и на различных саммитах ООН. Этнографические музеи могли бы стать, а иногда и становятся площадкой для широкого общественного обсуждения этой проблемы. Коллекция сельскохозяйственных орудий, собранная Дмитрием Алексеевичем Ольдерогге в Мали, коллекции русских врачей в Абиссинии позволяют представить Африку и с этой стороны.

О презентации культур народов мира в музейном пространстве Великобритании, США и России в конце XIX в. пишет Я.В. Васильков. Восстанавливая историю появления в России «штиглицевских» коллекций по Индии, исследователь открывает читателю личность К.П. Кларка, директора Музея Виктории и Альберта и музея «Метрополитен» в Нью-Йорке. Именно при нем Метрополитен занимает то место, которое по праву принадлежит ему сейчас, и становится всемирно известным центром искусства и образования. Карьера К.П. Кларка начиналась в Индии со сбора индийских коллекций. Стоит отметить диапазон интересов ученых того времени: этнограф, искусствовед, археолог, музейщик — все это сочеталось в одном человеке. Такими были А.М. Мерварт, К.П. Кларк, В.В. Радлов, Л.Я. Штернберг, Д.А. Ольдерогге. В этом плане сборник памяти Зои Леонидовны Пугач достойно продолжает традицию по исследованию истории Кунсткамеры как музея, заложенную директором МАЭ РАН Ю.К. Чистовым. В рамках ежегодных Радловских чтений работает секция «История Кунсткамеры — МАЭ: коллекции, собиратели, сотрудники». Один из разделов Радловского сборника неизменно посвящен этой теме.

Отдельной строкой проходит в сборнике тема экспозиционно-выставочной деятельности музея. 1920–1930-е годы печально известны в нашей стране. Несмотря на это, в МАЭ в эти годы отмечается богатая научная и музейная деятельность. Конечно, это связано с необходимостью поиска новой идеологией точек приложения в истории и культуре страны. Тем не менее нельзя не сказать о тех людях, которые трудились и работали в то время в МАЭ. Это

были совершенно особенные люди, на долю которых выпали тяжелые испытания: господство определенной идеологии, блокада и война.

В то время экспозиции часто служили и кабинетом, и фондами, было характерно открытое хранение. Аналогичным построением обладал музей Питт-Риверса в Оксфорде. Однако там предпочли сохранить эту форму в законсервированном виде. Современный вид музея Питт-Риверса напоминает старые фотографии прежних экспозиций МАЭ. Надо отметить, что музею в Оксфорде посвящен целый пласт научных статей. Он пользуется особой любовью профессионалов-музейщиков.

Конечно, основное место в сборнике уделено коллекциям. Вопросы атрибуции и восстановления истории предмета подняты М.Ф. Альбедиль, А.В. Ляхович, Я.В. Васильковым, Е.Б. Толмачевой, П.А. Куценковым.

Атрибуция предметов из металла позволяет говорить Я.В. Василькову о существовании локальных школ на территории п-ва Индостан, а коллекция керамики демонстрирует эволюцию мастеров от воспроизведения традиционных образцов к оригинальным авторским работам. К.П. Кларк, составляя коллекцию для лондонского и петербургского музеев, уже в 1880-е годы понимал необходимость актуальных этнографических сборов, демонстрирующих трансформацию традиционного искусства. На эту же тему размышляли и спорили в секторе Африки на протяжении всего XX в. П.А. Куценков, крупнейший отечественный специалист по искусству догонов, также пишет о необходимости выделения локальных школ в пластической традиции догонов, которая находится в процессе появления новых форм художественной выразительности, обусловленных процессами глобализации.

Архивные изыскания, проведенные сотрудниками МАЭ, также позволяют читателю взглянуть на форму организации музейной и научной работы в музее.

В.А. Прищепова, анализируя работу в 1930-е годы молодого сотрудника отдела Передней и Средней Азии МАЭ А.Н. Кондаурова, отмечает, что «еще со времен Л.Я. Штернберга и В.Г. Богораза отличительной особенностью ленинградской этнографической школы 1920-х годов было изучение местных языков». Эта особенность до сих пор отличает традицию изучения народов и культур Африки в Петербурге. В свое время даже появился термин «ленинградская школа африканистики».

В секторе Африки Д.А. Ольдерогге была сформирована группа по работе с источниками по этнографии и истории Африки и группа по музейной работе. Под музейной работой, пишет К.П. Калиновская, которая входила в ту группу, понимали научное изучение предметов материальной культуры.

Подход, примененный Д.А. Ольдерогге к организации работы сектора, показал свою продуктивность и представляется наиболее взвешенным, когда вечный спор между музеем и наукой оказался решенным. Каждый в секторе Африке занимался своим делом. Таким образом, в наследство современному отделу Африки достались замечательные описи коллекций, составленный рукой З.Л. Пугач, И.Н. Головановой, целый ряд статей, посвященный атрибуции предметов, этническая принадлежность и географическая локализация которых в описях часто была обозначена просто как «Африка, негры». Между

тем в секторе велась активная научная работа, которая на практике превратилась в издание словарей, источников по истории Африки, фундаментальных трудов по вопросам этногенеза народов Африки. Работы таких крупных ученых-африканистов, как В.М. Мисюгина, Н.М. Гиренко, В.В. Матвеева, В.А. Попова, С.Б. Чернецова, К.И. Позднякова, вывели ленинградскую школу на авансцену современной науки в вопросах лингвистики, этнографии, истории, что и позволило говорить о появлении ленинградской школы африканистики. Действительно, в настоящее время взгляды этих ученых нашли признание в международном научном сообществе. Многие выпускники кафедры африканистики СПбГУ, бывшие аспиранты и сотрудники МАЭ уже работают за границей, продолжая научные традиции, заложенные в Ленинграде-Петербурге.

Колоссальная музейная работа, проделанная музейной группой, созданной Д.А. Ольдерогге, по разбору и учету предметного и фотоиллюстративного фонда по народам Африки также приносит свои плоды. Приятно говорить о том, что сотрудникам современного отдела Африки не стоит никакого труда отвечать на многочисленные запросы из-за рубежа, касающиеся того или иного предмета из фонда МАЭ, так как в наследство им достались замечательные картотеки, архивные материалы, книги поступлений, составленные заботливой рукой сначала самого Дмитрия Алексеевича, а потом Зои Леонидовны. Книга З.Л. Пугач, посвященная коллекциям В.В. Юнкера и этнографии народов Южного Судана, вызывает неизменный интерес у иностранных коллег. Остро ощущается необходимость ее издания на английском языке.

Конечно, еще много предстоит сделать. Предметный фонд по народам Африки насчитывает сейчас более 13 тысяч предметов. Однако это уже работа другого порядка: необходима переатрибуция предметов, история бытования которых не исследована, а региональная типологизация никогда не проводилась, в связи с чем географическая и этническая принадлежность часто указаны неверно.

Стоит сказать, что такая ситуация характерна не только для собрания МАЭ РАН, но и в целом отмечается для собраний второй половины XIX — первой половины XX в. многих музеев мира. Объясняется это просто. Во-первых, характером самих коллекций — в основном речь идет об экспроприациях колониальных времен. Этому вопросу была посвящена отдельная секция на симпозиуме “Herrenhausen” по малым этнографическим музеям в Ганновере в июне 2015 г. Во-вторых, периодом становления этнографии как науки и метода полевого исследования как такового. Современные полевые исследования показывают, что вещи, приобретаемые в той или иной деревне, необязательно сделаны ее мастерами и характеризуют ее быт, традиции и культовые практики. К такому выводу пришел П.А. Куценков, который сейчас активно занимается искусством догонов непосредственно «в поле». В ряде своих статей, включая опубликованную в нашем сборнике, он убедительно доказывает необходимость пересмотра атрибуций большинства предметов колониальных музейных собраний.

Не все музейные коллекции колониальных времен неверно атрибутированы. Примером колониального чиновника на службе и одновременно увлечен-

ного исследователя культуры местных племен является А. Мансфельд, чьи коллекции хранятся в МАЭ РАН. Исследованию его деятельности на этом посту и его камерунским коллекциям посвятила свою статью Х.М. Турьинская. Она отмечает, что роль в становлении А. Мансфельда как коллекционера сыграл директор Берлинского этнографического музея фон Лушан, развивший идею прикладной этнологии.

Нельзя не восхищаться личностями этнографов, искусствоведов, музейщиков, которые стояли у истоков современного этнографического музея. Значительный вклад в развитие африканского музееведения в России внесла и Зоя Леонидовна Пугач.

Можно надеяться, что ее труды по описанию и систематизации коллекций послужат замечательным стартом для начала публикационной активности по изданию каталогов африканских коллекций МАЭ РАН.

К.П. Калиновская верно отмечает, что этнографические коллекции «вообще редко публикуются». Необходимость издания хороших научно-популярных каталогов, коими славятся иностранные музеи, очевидна. В МАЭ РАН эта деятельность начата, но, учитывая колоссальную численность предметного фонда, многое еще предстоит сделать. Представленный читателю сборник является шагом на этом пути.

В.Н. Семенова

PREFACE

The book is dedicated to our dear colleague Zoja Leonidovna Pugach (1932–2014) who had been working for more than 50 years at the Department of African Ethnography, Museum of Anthropology and Ethnography (Russian Academy of Sciences) located in St. Petersburg. She was the main specialist in the fields of Museology and African material culture. A lot of objects' descriptions were written by her careful hand.

Her special interest was the study of Upper Nile material culture. In 1985 she published a book with detailed investigation of Vasiliy Junker's collection which numbers more than 1.500 objects. V. Junker was the first of the foreigners who visited the Upper Nile region in 1877-1878, 1879-1887. So, up to the present day her book remains the "guide-book" for all who are studying the material culture of Upper Nile peoples.

This volume deals with such problems as object attribution, field and archive data interpretation, museum practice and perspectives of the representation of indigenous cultures.

The work is unique in its scope of sources. It is based mainly on ethnographic collections and written documents: published and unpublished papers including field notes, archival and photograph collection materials, ethnographical objects attribution.

The book consists of the preface, the two main sections, and the text in memory of Zoja Pugach.

Chapter 1 gives a survey on African collections in St. Petersburg. In chapter 2 the MAE collections reflecting various indigenous cultures and traditions are analyzed by specialists.

It should be stressed that besides objects attribution the authors of the volume propose their answers to some research questions coming from their practical work as museum curators and anthropologists. So, a great attention is given to the personalities and their work in the Museum of Anthropology and Ethnography.

I. Yu. Kotin speaks about Alexander Meerwarth, his field work in India as well as his experience of working in different ethnographic museums with special reference to his unpublished book in which he concerns not only some ethnographic data but economic and geographical aspects as well. This approach which is characteristic for Soviet scholars of the 1930-s still appears in research studies of modern anthropologists when both geographical and economic factors are analyzed in order to understand the process of local society evolution.

Focusing on the MAE collections of Alexander von Stieglitz Yaroslav Vasilkov attributed some objects of metal attesting some local handicraft traditions in the Hindustan peninsula. The ceramics items demonstrate the evolution of skills from simple copying of some traditional images to original work of authorship. C.P. Clark who collected these "Stieglitz" objects understood at the very beginning

of his career the importance of gathering items reflecting changes in the society and local communities. P. A. Kutsenkov who performs his field studies among Dogon (Mali, West Africa) analyzes local schools of the Dogon sculpture tradition which is now affected by tourism and globalization.

Archive research held by the employees of MAE acquaints the reader with various ethnographical approaches, their methods and forms of organization.

V. Prischepova notes that the distinctive feature of the Leningrad ethnography school of the 1920s was learning local languages. So, the chief of the African Department Dmitriy Olderogge gathered around himself perfect specialists who on the one hand knew the African languages such as Swahili and Hausa, and on the other hand were interested in classification and interpretation of the Museum objects. So such an ambivalence of the scientific works in practice led to the publication of dictionaries, epic poems, historical writings and issues concerning the theoretical aspects of ethnogenesis. Besides that a lot of papers with contributes to some objects descriptions were issued.

The papers of S. Frantsouzoff and E. Gusarova follow the tradition of Ethiopian manuscripts studies in St. Petersburg. N. Dobronravin, A. Moskvitina, A. Zheltov and A. Lyakhovich refer to the Museum collections as human remains of certain communities. It's more precious that the main stock of collections is of colonial era. This in turn resulted in more or less unclear interpretations of the items. However of course we can name some ethnologists of the colonial era who based their collecting practices on their own deep knowledge of cultures which created the objects under consideration. A good example of such a researcher is Alfred Mansfield whose items from Cameroon are described by Kh. Turinskaya.

Generally speaking the museum studies had to position itself in relation to science. The staff of MAE RAS could elaborate its own view on indigenous cultures which aims at presenting the artefacts not as strange and exotic objects but in the context of their social and historical significance.

Valeria Semenova,
Editor

АФРИКА: ПРОБЛЕМЫ АТРИБУЦИИ И СБОРА ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ КОЛЛЕКЦИЙ

ВСПОМИНАЯ ЗОЮ ЛЕОНИДОВНУ ПУГАЧ: К ИСТОРИИ ОТДЕЛА АФРИКИ И АФРИКАНСКОГО СОБРАНИЯ МАЭ РАН

В 1956 г. в кадровый состав Ленинградской части Института этнографии (ИЭ) АН СССР (так тогда называлась теперешняя Кунсткамера — МАЭ РАН, Санкт-Петербург) была включена группа выпускниц кафедры африканистики Восточного факультета ЛГУ, помнится, человек девять. Это был целый курс молодых специалистов по языкам Африки. Этот факт был связан с тем, что по инициативе заведующего кафедрой африканистики Востфака и сектора Африки Института этнографии Дмитрия Алексеевича Ольдерогге была организована работа по составлению словарей языков хауса и суахили. Среди новичков были Е.Н. Мячина, З.Л. Пугач, И.Н. Быкова, М.А. Смирнова, И.А. Осницкая, Г.Д. Шипова. Их распределили в две группы. Одна под руководством Е.Н. Мячиной начала работу по составлению суахили-русского словаря. Другая — по составлению хауса-русского словаря. Руководила этой группой Зоя Леонидовна Пугач.

Работа по словарям была трудной. Такое издание готовилось у нас впервые и требовало и кадровой подготовки на высоком уровне и мощного научного руководства. И вот эти важные составляющие оказались в нужное время и в нужном месте. В этой атмосфере творческой деятельности и началась самостоятельная работа Зои Леонидовны. Несколько лет продолжалась подготовка словарей, и эти труды были успешно завершены и изданы. Через три года после начала словарной работы к руководству группы хауса приступила И.А. Осницкая. Закончившая к тому времени аспирантуру Зоя Леонидовна продолжала трудиться в этой словарной группе.

Для того чтобы завершить этот небольшой экскурс в историю ленинградской африканистики, следует напомнить, что 1960–1980-е годы в мире

Сотрудники отдела Африки МАЭ.
В нижнем ряду крайняя справа — Зоя Леонидовна Пугач.
Фотография из личного архива К.П. Калиновской

были — в научном, да и в политическом контексте — периодом высокой популярности деятельности ленинградских научно-образовательных учреждений — кафедры африканистики на Восточном факультете ЛГУ и сектора Африки в Ленинградской части Института этнографии АН СССР. Это связано прежде всего с двумя обстоятельствами. Первое — образование в Африке независимых государств, которые выступили мощным политическим фронтом на арене мировых событий. Второе — руководство ленинградской африканистикой Дмитрием Алексеевичем Ольдерогге, давно широко известным ученым, педагогом, музейным деятелем, организатором науки.

Тогдашние политические элиты многих стран Африки выдвинули в активную жизнь немало незаурядных лидеров, понимавших современное значение популяризации и в научном мире тем и проблем по истории, этнографии и культуре народов Африки. Вот почему многие из них стремились приехать в Ленинград, познакомиться и выразить свое уважение и благодарность Дмитрию Алексеевичу, ученому с мировым именем, организовавшему вокруг себя школу преданных науке учеников-единомышленников.

Одновременно с работой над созданием словарей Д.А. Ольдерогге организовал в секторе Африки разработку источников по этнографии и истории Африки, издание специальных сборников научных статей по разным проблемам. Ольдерогге в своей преподавательской практике опирался, если можно так сказать, на три постулата. Он утверждал, что африканистом может стать только тот, кто освоит (1) языки, (2) этнографию и историю и (3) материаль-

ную культуру Африки. Все эти предметы преподавались студентам на кафедре ЛГУ, а музейная практика была обязательной и для студентов, и для сотрудников сектора Африки.

В секторе Африки была группа по источникам и по этнографии и истории Африки (В.В. Матвеев, Л.Е. Куббель, М.А. Толмачева) и музейная группа (З.П. Акишева, К.П. Калиновская). В работу последней входила подготовка временных и постоянной экспозиций по материалам фондов ИЭ, научное изучение предметов материальной культуры. Сотрудники также принимали гостей сектора Африки, не только знакомя их с опытом составления словарей, но и показывая экспозицию «Народы Африки» в зале музея.

Атмосфера в секторе была особенно творческой, дружеской и очень интересной. Я в те годы много занималась в музее под руководством З.П. Акишевой. Позднее к нам присоединилась И.Н. Голованова. Но кроме постоянной музейной деятельности у всех нас были свои научные темы исследований. Д.А. Ольдерогге любил переустраивать структуру сектора и, как сейчас сказали бы, менять его формат. Вот так он однажды прибежал (да, Шеф обычно не «ходил», а «бегал», и за ним нелегко было поспевать, особенно по лестнице) и собрал нас за знаменитым «круглым столом» (за ним всегда проходили заседания) в Египетском кабинете. Дмитрий Алексеевич объявил, что И.Н. Голованову (а она тогда была его референтом) переводит в новую музейную группу. В эту же группу Шеф включает З.Л. Пугач, а меня «пересаживает» в свой кабинет референтом.

Это прозвучало громким «взрывом». Зоя Леонидовна подошла ко мне чуть не плача: «Как же я буду работать с коллекциями?! У меня ведь артроз, руки болят, а многие вещи тяжелые, и их перетаскивать надо, описи делать и еще реставрировать!» Я как могла ее утешала... Это было начало Зоиной долгой музейной работы. Потом она полюбила этот новый для нее род деятельности, вошла во вкус. Можно сказать, Зоя Леонидовна и материальная культура нашли друг друга. В связи с этим должна отметить одно из многих замечательных качеств Дмитрия Алексеевича Ольдерогге: он редко ошибался в людях, определяя их на ту или иную работу, а нас всех к тому же хорошо знал со студенческой скамьи. Он недаром ввел З.Л. Пугач в музейное дело. Тот, кто знаком с этой сферой, знает, что музейщики — особая профессиональная категория людей. В большинстве своем это абсолютно честные, бескорыстные и ответственные люди, работающие не за страх, а за совесть. Этой характеристике полностью соответствовала и Зоя Леонидовна Пугач.

Сначала ей все давалось нелегко. И руки у нее болели, и химия, с которой приходилось иметь дело, вызывала аллергию, трудно было привыкнуть к новому режиму. Но постепенно З.Л. Пугач освоилась с новой постоянной работой. В немалой степени этому помогал и характер Зои Леонидовны. Она была очень добрым человеком, преданным своим близким. Ведь вещевой коллекционный материал — это все равно, что дети. К нему можно относиться только по-доброму, а иначе — нельзя. Вот Зоя Леонидовна так и любила свой материал, как детей.

Долгое время З.Л. Пугач работала с большой коллекцией В.В. Юнкера по Центральной Африке. Знаний за годы собралось много. Возникла идея изда-

ния этой коллекции. И тут надо отметить еще одну важную черту Зои Леонидовны — скромность. Помню, сколько усилий приложили мы все, сотрудники сектора, чтобы уговорить ее приступить к работе над книгой по коллекции Юнкера. Зоя Леонидовна подходила ко всему очень основательно. Знала язык хауса, любила Африку, работала всегда ответственно. Но большая скромность и неуверенность в себе мешали ей сделать книгу. Однако хоть и не так скоро, как хотелось бы, но все же удалось довести эту работу до издания [Пугач 1985]. И этот труд стал большой заслугой З.Л. Пугач перед африканистикой, учитывая, что этнографические коллекции вообще редко публикуются.

Я долгие годы дружила с Зоей Леонидовной. Мы даже жили на соседних улицах — она на Фонтанке, я — на Моховой. Мы с нею каждый день встречались у входа в Летний сад, что перед Инженерным замком, и дальше шли пешком по изумительной красоты петербургскому маршруту: по главной аллее Летнего сада, затем через ворота в знаменитой его решетке выходили на набережную Невы, шли по ней до Дворцового моста, по которому переходили на другой берег Невы к Кунсткамере. Трудно передать ту радость и удовольствие, которое мы переживали на этом пути к любимой работе в Институте этнографии. Это хранит память в душе как редкие моменты счастья.

З.Л. Пугач была очень доброй и гостеприимной. Мы нередко собирались вне работы, целой группой и чаще всего у Зои Леонидовны. Всегда было шумно, весело и интересно. У Зои все чувствовали себя свободно, раскованно, как у себя дома. Как немногие, она всегда приходила на помощь, поддерживала в трудную минуту любого из нас, кто нуждался в данный момент. И все знали, что Зоя — друг, который не подведет.

Последние годы мы редко общались, живя в разных городах. Но когда эти моменты случались, мы всегда обсуждали музейные дела, которые нас постоянно беспокоили, заботили, тревожили. В последний раз, за год до смерти Зои Леонидовны, мы с нею говорили по телефону. Она приехала в Москву и позвонила мне перед отъездом. Очень было жаль, что не встретились. З.Л. Пугач хотела посетить наш этнографический музей в Институте этнологии и антропологии РАН. Но не учла, что в январе все на каникулах, и потому не дозвонилась в Институт, а перед отъездом уже не оставалось времени. И в этот последний разговор основной темой был музей, за который Зоя Леонидовна по-прежнему остро переживала как за что-то близкое, родное. Вероятно, «бывших» музейщиков не бывает. Даже уйдя на заслуженный отдых, оставив активную профессиональную деятельность в области материальной культуры, музейный работник продолжает мыслить, жить как хранитель общенародного достояния. И пример этому феномену в этнографии — Зоя Леонидовна Пугач. Такой она будет в памяти тех, кто с нею работал, дружил, кому она помогала и в труде, и в жизни.

К.П. Калиновская

* * *

Зоя Леонидовна Пугач изучала этнографические коллекции, биографии их собирателей и оказывала неоценимую помощь молодым исследователям в подобной работе. Таким образом, мы совместными усилиями продолжали традицию описаний музейных собраний, которые абсолютно необходимы для полноценного функционирования музеев и призваны стать своего рода путеводителем по культурам. Прежде «немые» предметы и целые коллекции «обретают голос». Проясняются исторический контекст формирования музейных собраний и обстоятельства, сопровождавшие коллекционирование.

В процессе изучения африканских, в том числе камерунских, вещевых коллекций МАЭ РАН [Турьинская 2009] невозможно было не обратиться к истории их складывания и к личности их собирателей. Проводя исследования, я постоянно получала содействие со стороны Зои Леонидовны, которая сама в свое время стала автором ценного научного труда, посвященного культуре населения верховьев Нила и написанного по материалам путешествий и коллекций В.В. Юнкера [Пугач 1985]. В этой работе, помимо скрупулезного описания и анализа музейных коллекций, характеристики хозяйства и культуры изучаемых африканских сообществ, заметное место отведено фигуре ученого-собираателя. И это необходимое условие для создания полной, всеохватной картины научного труда по изучению материальной культуры «в поле» и в стенах музея.

В африканском музейном фонде МАЭ РАН привлекает внимание обширное собрание этнографических предметов из Камеруна, в котором особо выделяются — как по количеству единиц хранения, так и по научному и художественному качеству — коллекции Альфреда Мансфельда (1870–1932). Деятельность самого собирателя в Юго-Западном Камеруне, в бассейне р. Кросс, представляет одну из интереснейших страниц истории Западной Африки и истории науки [Турьинская 2010: 77–84].

В ходе борьбы и острой колониальной конкуренции в Африке между Великобританией, Францией и Германией Камерун оказался под протекторатом последней в 1884 г. С середины XIX в. европейскими экспедициями проводились исследования различных районов страны. Западный Камерун — один из регионов, ставших ареной соперничества между британскими и немецкими колонизаторами. С 1880-х годов инициатива в изучении и колонизации Камеруна перешла к Германии. В результате ряда англо- и франко-германских соглашений постепенно оформились границы германской колонии Камерун [Rudin 1938: 59–75].

К началу XX в. территория Юго-Западного Камеруна была исследована и освоена неравномерно. Немецкий исследователь граф Эуген фон Цинтграф первым из европейцев достиг верховьев реки Кросс близ границы с Нигерией — британскими колониальными владениями — и вступил в контакт с племенем баньянг в 1888 г. [Zintgraff 1895: 96–129]. В последующие годы в этом районе был проведен ряд немецких военных экспедиций. В результате завоевательных походов основывались военные и административные станции, становившиеся опорными пунктами германских коммерческих фирм.

Ко времени прибытия гражданского чиновника А. Мансфельда на службу в Юго-Западный Камерун (1904 г.) в этом районе уже сложилась колониальная административная система, включавшая деление на округа. В первые годы XX в. во внутренних областях германского Камеруна управление перешло от военных командиров опорных пунктов к гражданским властям. Мансфельд был поставлен во главе округа Осидинге (ныне округ Манью — Manyu division — с центром в г. Мамфе) в бассейне реки Кросс (Манью). Станция Осидинге была основана в 1901 г. Деятельность А. Мансфельда в Камеруне относится к периоду пребывания в ранге губернатора таких известных колониальных деятелей, как Йеско фон Путткамер (до января 1906 г.) и Теодор Зейц (июль 1907 — август 1910). Зейц с 1910 по 1915 г. занимал пост губернатора Германской Юго-Западной Африки, с 1920 г. — президента Германского колониального общества (Deutsche Kolonialgesellschaft — DKG), организации, являвшейся одним из инструментов германской колониальной политики, с 1936 г. передавшей свои функции Reichskolonialbund'у.

Население Юго-Западного Камеруна и Юго-Восточной Нигерии являло собой культурное единство племен, говорящих на языках группы бенуэ-конго нигеро-кордофанской семьи, разделенных границей германской колонии Камерун и владений Великобритании. Речь идет об экои (эджагам), боки и других родственных им группах. Их занятия — ручное земледелие, охота и рыбная ловля, в некоторых районах животноводство, развиты разнообразные ремесла — гончарство, ткачество, плетение, резьба по дереву. Сохраняются традиционные верования, возрастные институты, мужские и женские тайные союзы, пиктографическая письменность *нсибиди*.

В Юго-Западном Камеруне на территориях, приграничных с Нигерией, как и в ряде других районов страны, германские власти столкнулись с сопротивлением африканцев колониальным порядкам. Предшественник А. Мансфельда граф Пюклер-Лимбург, первый гражданский начальник (в 1902–1904 гг.) округа Осидинге, был убит в 1904 г. на территории расселения племени аньянг. Аньянг напали на руководимую окружным начальником военную экспедицию, целью которой было открытие новых районов для торговли немецких коммерсантов, действовавших под эгидой концессионного общества «Гезельшафт Нордвест-Камерун» [История 1983: 74].

Убийство окружного начальника и бегство немногих уцелевших наемников из числа «охранной части» послужило непосредственным поводом для начала восстания, получившего название «Nraw Manku» или «Mraumanku war» [Röschenthaler 2009: 123]. Оно охватило район, населенный аньянг, боки, эджагам и баньянг. Причиной восстания стали недовольство африканцев методами германского колониального господства, жесткий нажим по отношению к коренному населению со стороны колонизаторов и их пренебрежение к местным культурным традициям. Восстание было подавлено охранными войсками, полгода понадобилось колониальным властям для «умиротворения» округа.

А. Мансфельд, заступивший на службу в качестве гражданского окружного начальника, должен был учитывать сложившуюся здесь ситуацию. В том же 1904 г. административный центр округа был перенесен из Осидин-

ге в Мамфе. А. Мансфельду, энергичному и умелому администратору, удалось установить стабильные отношения с местным населением, о чем может свидетельствовать факт весьма продолжительного пребывания чиновника на своем посту. Служебная деятельность А. Мансфельда в Осидинге продолжалась до того времени, когда в ходе Первой мировой войны территория Камеруна была оккупирована (с апреля 1914 г.) англо-французскими войсками и Германия потеряла свою колонию [Фокин 2003: 50]. С марта 1916 г. власть в Юго-Западном Камеруне перешла к Великобритании. С 1920-х годов округ Осидинге, получивший название Мамфе, в составе британской подмандатной территории — Южного Камеруна — управлялся из Нигерии.

Африканцы неслучайно прозвали А. Мансфельда «доктор Мамфе» и «доктор Мамфред». Он искренне интересовался культурой коренных жителей региона, куда был назначен нести службу. Мансфельд разделял убеждение тех германских государственных и общественных деятелей, служащих и представителей науки, которые полагали, что для того, чтобы приобрести, удержать и освоить колонии, необходимо тщательно изучить во всей полноте культуру, быт, хозяйство местного населения. Этого мнения придерживался и директор Берлинского этнографического музея Феликс фон Лушан, способствовавший становлению и развитию прикладной этнологии [Марков 2004: 38–39] — науки, которая была призвана обеспечить проведение «реалполитик», сопровождать империалистические захваты и облегчить колониальную практику. Ученый направлял научную и музейную деятельность ряда исследователей, проводивших в Африке этнографические и антропологические работы [Турьинская 2008: 145].

А. Мансфельд особо отмечал, что именно профессор фон Лушан вдохновил его [Mansfeld 1908: VII], офицера медицинской службы и колониального чиновника, не имевшего специального этнологического образования, на исследование культуры африканцев. От Ф. фон Лушана в 1904 г. он получил необходимые инструкции для этнографических работ и для сбора коллекций. В результате многолетних систематических скрупулезных исследований Мансфельду удалось исследовать и описать культуру племен бассейна реки Кросс на камерунско-нигерийском пограничье — экои, обанг, кеака, аньянг, баньянг, боки, бакого, хауса. Также им были собраны здесь обширные и ценные вещевые коллекции, которые пополнили фонды этнографических музеев Дрездена, Берлина, Штутгарта, а затем и Санкт-Петербурга [Zemanek 2009: 74].

Наряду с А. Мансфельдом изучением культуры экои занимался известный британский ученый П.А. Талбот, работавший в те же годы (с 1907 г.) в качестве колониального служащего по другую сторону границы, на юго-востоке Нигерии, и в частности, в населенном экои округе Обан. Как и Мансфельд, Талбот был не только успешным администратором, но и вдумчивым исследователем. П.А. Талбот в период службы А. Мансфельда посещал территорию германского Камеруна, а именно округ Осидинге. Британский чиновник в сопровождении немецкого «коллеги» объехал ту часть округа, где проживали экои, и ознакомился с их жизнью и бытом. Полученные данные были использованы Талботом в его научных трудах, посвященных культуре экои [Talbot

1912; Talbot 1969]. Одним из ранних исследователей народов, населявших германскую часть бассейна реки Кросс, был также Ф. Сташевский, который вслед за А. Мансфельдом занимался изучением баньянгов [Stashevski 1917].

По материалам своих исследований 1904–1907 гг. А. Мансфельд в 1908 г. в Берлине опубликовал прекрасно иллюстрированную книгу («Urwald-Dokumente. Vier Jahre unter den Crossflussnegern Kameruns»), в которой впервые в мировой науке в столь полном объеме даны сведения о регионе Кросс Ривер и о разных сторонах жизни аборигенного населения по «этнографическим рубрикам». В монографии представлены племенной состав, демографические характеристики и «этническая история», поселения и жилище, транспорт, хозяйство, домашняя утварь, пища, одежда и украшения, искусство изобразительное, пластическое и музыкальное, социальная структура, обряды жизненного цикла, религиозные представления, фольклор, медицина и др.

Показательно и символично, что двадцать лет спустя в Мюнхене А. Мансфельд публикует в дополнение к первой книге второй свой труд, посвященный населению этого региона — междуречья Кросс и Бенуэ в Западной Африке [Mansfeld 1928]. Первую книгу («Urwald-Dokumente») автор посвятил президенту Германского колониального общества герцогу Иоганну Альбрехту Мекленбургскому. На издание же новой книги («Westafrika»), выпущенной уже после потери Германией колоний, Мансфельда сподвигла «тоска по тропикам» и желание напомнить германскому народу о колониальной идее, которую в Германии, впрочем, никогда и не забывали.

Именно в этот период (с 1920-х годов) страна готовилась к реваншу за поражение в Первой мировой войне, усиливала свою экономическую и военную мощь. В Германии в этот период формировалась новая колониальная идеология и политика, возрождалось массовое колониальное движение. Издание новой книги А. Мансфельда о Камеруне шло в русле идеи о необходимости вернуть утраченные территории. После Первой мировой войны он находился на службе в германских колониальных структурах. «Доктор Мамфе» активно общался не только с африканцами — жителями Камеруна, но и с камерунцами, оказавшимися на территории Германии. Мансфельд участвовал в работе образованного в 1913 г. Немецкого общества по защите туземцев (Deutsche Gesellschaft für Eingeborenenschutz), а затем созданного ему на смену в 1925 г. Немецкого общества по изучению туземцев (Deutsche Gesellschaft für Eingeborenkunde). Функцией общества было, с ведома и по поручению министерства иностранных дел, изучение культуры аборигенов и помощь жителям бывших германских колоний, а также тем африканцам, которые оказались на территории Германии [Aitken 2011: 107; Aitken, Rosenhaft 2013: 139]. В 1930 г. Мансфельд вернулся в Мамфе в качестве сотрудника международной компании.

В деятельности А. Мансфельда воплощается тесная связь реалий колониальной политики и целей научного исследования. При этом изучение культуры народов региона проводилось им в полном соответствии с традициями и методикой европейской этнологической науки. Запись информации дополнялась иллюстрациями и фотофиксацией явлений культуры, а также сбором вещевых этнографических коллекций. К монографиям Мансфельда обраща-

лись и продолжают обращаться исследователи истории и культуры Западной Африки.

Россия не участвовала в колониальных захватах на Африканском континенте, имела меньше геополитических стимулов и финансовых возможностей направлять туда исследователей. В то же время в русском обществе сформировался устойчивый интерес к истории и культуре африканцев, а отечественные музеи приступили к формированию африканских собраний.

Замечательной вехой в музейной жизни Санкт-Петербурга стало приобретение Музеем антропологии и этнографии (Кунсткамерой) АН в 1909 г. собрания Альфреда Мансфельда, состоящего из почти 500 камерунских этнографических предметов [Искусство 1968]. В целом же африканские вещевые фонды музея насчитывают в настоящее время свыше 13 тыс. ед. [Кунсткамера 2009: 120]. В мансфельдовское собрание входят шесть коллекций, отражающих культуру и быт экои, обанг, кеака, аньянг, баньянг, боки, хауса. Многие предметы из этих коллекций опубликованы в первой книге А. Мансфельда.

Собрание Мансфельда (коллекции 1602, 1603, 1604, 1605, 1607, 1608) содержит домашнюю утварь и хозяйственные орудия (сумки и мешки, корзины, посуду, лампы, лопатки для растирания клубней, ступки и песты, воронки, обручи для влезания на пальму, станок для плетения циновки из пальмовых волокон), предметы обихода и интерьера, рыболовные принадлежности, охотничье снаряжение, оружие, магические предметы, танцевальные костюмы, маски, наголовники, украшения, посохи, трон вождя кеака, ритуальные жезлы и столбы — изображения предков, орнаментированные знаками пиктографического письма *нсибиди* калесасы экои и вееры новоиницированных девочек кеака, барабаны и музыкальные инструменты, игрушки и многое другое.

Обратим внимание, в частности, на антропоморфные маски экои, изготовленные из дерева и покрытые кожей (антилопы?) [Röschenthaler 1999: 95–97]. Маски использовались в обрядах Экпо/Нгбе — мужского тайного общества «(людей-)леопардов» («Leopard society»), функционирующего и поныне по всему региону Юго-Восточной Нигерии и Юго-Западного Камеруна [Ruel 1969: 217–231]. Сведения об этом тайном союзе и изображения масок можно найти в исследованиях А. Мансфельда. Для усиления натуралистического эффекта в антропоморфных масках (шлемах и наголовниках в виде голов и фигур) экои человеческие черты воспроизводятся с анатомической точностью. Натурализм этих масок, как предполагают, имеет связь с традициями существовавших у экои ассоциаций охотников за головами [Brain 1980: 105; Мириманов 1986: 109].

Предметы из коллекций А. Мансфельда в МАЭ РАН характеризуют основные стилевые особенности масок и скульптуры экои, а также родственных им племен района р. Кросс. Собрание иллюстрирует различные стороны хозяйства и общественной организации, материальной и духовной культуры населения региона, по праву является одной из жемчужин МАЭ. Вещи из мансфельдовского собрания занимают видное место на постоянной экспозиции Кунсткамеры. Имя Альфреда Мансфельда вписано как в историю Камеруна, так и в историю африканистики и музейного дела. Его коллекции

и книги служат ценным источником для изучения искусства и быта населения Западной Африки.

Африканские коллекции, хранящиеся в российских музеях, составляют часть культурного наследия нашей страны, и их сохранением и популяризацией мы обязаны таким уникальным специалистам и энтузиастам музейного дела, как Зоя Леонидовна Пугач.

Х.М. Турьинская

Библиография

Искусство Тропической Африки в собраниях СССР / Сост. Г.А. Чернова; под ред. Д.А. Ольдерогге. М., 1968.

История германского колониализма в Африке / Отв. ред. А.Б. Давидсон. М., 1983. Кунсткамера. 295 лет. История, исследования, коллекции. СПб., 2009.

Марков Г.Е. Немецкая этнология. М., 2004.

Мириманов В.Б. Искусство Тропической Африки: Типология. Систематика. Эволюция. М., 1986.

Пугач З.Л. Культура народов верховьев Нила (по материалам путешествий В.В. Юнкера). М., 1985.

Турьинская Х.М. Из истории африканистики и музейного дела: этнограф и антрополог Ян Чекановский // Человек, общество, цивилизация в Африке. История и современность. М., 2008. С. 145–153.

Турьинская Х.М. Камерунские этнографические коллекции в собрании МАЭ РАН // Африканский Сборник — 2009 / Отв. ред. В.Ф. Выдрин. СПб.: МАЭ РАН, 2009. С. 156–164.

Турьинская Х.М. Альфред Мансфельд и изучение народов Западной Африки // Африка и мир: взаимопонимание, изучение, преподавание: Мат-лы междунар. науч. конф. ИВИ РАН, ИСАА МГУ. Москва, 17–18 сентября 2009 г. М.: ИВИ РАН, 2010. С. 77–84.

Фокин С.В. «Дранг нах Африка»: колониальная политика Германии (конец XIX – 30-е годы XX века). М., 2003.

Aitken R. Surviving in the Metropole: The Struggle for Work and Belonging amongst African Colonial Migrants in Weimar Germany // Belonging in Europe — the African Diaspora and Work / Ed. by C. Bressey and H. Adi. Abingdon: Routledge, 2011. P. 99–119.

Aitken R., Rosenhaft E. Black Germany: The Making and Unmaking of a Diaspora Community, 1884–1960. Cambridge, 2013.

Brain R. Art and Society in Africa. L.; N.Y., 1980.

Mansfeld A. Urwald-Dokumente. Vier Jahre unter den Crossflussnegern Kameruns. Berlin, 1908.

Mansfeld A. Westafrika. Aus Urwald und Steppe zwischen Crossfluss und Benue. München, 1928.

Röschenthaler U. Of Objects and Contexts: Biographies of Ethnographica // Journal des Africanistes. Année 1999. Vol. 69. No. 1. P. 81–103.

Röschenthaler U. The Submerged History of Nsanakang: A glimpse into an Anglo-German Encounter // Encounter, Transformation and Identity: Peoples of the Western Cameroon Borderlands, 1891–2000. Cameroon Studies. 2009. Vol. 8. P. 110–140.

Rudin H.R. Germans in the Cameroons 1884–1914. A Case Study in Modern Imperialism. New Haven, 1938.

Ruel M. Leopards and Leaders. Constitutional Politics among a Cross River People. L., 1969.

Stashevski F. Die Banjangi. Überarbeitet und Herausgegeben von B. Ankermann / Baessler-Archiv. Beiheft VIII. Leipzig; Berlin, 1917.

Talbot P.A. In the Shadow of the Bush. L., 1912.

Talbot P.A. The Peoples of Southern Nigeria. [New Impr.]. Vol. I–IV. L., 1969.

Zemanek D. Auf den Spuren von Alfred Mansfeld. Die Kunst und Kultur der Ejagham // A4. Magazin für Aussereuropäische Kunst und Kultur. 2009. No. 1. S. 74–78. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.tribal-art-auktion.de/press> (дата обращения: 15.09.2016).

Zintgraff E. Nord-Kamerun. Berlin, 1895.

А.Ю. Желтов

**О ПОСЛЕДНИХ ПОПОЛНЕНИЯХ
АФРИКАНСКОЙ КОЛЛЕКЦИИ МАЭ РАН,
СОБРАННЫХ В ХОДЕ ЭКСПЕДИЦИЙ
В НИГЕРИЮ (2012 г.) и ТАНЗАНИЮ (2013 г.)**

Для многих поколений петербургских африканистов долгие годы поездки в Африку оставались неосуществимой мечтой, и лишь некоторым коллегам удавалось оказаться в Африке, причем не всегда по каналам, связанным с научной деятельностью. Многие коллеги пополняли африканскую коллекцию МАЭ РАН приобретенными во время своей работы в Африке предметами. Подобная практика продолжается и сейчас, когда полевая работа в Африке стала носить регулярный характер.

Важным прорывом в этой сфере оказалась организация В.Ф. Выдриным в 2001 г. лингвистической экспедиции в Западную Африку, основным объектом которой были языки манде. Экспедиция успешно функционирует до сих пор, и ее школу прошли десятки студентов и преподавателей.

Последим неохваченным «африканизацией» отделением до недавнего времени оставалось отделение языков и культур Западной Африки (хауса). Доступ к полевому материалу для этого направления, основным регионом для которого является Нигерия (самая населенная страна Африки, недавно вышедшая на первое место в Африке по общему ВВП), осложнялся не самой стабильной политической ситуацией и, соответственно, проблемами с безопасностью. Впрочем, и первые экспедиции в Кот д'Ивуар проходили на фоне то затихающей, то разгорающейся гражданской войны. Для Нигерии характерно очень большое лингвистическое разнообразие — более 500 язы-

ков. При этом не только отдельные языки, но и целые языковые семьи, распространенные там, оказываются крайне мало изученными. Одной из таких является семья адамауа, распространенная в одноименной провинции в восточной части страны и соседнем Камеруне. Она насчитывает около сотни языков, большинство из которых не описано. Это делает даже само генетическое единство этих языков (гипотеза Дж. Гринберга) гипотетическим. Поэтому предложение наших коллег из международного проекта по реконструкции макросемьи нигер-конго внести свой вклад в заполнение данной лакуны было воспринято с энтузиазмом.

Первая экспедиция в Нигерию была запланирована на январь-февраль 2012 г. (время выбрано с учетом наименьших потерь для учебного процесса), велась большая подготовительная работа, так как материал языков адамауа был новым для всех предполагаемых участников. Экспедиция состояла из А.Ю. Желтова (заведующего кафедрой африканистики СПбГУ, зав. отделом этнографии Африки МАЭ РАН, специалиста по африканской лингвистике и лингвистической типологии), доцента А.В. Ляхович (специалиста по языку и литературе хауса) и студентки четвертого курса Татьяны Аникиной. Финансирование первой экспедиции осуществлялось из гранта на экспедиции Санкт-Петербургского государственного университета при поддержке гранта Российского фонда лингвистических исследований. Несмотря на все сложности, удалось не только добраться до места назначения, но и в очень сжатые сроки найти информантов по четырем языкам интересующей нас семьи: вакка, йенданг, майа и ньонг. Первая экспедиция в Нигерию осложнялась обострением политической обстановки в стране: в конце декабря началась серия террористических актов, организованных группировкой «Боко Харам» (буквально «Запретить европейское образование!»), один из которых произошел как раз в предполагаемом месте дислокации — в столице провинции Адамауа Йоле — ровно за неделю до нашего приезда, а кроме того, по всей стране началась всеобщая забастовка, вызванная отменой государственных субсидий на бензин — для многих нигерийцев единственного бонуса от статуса одного из ведущих экспортеров нефти (пятое место в мире). Поездка находилась на грани срыва, но консультации с нашими коллегами из Американского университета в Нигерии (базирующегося как раз в Йоле) и работающими в Нигерии нашими выпускниками — Андреем и Анной Масловыми (А.А. Маслов — директор компании «Газпром-Найджирия»), обещавшими нам всестороннюю поддержку¹, а также невозможность сдать билеты и уже оформленные командировки помогли принять решение не отменять поездку.

В ходе этой экспедиционной поездки, помимо реализации собственно лингвистических задач, А.Ю. Желтовым был приобретен интересный этнографический материал для африканской коллекции МАЭ РАН. Кроме того, одна интересная маска была приобретена им во время научной поездки в Ке-

¹ Хочется отметить, что поддержка коллег из Американского университета, прежде всего его президента Марги Энсайн, наших выпускников Андрея и Анны Масловых, а также Петра Арсеньева (посольство РФ в Нигерии), действительно сопровождала нас на протяжении всех трех экспедиционных выездов. Без этой поддержки наша работа вряд ли была бы возможна, за что мы им всем очень благодарны.

нию и Танзанию осенью 2013 г. Ниже представлено краткое описание привезенных объектов в соответствующем культурном контексте.

Следует отметить, что приобретение объектов для МАЭ РАН имеет свою специфику: Кунсткамера собирает и экспонирует исключительно оригинальные артефакты, задействованные в ритуальной или хозяйственной практике. В африканском контексте это создает определенные сложности, так как ритуальные объекты можно найти в так называемых «туристических» местах (как правило, специальные рынки в крупных городах), которые заполнены целой индустрией подделок и откровенно туристической продукции. Связано это, в частности, с тем, что местные традиционные практики и ее атрибуты не поощряются доминирующими сейчас в Африке христианством и исламом и не демонстрируются посторонним. С другой стороны, многим африканцам становится известна ценность объектов их традиционной культуры в Европе

и Америке, что является почвой для специфического бизнеса по продаже африканского антиквариата (а часто и по его производству). Это свойственно и рынку Мвенге (на языке суахили «факел» — довольно необычное название для рынка деревянной африканской скульптуры) в Дар-эс-Саламе (Танзания). Но при внимательном подходе и умении общаться с продавцом даже в таком туристическом месте можно обнаружить совершенно неожиданные и очень интересные объекты. Именно так произошло во время моей научной поездки в Кению и Танзанию осенью 2013 г. в одной из антикварных лавок рынка Мвенге, куда меня привел выпускник и преподаватель кафедры африканистики СПбГУ, а в то время директор Российского центра науки и культуры в Восточной Африке А.С. Зданевич. Среди большого количества объектов, не производивших впечатления достойных коллекции Кунсткамеры, нам попалась интересная и необычная для региона маска, привлекавшая наше внимание (рис. 1).

После некоторого обсуждения цены маска была приобретена, хотя на тот момент мы не могли дать ей точной атрибуции, но были привлечены ее очевидной необычностью и «не туристскостью». В результате работы по ее атрибуции выяснилось, что это маска этнической группы салампасу, которая живет на юге Демократической Республики Конго на границе с Анголой, в основном в провинции Касаи, и говорит на языке чисалампасу (L 51), отно-

Рис. 1. Маска этнической группы салампасу (ДРК). Дерево, краситель, медные пластины

сящемся к зоне L языков банту (по известной классификации Малколма Гас-ри) и родственного языку лунда, с носителями которого салампасу граничат. Салампасу — известные в регионе воины и охотники. Их маски используются для ритуалов инициации и посвящения в воины. Характерной особенностью масок салампасу является выпуклый лоб, сужающаяся к подбородку форма лица, глубоко посаженные глаза, прямоугольный рот с заостренными зубами, что отражает аналогичный процесс подтачивания зубов во время инициации. Многие маски украшены волокнами рафии (на данной маске отсутствуют) и сопровождалась специальной плетеной одеждой, составлявшей с маской единый символ. По некоторым сведениям, маски салампасу относятся к мужскому военному обществу ибуку, для вступления в которое надо убить врага на поле битвы или в одиночку справиться со львом или леопардом, и иерархизируются по трем разрядам — охотники, воины и вожди. Данная маска может принадлежать к самому престижному разряду «вождей» — мукинга, так как вся деревянная основа обита мелкими медными пластинами (медь является признаком власти в районе африканского Медного Пояса). Женщинам было запрещено смотреть на эти маски — при объявлении о приближении маски они скрывались. Возраст маски установить достаточно трудно: старый внешний вид может говорить о неблагоприятных условиях хранения, по возможной утрате верхнего украшения из рафии и состоянию оборотной стороны можно предположить возраст в несколько десятилетий и отнести маску к середине XX в. Сложно сказать, какими путями маска с юга ДРК попала в Дар-эс-Салам, но ее атрибуция как маски именно салампасу не вызывает сомнения.

Большая часть новых поступлений была приобретена в городе Йола — столице провинции Адамауа в Восточной Нигерии, где автор находился в описанной выше экспедиции. Йола — место совсем не туристическое, и здесь нет туристических сувенирных рынков (как в столичных городах или туристических центрах). Исходя из этого возможность приобретения объектов для пополнения коллекции МАЭ РАН представлялась проблематичной, тем более что основной целью экспедиции была работа с информантами по описанию языков, а не поиск интересных артефактов. Встретиться с ритуальными объектами местных культов в столице фульбского мусульманского султаната, большинство населения которого мусульмане, а часть населения была христианизирована, достаточно сложно. Что же касается традиционных хозяйственных объектов, то, несмотря на сохранение многих традиционных социальных институтов, современная хозяйственная деятельность здесь подверглась серьезной модернизации, и на обычном рынке легче найти продукты китайского ширпотреба, чем какие-либо уникально африканские артефакты.

На территории Йолы расположен Американский университет в Нигерии — учебное заведение, с которым мы сотрудничали, и некоторые преподаватели университета проявляли интерес к африканскому искусству, что, видимо, привело на территорию университета местного предпринимателя Мухаммеда — торговца по прозвищу Чип-Чип (от англ. cheap — «дешево»). По происхождению он выходец из Камеруна, отец многочисленных детей, держащий сеть «агентов», рассылаемых по деревням с целью поиска пред-

Рис. 2. Рог. Рог, кожа, шкура, каури. МАЭ РАН. Колл. № 7514-1

метов для дальнейшей перепродажи. Поскольку свой товар он предлагал достаточно давно и многие местные коллеги свой интерес уже удовлетворили, то появление нового человека он воспринял с энтузиазмом и быстро понял, что меня не очень интересует современная деревянная пластика и другие традиционные туристские изделия, а гораздо больше привлекают найденные им или его агентами в деревнях ритуальные и хозяйственные предметы совершенно не сувенирного характера и внешнего вида, подборка которых носила достаточно случайный характер, что, впрочем, было некоторым признаком их подлинности. Не всегда хорошая сохранность многих объектов в данном контексте могла свидетельствовать о том, что предметы не использовались их обладателями в современном христианском или мусульманском окружении, но все же сохранились «случайно» со времени, когда были полноценными участниками ритуальной или хозяйственной жизни. Регулярность появления Мухаммеда и отсутствие активной покупательской конкуренции позволяли не покупать интересующие вещи сразу, а выждать паузу, навести справки в Интернете и очень серьезно изменить первоначально названную цену. Именно таким образом были приобретены описываемые ниже предметы.

Коллекция из семи предметов, собранная во время экспедиции 2012 г., поступила на хранение в МАЭ РАН (колл. 7514, акт приема на ВХ ЭФЗК № 194 от 31.05.2012, протокол ЭФЗК № 29 от 31.05.2012).

Рог обтянут шкурой с остатками меха длиной примерно 25 см. Края шкуры стянуты кожаными веревками крест-накрест. Внутри рог полый. Посередине имеется овальное отверстие, над которым повязана веревка таким образом, что образована петля (как для подвешивания). Вербка закреплена очень плотно и пропущена под шкурой. Узкий край рога украшен резьбой в виде кольцевых параллельных линий. Широкий край — рядами каури, прикрепленными к рогу темной смесью из материалов природного происхождения.

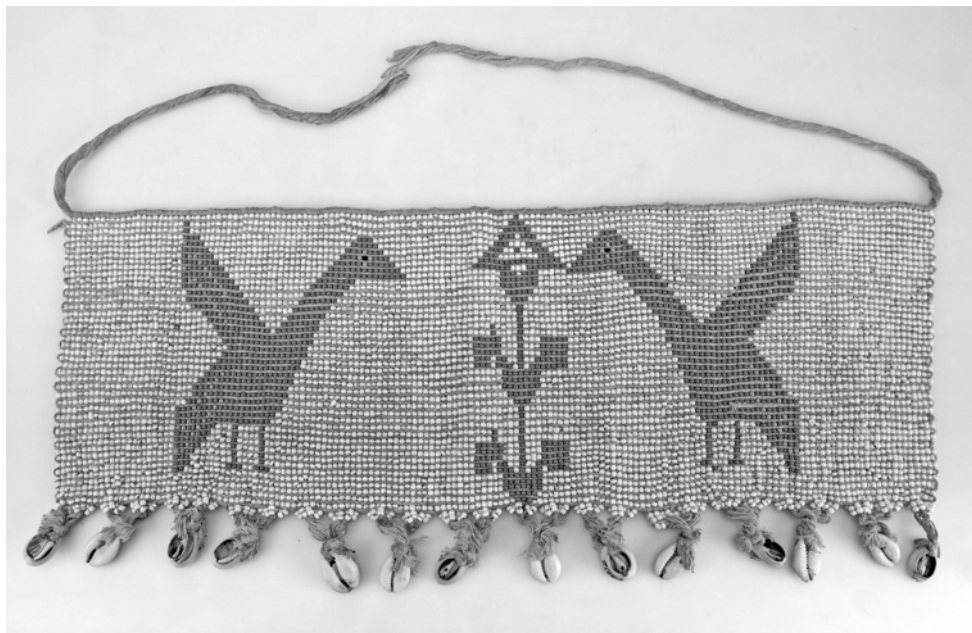

Рис. 3. Передник для инициации девушек. Раковина каури (*Cypraea moneta*), бисер стеклянный цветной, нитки. МАЭ РАН. Колл. № 7514-2

Поверхность рога слегка отполирована. Характерный запах говорит о том, что вещь была в употреблении. Рог используется для охоты, рыбной ловли (производимый им над поверхностью воды звук должен привлекать в это место рыбу), объявления войны. По словам продавца, возраст рога около 100 лет (?) и он принадлежал представителям народа мумуйе — самый крупный этнос, говорящий на языках группы адамауа, живет к юго-западу от Йолы.

Передник прямоугольной формы выполнен из бисера, нанизанного на основу из скрученных ниток. Основной фон бисера белый. Рисунок выполнен красным бисером в виде двух птиц вокруг растения (дерева?), тоже из красного бисера. Глаза птиц — голубой и черный бисер. Крылья местами обозначены голубым бисером. Интересно, что рисунок и даже цветовая гамма напоминает славянские орнаменты с изображением птиц. Декор двусторонний. Однако изнаночную сторону передника можно отличить по редким узелкам и растрепанным нитям. Низ передника украшен подвесками длиной около 4–5 см из раковин каури в продольном разрезе (14 шт.). Передник повязывается на талии девушки бечевкой длиной около 110 см, которая служит основой бисерного плетения. Края бечевки разлохматились. Характерный запах говорит о том, что вещь, скорее всего, была в употреблении. По словам продавца, передник принадлежит этнической группе фали (граница Нигерии и Камеруна) и относится к середине XX в. Этническая группа фали живет в Северном Камеруне и Восточной Нигерии и подразделяется на северных и южных фали, при этом языки у двух групп разные. В соответствии с электронным справочным изданием «Этнолог», один относится к афразийской макросемье, а второй — к нигер-конго (при неопределенности групповой принадлежности

Рис. 4. Браслет-погремушка для инициации юношей. Железо.
МАЭ РАН. Колл. № 7514-3

внутри данной макросемьи). В настоящее время большинство фали — мусульмане, что может свидетельствовать об относительно старом происхождении передника, очевидно относящегося к доисламской ритуальной практике.

Браслет-погремушка для инициации юношей предположительно также относится к этнической группе фали (см. описание предыдущего предмета). Это разомкнутый овальный браслет из цельного металлического стержня с незамкнутыми концами, без замка. Форма наконечника утолщена и загнута. Обод имеет три утолщения в виде разомкнутых створок, внутри каждой перекачивается шарик, металлический, со щербинами. Таким образом достигается эффект погремушки. Ковка грубая. Поверхность металла выщерблена. По функциональному назначению браслет наручный, скорее всего, плечевой. Возраст приблизительно можно датировать серединой XX в. или ранее.

На рисунках 5, 6 и 7 представлены куклы намджи — название и самих кукол, и этнической группы (Западный Камерун). Они используются как обучающая игрушка для девочек, с ними обращаются как с детьми, они могут превращаться в фетиш, если игравшая с ними девочка становится успешной матерью. Кукла на рисунке 7 уже стала фетишем, что выражается в богатстве украшений, которые навешиваются в качестве благодарности за помощь при рождении детей (дерево, бисер, кожа, железные кольца, веревка). Примерный возраст кукол — середина XX в.

Кукла простая, без украшений, вырезана из цельного куска дерева. Голова представляет собой овальный шар, на котором лицо обозначено отверстиями для глаз и носа, рот — насечкой. На голове вырезана шапочка (либо прическа?). Узкая шея. Широкое овальное туловище длиной примерно 6 см, наибольший диаметр около 8 см. Грубо вырезаны две ноги с обозначенными ступнями. Дерево отшлифовано грубо, щербины. С правого боку туловища выбиты два гвоздя (возможно, это благодарность за помощь кому-то при рождении ребенка). Бытовое загрязнение, мелкие сплошные трещины по корпусу и на лице говорят об аутентичности объекта.

Рис. 5. Кукла-намджи. Дерево, железо.
МАЭ РАН. Колл. № 7514-4

Рис. 6. Кукла-намджи.
Бисер стеклянный цветной, дерево,
выделанная кожа домашнего барана.
МАЭ РАН. Колл. № 7514-5

Рис. 7. Кукла-намджи — фетиш.
Бисер стеклянный цветной, дерево,
выделанная кожа домашнего барана,
железо, веревка.
МАЭ РАН. Колл. № 7514-6

Кукла вырезана из цельного куска дерева и имеет общий вид усеченного конуса. Голова треугольной формы, сужающаяся кверху. Глаза и рот обозначены отверстиями. Нос — насечкой. Шея обмотана нитями бус из бисера, сверху вниз — белые, красные, желтые.

Туловище трапециевидной формы обмотано продольно кожаными ремешками таким образом, что с боковин свободно спадают по семь кожаных полосок длиной около 15 см. Ремешки промазаны темной смесью растительного происхождения (возможно, способ крепления полосок к тулову). Ноги отходят от основания трапеции, сужаются книзу, потом в районе ступней расширяются. Фигурка грубо отшлифована. По дереву — технические шербины.

Кукла вырезана из цельного куска дерева. Голова имеет вид конуса, сужающегося кверху. По голове выполнен орнамент насечкой в виде полос. Отверстиями обозначены две ноздри и рот. Глаза — круглые отверстия, в которые вставлены желтые кольца (пластмасса?). Шея, неестественно длинная, обмотана низками бус голубого бисера. Тулово небольшое, обмотано также бусами из зеленого и голубого бисера. Под ними — красные бусы поверх кожаных ремешков, намотанных по тулову от плеч до паха. Руки вырезаны полукольцами. На запястьях повязаны веревки с низками крупных желтых бусин. С правой стороны на низке надет металлический незамкнутый «браслет» длиной 1,7 см, орнаментированный насечкой. К шее на веревку прикреплен амулет таким образом, что один кожаный квадратик висит на груди, другой — на спине. На поясе — аналогичная веревка с шестью кожаными квадратиками, на которых, как и на верхних, есть вышивка. Подобные квадратики считаются амулетами, распространенными среди народов Западной Африки (носятся на шее, см. коллекции Л. Фробениуса, В.Р. Арсеньева). К кожаным ремешкам в области паха прикреплены веревки с каури и металлическими разомкнутыми кольцами диаметром около 2 см таким образом, что висят как

Рис. 8. Фигура предка (духа).
Железо. МАЭ РАН. Колл. № 7514-7

раз между ног. На ногах обозначены ступни. На правой голени металлический «браслет», как на руке, также украшенный насечкой. Количество каури — 7 шт. Общее количество колец — 28 шт. Фигурка грубо отшлифована. Многочисленные украшения говорят об изменении статуса этого объекта от обучающей куклы к фетишу.

Антропоморфная фигура выполнена из куска железа, цельного или нет, сказать сложно. Скорее всего, использовалась смешанная техника литья иковки. Естественные пропорции нарушены. Заметно удлинены туловище и руки — длина около 22 см. Ноги длиной около 14 см согнуты в коленях. Шея и голова — около 8 см. Голова овальной продолговатой формы: четко выделены ушные раковины, нос. Глаза, рот, надбровные дуги обозначены резными линиями по металлу. Непропорционально длинная шея переходит в небольшую выпуклую грудную клетку, орнаментированную треугольными линиями. На туловище обозначена пуповина. В верхней части тулова к груди идет орнамент линиями. Ступни ног и ладони плоские. Пальцы рук и ног показаны прорезями-линиями по металлу. На пояснице сделан такой же орнамент, как на груди и тулове. Вся фигура заметно вогнута вовнутрь почти на 10 см. По форме ушей можно заключить, что фигура на рисунке 8 мужская: у женских скульптур мочки ушей гипертрофированы и оттянуты вниз, а у данной фигуры этот признак отсутствует. Это различие характерно и для более распространенной деревянной пластики мумуйе. Железные фигуры являются редкими — подобная женская фигура была продана на аукционе Сотби за 12 260 евро.

В заключение следует отметить, что пополнение африканской коллекции МАЭ РАН продолжается, на стадии регистрации находятся предметы, приобретенные в ходе экспедиций 2013–2014 гг.

П.А. Куценков

ОПЫТ СБОРА КОЛЛЕКЦИИ В СТРАНЕ ДОГОНОВ (РЕСПУБЛИКА МАЛИ, 2015–2016 гг.)

Мой опыт собирательской деятельности в Мали имеет довольно специфический характер. Во-первых, с одним-двумя исключениями он был ограничен только одной деревней, во-вторых, в этой деревне мои возможности были несколько шире, чем у обычного туриста (к слову, сейчас из-за войны на Севере туристов в Мали практически нет). При сборе коллекции я старался покупать вещи либо этнографически достоверные, либо отличающиеся выдающимися художественными качествами. Иногда, прежде всего в дверных засовах, эти критерии удавалось совместить.

Основная часть коллекции была приобретена в деревне Энде, расположенной в Стране догонов на юге региона Мопти (округ Банкасс, коммуна Кани-Бонзон). Это большая деревня — численность ее населения больше 5 тысяч человек (постоянно в деревне обитает значительно меньшее число жителей). Строго говоря, деревни две — старая, теперь покинутая жителями, и новая. Старая деревня Энде расположена на скальном уступе, новая — у его подножия. Еще в начале ХХI в. в старой деревне жили люди, но теперь все переселились в долину. Однако старые дома не заброшены окончательно — у них есть хозяева, и их поддерживают в хорошем состоянии.

Причина переселения в долину проста: жизнь там легче, чем на скалах. Колодцы находятся рядом, до полей рукой подать, больше места для жизни. Поэтому в долине дома догонов стали больше, чем были на скалах. Переселение в долину началось уже давно, после того как извечные враги догонов скотоводы-пель (фульбе) прекратили свои нападения. Теперь пель и догоны —

Рис. 1. Фрагмент резной двери.
Догоны, Музей деревни Энде, Мали

друзья и союзники: догоны снабжают пель продуктами сельского хозяйства, а пель догонов — молочными продуктами.

Деревенская среда обитания насыщена изображениями. Первое, что привлекает внимание — резные двери и ворота домов и дверцы зернохранилищ. И они, и простые нерезные двери часто дополнены дверными засовами, которые являются, вероятно, самым распространенным и самым характерным (наряду с резными табуретами) жанром декоративно-прикладного искусства догонов. На языке бамана они называются *datugulan*, на языке тен-кан, одном из пяти догонских языков, на котором говорят в Энде, — *lorokunu*. Резные двери догонов можно отнести к монументальному искусству, поскольку они являются частью архитектуры. Те же двери и засовы имеются и в старой деревне. В деревенском музее (!) представлены фрагменты дверей 140–150-летней давности (рис. 1). Таким образом, эволюцию искусства Энде можно проследить на протяжении примерно полутора веков, что позволяет вынести достаточно обоснованное суждение об эволюции деревенского стиля, преемственности в традиционном искусстве и о степени его востребованности традиционной деревенской средой.

Другой жанр монументального искусства — резные столбы тогуна, навесов, служащих чем-то вроде сельских клубов. Памятники этого типа, в отличие от настенной живописи и рельефов, полностью отсутствуют в старой деревне.

Существует и круглая скульптура, причем часто большого размера. Сейчас она лишена ритуального значения, но, по словам жителей деревни, и рань-

ше круглая скульптура необязательно была ритуальной. Теперь подавляющее число жителей Энде стало мусульманами, так что жертв «идолам» уже никто не приносит (по крайней мере открыто). Но никакого запрета на создание изображений нет.

Жители Энде прекрасно осознают ценность своей культуры. Об этом свидетельствует то, что они создали музей деревни, где выставлены старые и новые предметы быта и произведения искусства. Вообще надо отметить, что все малийцы горды тем, что они малийцы, тем, что они бамбара, сенуфо, сонгаи или догоны, и, наконец, горды тем, что они граждане своих деревень. Многие жители Энде могут часами рассказывать истории об основании своей деревни. Тут, кстати, имеются определенные сложности: версии истории основания деревни могут сильно варьироваться от квартала к кварталу и от семьи к семье. В Энде таких версий по меньшей мере две. Одна из них отражена в музейной экспозиции, но отнюдь не все жители Энде с ней согласны.

Установлению достаточно доверительных отношений с жителями деревни немало способствовало то, что я для них оказался не совсем чужим человеком: меня давно связывали отношения побратимства с уроженцем деревни Мусой Амаду Гиндо, потомком вождя (*ogo*) по материнской линии и верховного жреца (*lagan*) — по отцовской. История его взаимоотношений с родной деревней была далеко не проста: он покинул ее в детстве и вернулся туда после очень долгого перерыва, будучи очень уважаемым человеком, руководителем департамента Министерства высшего образования Республики Мали. В общей сложности он не был в своей деревне около 30 лет, а к его «фантастическим» рассказам об учебе в России, о том, что у него там есть брат, люди относились с недоверием.

В деревню мы приехали вместе. Это подтвердило рассказы Мусы о его жизни на протяжении 30 лет, т.е. он доказал, что отсутствовал так долго по «уважительной причине». К тому же Муса отчасти загладил свой проступок, подарив всей деревне 25 кг соли (знак уважения). Иными словами, мое присутствие подтвердило его статус, и в то же время был подтвержден мой статус побратима Мусы. По крайней мере для родственников моего побратима я перестал быть совсем «чужим». Это вовсе не значит, что я стал полностью «своим» (это невозможно в принципе), но степень доверия ко мне была изначально выше, чем к обычному европейскому туристу. Именно это открывало передо мною некоторые двери, которые для чужака оставались бы закрытыми: на вопросы люди отвечали более откровенно, чем в других случаях, а с некоторыми жителями деревни у меня завязались вполне доверительные отношения.

Сразу после нашего приезда в Энде в марте 2015 г. деревня устроила мне проверку. Утром на второй день после нашего приезда я обнаружил лежащий на земле возле навеса во дворе нашего дома засов от дверки зернохранилища. На мои вопросы, чей это засов, ответа я так и не получил, но упорно продолжал спрашивать об этом всех, кто заходил во двор. Через некоторое время мой гид Бокари Гиндо, посмеиваясь, сообщил, что засов ничей, что я могу рассматривать его как подарок от деревни и распоряжаться им по своему усмотрению.

Укреплению отношений с деревенскими жителями способствовала и другая история, главным героем которой был мальчик Сидик, *l'enfant terrible du village Endé*. Чудовищный ребенок упал с велосипеда и сильно ободрал себе колено. Родители отвели его в фельдшерский пункт, где Сидику была оказана первая помощь и выдан рецепт на необходимые медикаменты. На следующий день Сидику дали деньги на лекарства и с оказией отправили в аптеку в районный центр г. Банкасс (12 км к юго-западу от Энде). Там чудовищный ребенок пошел не в аптеку, а на рынок, где и купил на все деньги телефон, опрометчиво решив, что рана на ноге сама заживет.

Рана сама не зажила. Где-то на третий или четвертый день моего пребывания в Энде мальчик Сидик почувал, что дело плохо, попросил у меня «лекарства» и продемонстрировал ногу. Я видал всякие виды, но при виде ноги Сидика мне стало действительно дурно: казалось, что до начала общего заражения крови оставалось совсем немного. В результате за последующие две недели я извел на Сидика весь свой запас перевязочных средств, а излюбленным развлечением жителей деревни Энде по утрам стали поиски Сидика (мальчика), коего следовало поймать, обездвижить и доставить ко мне на перевязку. Занималась этим интересным делом деревенская молодежь, а представители старшего поколения в происходящее не вмешивались, но очень внимательно за всем наблюдали.

Что касается собственно собирательской деятельности, то в 2015 г. она была ограничена покупкой нескольких предметов у деревенских резчиков и заказом у лучшего деревенского кузнеца Сеиба Ансама дверного засова. Предметы, для туристов не предназначенные, мне не показывали. Были также попытки продать мне откровенные подделки, которые вежливо отклонялись, что деревенские жители и запоминали.

Все изменилось в 2016 г. Сразу после приезда в Энде стало ясно, что от прошлогоднего легкого отчуждения не осталось и следа. Встретили меня как близкого друга. Выразилось это в том, что каждое утро приходили соседи, чтобы засвидетельствовать свое почтение, а я совершал ответные визиты под руководством уроженца Энде, моего друга, гида и коллеги Бокари Гиндо. Что касается сбора коллекции, то в январе 2016 г. люди приносили действительно интересные, прежде всего с этнографической точки зрения, вещи. Были среди них и такие, которые, по нашему единодушному с Бокари Гиндо мнению, должны были оставаться если и не в Национальном музее в Бамако, то в деревенском музее. Так, мне была продемонстрирована очень старая статуэтка, которая, судя по тому, что ее форма следовала изгибам деревянной заготовки, могла принадлежать телле. Кстати, вовсе не все эти вещи предназначались на продажу — мне их именно показывали, как человеку, заслуживающему доверия. Именно благодаря этому удалось собрать достаточно представительную коллекцию всех основных типов дверных засовов, бытующих в Энде. Она интересна прежде всего тем, что этот жанр декоративно-прикладного искусства догонов не пользовался пристальным вниманием исследователей. Особого упоминания заслуживают предметы, связанные с вредоносной магией. В 2015 г. мне их не показывали и отрицали само их существование.

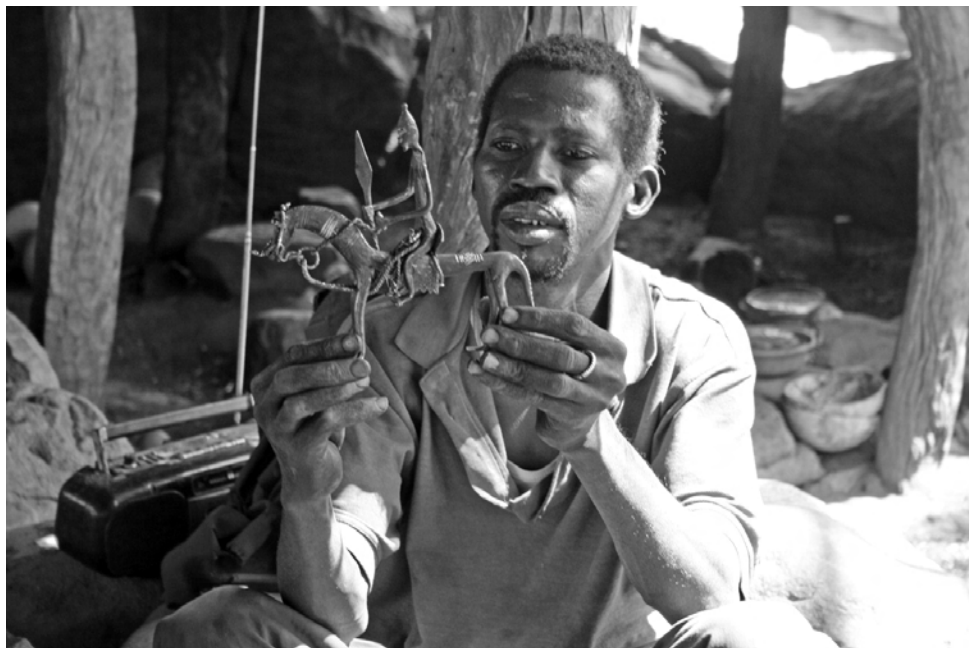

Рис. 2. Кузнец Ансама Сеиба и выкованная им фигура всадника. Догоны, Мали.

Наконец, большой удачей стало согласие Ансама Сеиба выковать фигуру всадника (рис. 2), причем весь процессковки был зафиксирован на фото- и видеокамеры. В процессе выполнения этого заказа выяснилась масса интересных деталей. Так, у Амаду Дагале Гиндо в 2015 и 2016 гг. я приобрел несколько кованых железных фигур, относительно которых сам Амаду Дагале был уверен, что это работа кузнецов Энде, и даже называл тех мастеров, которые, по его мнению, могли эти работы выполнить 30–40 лет назад.

Однако ни Ансама Сеиба, ни другие кузнецы тиге (джаму, «клан») Сеиба (Seyba) своей работы в этих вещах не признали и единодушно указывали на деревню Сонго (находится в 10–12 км к северо-западу от г. Бандиагара) как на наиболее вероятное место, где эти фигуры могли быть сделаны. В процессековки фигуры всадника выяснилось, что метод работы кузнецов Энде принципиально отличается от того, что был применен в изделиях, возможно, происходящих из дер. Сонго. Так, в Энде первоначальная железная заготовка овальной формы при помощи зубила разрубается изнутри, после чего полученные полосы металла отгибаются изнутри наружу, и из них выковываются ноги лошади (см. рис. 3). Мастера же, работающие в условном «стиле Сонго» поступают наоборот — заготовка разрубается с внешней стороны, и заготовки ног отгибаются снаружи вовнутрь. В Энде всадник плотно насаживается на спину лошади и фиксируется при помощи кованых деталей сбруи, причем так, как если бы это были реальные седло и стремяна, в условном «стиле Сонго» фигура всадника приклепывается к лошади. В целом фигуры в стиле Энде по сравнению с изделиями «стиля Сонго» отличаются приземистыми пропорциями, меньшей условностью и обилием кованых деталей. Интересно, что сбруя лошади работы Ансама Сеиба точно воспроизводит сбрую, обнаружен-

ную при раскопках в столице Вагаду (Ганы) Кумби Сале [Berthier, 1983: 84; Diallo 2015: 31]. До сих пор такая же сбруя распространена в Мали в регионе Сегу.

Скорее всего, школы художественнойковки совпадают с металлургическими школами, существующими в Стране догонов. Всего их шесть, согласно обстоятельному исследованию К. Робион-Брюннер (кузнецам Энде посвящен специальный раздел третьей главы ее монографии) [Robion-Brunner 2010: 98–101]. Согласно ее же исследованию, деревня Сонго входит в зону Фико. Однако следует учитывать, что К. Робион-Брюннер исследовала технологию выплавки железа, а нековки как таковой: теоретически границы школковки могут и не совпадать с границами областей распространения технологий выплавки металла.

История с атрибуцией фигур всадников очень показательна: она демонстрирует, как легко в процессе собирательства совершить ошибку, способную серьезно исказить восприятие традиционного искусства какого-либо народа. Показательна и другая история. В деревне Семари еще в 2015 г. мое внимание привлекли необычные дверные засовы. Один из них, засов из дома вождя деревни Гандеба Буреима (Gandeba Boureïma) (рис. 4), вообще не был похож на изделие догонов: отдаленная аналогия ему имеется только в собрании Национального музея в Бамако (№ 81х-752), но сведения о месте приобретения отсутствуют.

Другие засовы из Семари также отличались своеобразием. Настораживало то, что все они были выполнены в разных стилях. Однако по опыту Эндея был уверен в том, что все эти засовы — изделия местных кузнецов, и такой стилистический разноречив характерен для стиля деревни (тем более что и в Энде, где абсолютно преобладают работы местных мастеров, засовы достаточно разнообразны). Поскольку в 2016 г. я пробыл в Семари около 2–3 часов, то не успел поговорить толком с деревенскими жителями.

В 2016 г. мы провели в Семари несколько дней. Выяснилось, что там вообще нет ремесленников, поскольку условия жизни в деревне чрезвычайно суровые: на содержание кузнецов, которые традиционно не обрабатывают землю, а живут только натуральной платой, получаемой за свою работу, попросту не хватает «прибавочного продукта». Соответственно, нет и не мо-

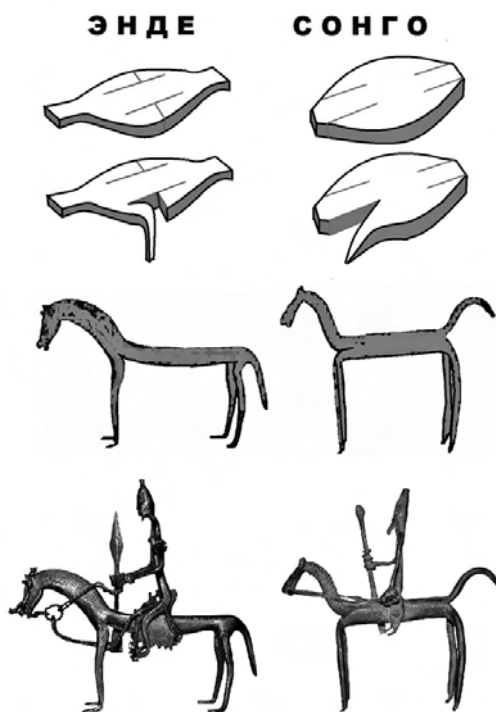

Рис. 3. Вариантыковки железной фигуры всадника. Деревни Эндея и Сонго. Догоны, Мали

Рис. 4. Засов из дома вождя деревни Семари. Догоны, Мали

жет быть никакого «стиля Семари»: все ремесленные изделия жители деревни заказывают в соседних деревнях — Догани, Тинтан, Борко, а иной раз и в более отдаленных деревнях. Кстати, отсутствие ремесленников сказывается и на одежде жителей деревни — в отличие от обитателей Энде, Кани-Бонзон или Тинтан, живописно сочетающих в своем гардеробе традиционную одежду с джинсами, жители Семари одеваются почти исключительно в фабричную одежду (традиционная одежда ручной работы стоит гораздо дороже фабричной). Таким образом, если бы мой опыт общения с деревней Семари был ограничен только теми двумя-тремя часами, что я провел в деревне в марте 2015 г., то я и пребывал бы в убеждении о существовании особого «стиля Семари»¹, а дверной засов из дома вождя посчитал бы типичным для этого стиля изделием.

Но Семари — скорее исключение, чем правило. Обычно в деревнях догонов есть все необходимые для нормальной жизнедеятельности ремесленники, прежде всего кузнецы и ткачи. В деревне Тинтан, расположенной неподалеку

¹ То, что в изобразительном искусстве разных областей Страны догонов существуют разные стили, известно уже давно. Так, скульптура Энде относится к региональному стилю Камбари, скульптура Тинтан — к региональному стилю Бондум. Несмотря на то что некоторые вопросы, связанные с существованием региональных стилей у догонов, пока что остаются неразъясненными, в целом эта проблема уже хорошо изучена. Так, Х. Блом в своей книге публикует многочисленные памятники скульптуры догонов с указанием деревень, откуда они происходят [Blom 2011]. На выставке в Музее Даппер (Париж) в октябре 1994 — марте 1995 г. материал был распределен по десяти основным региональным стилям в Стране догонов (см. каталог выставки: [Dieterlen, Roussin 1994]). Элен Лелуп в каталоге большой выставки искусства догонов в Музее Бранли (Париж), проходившей с 5 апреля по 7 июля 2011 г., также уделяет большое внимание региональным стилям (см.: [Leloup 2011: 6–11]).

Рис. 5. Скульптура из девенни Тинтан работы Жюстена Гиндо из Энде. Догоны, Мали

Рис. 6. Фигура всадника. Догоны, Мали

от Семари, есть и те и другие — деревня вполне самодостаточна. Однако и там очень легко было совершить роковую ошибку в определении «стиля деревни». Так, в ответ на вопрос, есть ли в деревни скульптура, сын вождя деревни Буреима Кассамбара (Cassambara Bureïma)

ответил, что скульптура есть, и охотно согласился показать ее. Мы пришли в его дом, и Буреима торжественно вынес скульптуру, изображенную на рисунке 5. В процессе беседы выяснилось, что скульптура происходит из Энде, а автор ее — Жюстен Гиндо. Оказалось, что несколько лет назад Буреима ездил в Энде, где и купил эту скульптуру у Жюстена, одного из лучших скульпторов Энде. Излишне говорить, что скульптура эта никакого ритуального значения не имеет и со стилем деревни Тинтан никак не связана. Тем не менее, если бы не заданные мною Буреима вопросы, я мог бы решить, что скульптура эта происходит из Тинтан и является образцом стиля этой деревни. Заметим кстати, что история эта полностью опровергает мнение о том, что вся современная скульптура догонов предназначена исключительно для туристов и не интересует местных жителей.

Вечером того же дня пришли кузнецы и принесли деревянные и железные скульптуры. Наученный опытом со скульптурой Жюстена Гиндо, я сразу же спросил, сделаны ли эти вещи в Тинтан. Оказалось, что нет. Больше того, кузнецы даже не знали, где они сделаны. Выяснилось, что лет тридцать назад эти вещи оставил в Тинтан на хранение какой-то европейский коллекционер (имени его кузнецы не помнили, поскольку были в то время детьми). Больше он в деревне не появлялся. Таким образом, и эти вещи не имели никакого от-

ношения к стилю Тинтан, и определить, откуда они происходят, теперь не представляется возможным!

К сожалению, это касается и воспроизведенной на рисунке 6 фигуры всадника, явно отличной и от изделий в стиле Энде, и от «стиля Сонго». Вместе с тем и кузнецы из Тинтан не признали в этой вещи своей работы. Таким образом, можно констатировать существование в Стране догонов по меньшей мере трех школ художественнойковки, которые, скорее всего, совпадают с металлургическими школами (см. выше), однако полной уверенности в этом нет. Остается надеяться на то, что будущие исследования позволят очертить границы школ художественнойковки догонов и помогут определить деревню, из которой происходит эта необычная фигурка.

Однако мне все же удалось получить скульптуру в «стиле Тинтан» (рис. 9). Ее сделал деревенский скульптор Пабеи Кассамбара (Cassambara Pabeï; рис. 7), причем процесс изготовления скульптуры также зафиксирован на видеокамеру. Тот же Пабеи, кстати, сообщил чрезвычайно интересные сведения об истории Тинтан, которая, если его сведения точны, примерно на тысячу лет длиннее, чем считается. Пабеи также продемонстрировал две скульптуры предков, которые он сделал для самого себя и так, «как он этих предков себе представил» (рис. 8).

В процессе сбора коллекции выяснилось, что информация о действительно старых вещах, как правило, уже недоступна: люди, получившие скульптуры по наследству, не помнят, кто и когда их сделал. Причем это касается даже тех догонов, кто скрупулезно хранит сведения об истории своих семей и деревень. Так, вождь Семари Буреима Гандеба, составивший и размноживший краткую справку, фиксирующую устное историческое предание деревни, не знал, откуда и когда появился в его доме засов, изображенный на рисунке 3, — тот находился на своем месте столько, сколько он себя помнил. В 2016 г. Буреима исполняется 65 лет, так что этот засов не мог быть сделан позднее начала 1960-х годов. Другой пример: в Энде в январе 2016 г. житель деревни Мамаду Гиндо принес скульптуру, которая способна поставить в тупик любого знатока искусства догонов (рис. 10). Она тоже хранилась в его семье столько, сколько он себя помнит (Мамаду считает, что скульптуру привез в Энде его дед), и продать он ее решил только потому, что стал мусульманином. Больше того, Мамаду не был уверен, что скульптура вообще имела какое-либо ритуальное

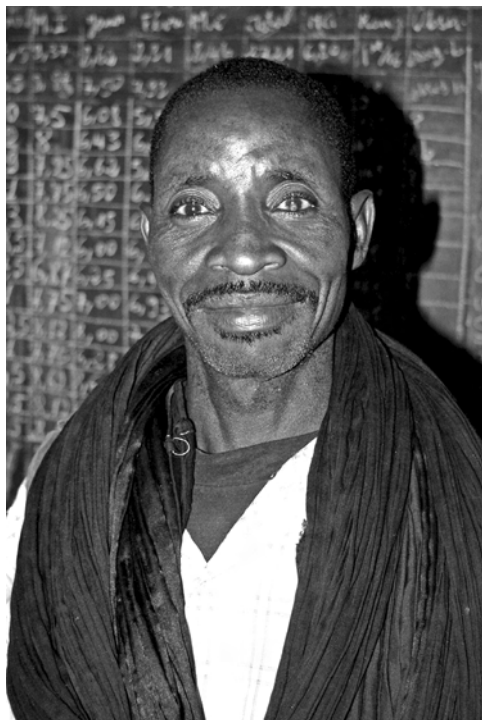

Рис. 7. Деревенский мастер по скульптуре Пабеи Кассамбара. Догоны, Мали.

Рис. 8. Изображение предков.
Деревня Тинтан, мастер Пабеи
Кассамбара. Догоны, Мали

Рис. 9. Скульптура. Деревня Тинтан,
мастер Пабеи Кассамбара. Догоны, Мали

значение. Откуда она появилась, кто, где и когда ее сделал, неизвестно. Стилистически она обнаруживает некоторое сходство со средневековыми терракотами Дженне, но не имеет ничего общего ни с одним региональным стилем догонов.

Следует отметить, что в плане уточнения атрибуции некоторых приобретенных мною вещей не помогла даже работа в фондах Национального музея в Бамако, куда я был допущен с любезного разрешения Министерства культуры Мали и генерального директора музея г-на Самюэля Сидибэ (Sidibe Samuel). В каталоге музея отсутствуют сведения о точном месте приобретения скульптур. Указано только, что данная скульптура и маска — работа догонов. Исключение составляли только несколько вещей, приобретенные музеем в 2000-е годы.

Как показывает опыт общения с жителями деревень Тинтан и Семари, то, что вам покажут и расскажут, находится в прямой зависимости от тех отношений, которые сложатся у вас с вождем деревни. Вождь у догонов — вовсе не авторитарный властитель над телами и душами своих подданных. Это скорее арбитр, разбирающий и улаживающий споры между жителями деревни, принимающий окончательное решение в случае, если мнения разделились поровну, и т.д. Все вожди, с которыми мне удалось пообщаться, — люди, без преувеличения, находящиеся на своем месте и пользующиеся огромным авторитетом. Без их помощи мне не удалось бы разобраться ни в специфике материальной культуры деревни Семари, ни со «стилем Тинтан».

В заключение можно суммировать некоторые наблюдения, сделанные мною во время сбора коллекции в Стране догонов.

1. Прежде всего, собранный материал опровергает мнение о том, что современное искусство догонов существует исключительно «для туристов». На примере покупки сыном вождя деревни Тинтан скульптуры в Энде видно, что догоны покупают такие произведения и высоко ценят их. Такие виды и жанры декоративно-прикладного и монументального искусства, как дверные засовы и столбы тогуна, а также двери зернохранилищ и домов, пользуются большим спросом среди самих догонов. В некоторых случаях приобретение каких-либо

Рис. 10. Скульптура. Деревня Энде.
Догоны, Мали.

Рис. 11. Антропоморфные катушки ткацких станков. Догон, Мали

предметов было затруднено с сугубо технической точки зрения. Так, в деревне Тинтан я хотел приобрести антропоморфные катушки от ткацких станков, направляющие нить утка (рис. 11). Ткачи не возражали, но требовалось два дня, чтобы заменить эти детали на другие и не допустить простоя станков. На это времени уже не было.

2. Создается впечатление, что за десятилетия общения с туристами догоны образовали параллельный рынок произведений традиционного искусства — рынок «для своих». Это было хорошо видно во время I Фестиваля культуры догонов в Бамако в конце января 2016 г. Там работал рынок произведений традиционных ремесленников, и посетители фестиваля — и догоны, и представители других малийских этносов — активно покупали эти вещи (особым спросом пользовались ткани). Мой друг Бокари Гиндо для своего нового дома в Энде заказал дверь и засов в соседней с Энде деревне Багуру. Заметим попутно, что наличие спроса со стороны туристов, как ни парадоксально это звучит, способствовало сохранению традиций, хотя в ряде случаев, несомненно, приводило к утрате художественного качества.

3. То, что предназначено «для своих», обычным туристам, как правило, не предлагается и даже не показывается. Однако если посетитель деревни проявляет искренний интерес к культуре догонов и знания о ней, отношение к нему меняется. Это относится ко всему рынку произведений искусства в Мали — если покупатель в бутике антиквара обнаруживает знание местных традиций, да еще демонстрирует некоторое знание языка бамана, то ему гораздо откровеннее будут рассказывать о представленных там вещах, причем, скорее всего, честно расскажут, где подлинник, а где — копия.

4. Ни в коем случае не следует преувеличивать значение полученных из литературы теоретических знаний о культуре и искусстве догонов. Можно быть уверенным, что из примерно десяти виденных вами вещей две поставят вас в тупик, причем не будет никаких надежд на их атрибуцию, если они были сделаны больше 40–50 лет назад (два поколения).

5. Особого упоминания заслуживает проблема существования региональных стилей в традиционном искусстве догонов. Здесь надо проявлять настойчивость в вопросах, касающихся происхождения скульптур. Как видно из всего, сказанного выше, несколько раз я был близок к тому, чтобы неправильно атрибутировать виденные и приобретенные мною произведения традиционного искусства. Как показывает опыт, деревни обмениваются произведениями искусства, и очень велика вероятность того, что в Тинтан окажется скульптура из Энде, расположенной на прямо противоположном краю Страны догонов, а в Энде — скульптура из Сонго или любой другой деревни догонов. Иными словами, надо задавать вопросы. Когда вы получите все ответы, спросите о том же еще раз, а после этого постарайтесь получить ту же информацию у третьих лиц.

Библиография

Berthier S. Etude archéologique d'un secteur d'habitat à Koumbi Saleh (Mauritanie). T. I. thèse de 3ème cycle Université de Lyon 2. Science historique et géographique, et civilisations islamique, 1983.

Blom H. Dogon Images and Traditions. Brussels: Momentum Publication, 2011.

Diallo B.S. L'empire du Wagadu. Etat de la question. Bamako: La Sahélienne, 2015.

Dieterlen G., Roussin M. Dogon. Paris, 26 octobre 1994–13 mars 1995, Musée Dapper. P.: Musée Dapper, 1994.

Leloup H. Dogon. 04/05/11 — 07/24/11. Garden Gallery. P.: Musée du quai Branly, 2011.

Robion-Brunner C. Forgerons et sidérurgie en pays dogon: vers une histoire de la production du fer sur le plateau de Bandiagara (Mali) durant les empires précoloniaux. Frankfurt am Main: Africa Magna, 2010.

А.С. Шарова, В.Н. Семенова

СКУЛЬПТУРЫ ДОГОНОВ — ОБЯЗАТЕЛЬНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ МУЗЕЙНЫХ КОЛЛЕКЦИЙ ПО АФРИКАНСКОМУ ИСКУССТВУ

В научной среде представление о космологии догонов сформировал Марсель Гриоль, в том числе и в некоторой степени об их художественной составляющей, коей являются предметы культа: маски и скульптура. Первая встреча М. Гриоля с догонами состоялась в 1931 г., в то время, которое характеризуется повышенным интересом в Европе к так называемому «искусству негров», к культуре Африки в целом (например, афроамериканская джазовая музыка). Конечно, нужно учитывать и культурный фон, который сформировал у М. Гриоля определенное представление об Африке. Это представление можно назвать «ожидание открытия», «открытие» новых впечатляющих поразительных вещей [Willett 2003]. В ходе своих первых поездок в 1931, 1935, 1936 гг. М. Гриоль занимался изучением масок. Действительно, его работу 1938 г. “Les Masques de l Dogon, Travaux et Memories de l Institut D’Ethnologie” считают примером детальности и тщательности. Она много раз переиздавалась — в 1963 г. (Edition: Muséum National d’Histoire Naturelle), в 2004 г. (4 edition). Метод работы М. Гриоля оставляет желать лучшего: он платил ограниченному числу информантов из одного и того же города (деревни) — Санга. Его исследования прервала Вторая мировая война.

В своих первых поездках М. Гриоль уже начал уделять внимание и даже делать акцент на мифологии, которая скрывалась за масками. В итоге после войны он решил сосредоточиться на изучении мифов, исключив все другие линии вопросов. Последние изыскания, например бельгийского антрополога

Вальтера ван Бика, не подтверждают его эзотерическую теорию. Вальтер ван Бик сообщает, что астрономия занимает мало места в религии догонов [van Beek 1991]. Независимо от М. Гриоля Ф. Лем вел полевые исследования в Западном Судане [Lem 1948]. В его работе также описана богатая пластическая традиция Судана.

Образцы скульптурных произведений догонов, проживающих на юге Республики Мали, в районе плато Бандиагара, представлены во многих музеях мира. Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН не исключение.

История коллекций МАЭ РАН по культуре догонов началась с В.Р. Арсеньева и тесно связана с его собирательской деятельностью. Основной массив предметов материальной культуры догонов — 95 номеров — были получены от него. Однако первые вещи, приписываемые догонам, поступили в составе сборной коллекции 2026 в 1912 г. из Берлинского музея народоведения. Коллекция считается сборной, так как в ней представлены предметы материальной культуры и быта народов Южной (№ 1–60), Восточной (№ 61–346), Западной (№ 347–714) Африки. За народом хабе (название догонов на языке фула) записаны предметы № 483, 484 (каменные кольца) и № 485, 486 (деревянные замки). К сожалению, коллекция должным образом не описана. Ее научное изучение еще впереди. Залогом хорошего научного изучения и грамотной атрибуции является работа над каталогами с изображениями и размерами, сохранностью, а также с изданием музейной архивной документации. Научная атрибуция, подробная и часто не совпадающая с первоначальной информацией по предмету, требует убедительной аргументации и иного формата, чем коллекционная опись. Формат научной статьи или книги кажется здесь наиболее подходящим. Такого принципа придерживались сотрудники сектора Африки и его заведующий Д.А. Ольдерогге, чьи статьи в сборниках МАЭ и африканском этнографическом журнале «Africana» проливают свет на целый ряд предметов из коллекций африканского фонда. Прекрасная традиция, которую следует возродить. В этом плане наша статья продолжает традицию сектора Африки.

Первый сбор по догонам — это коллекция 6707 (сбор 1971–1972 гг.). К культуре догонов относятся семь предметов. Это литые украшения из меди: перстни, браслет, подвески и амулет с характерными спиралевидными орнаментами (№ 6707-6, 9, 10, 17, 18, 19, 28).

В коллекции 6711 (сбор 1971–1973 гг.) с № 184 по 191 представлены образцы деревянной пластики догонов.

Статуэтка женская № 6711-186 вырезана долотом — острым режущим инструментом — из темного дерева. Поверхность заскоблена и доведена до блеска лощением. Представляет собой характерное изображение предка в скульптуре догонов, была куплена в марте 1973 г. на проспекте Нации в Бамако. Фигурка вызвала высокую оценку сотрудника национального музея Мали. Ее стоимость в 2000 малийских франков также косвенно свидетельствует о ее ценности. Фигурка № 6711-187 обошлась коллекционеру уже в 500 малийских франков. Происходит от догонов района Бандиагара. Два ритуальных топора № 196, 197: № 196 — на конце рукояти вырезана человеческая голова,

характерная по стилю для пластики догонов. Приобретены на проспекте Нации в 1972 и в 1973 гг. у Камара.

Предметы магического назначения № 198 и 199, которые приобретены на «золотом ряду» (проспект Нации) в Бамако у торговца Гиндо, представляют особый интерес. Собиратель дает название на языке догонов и указывает историю бытования. Предмет № 198 служит для вызывания дождя. *Segene* забивается стариками в землю. Старики, спустив штаны, садятся вокруг спиной к нему. Обряд сопровождается рядом запретов, в частности, запретом разговоров до наступления дождей. Предмет № 199 для врачевания *dungoi* — это шипцы, изготовленные ковкой, для врачевания. Служат для лечения глаз (извлечения соринки). Изготовление, как и использование этого предмета, также сопровождается рядом запретов. Торговец указал на запрет женщинам прикасаться к нему. Оба предмета происходят из деревни Нингари (Ningari), плато Бандиагара. На экспозиции «Африка южнее Сахары» предметы представлены в витринах № 29 и 33. Эта информация указана в коллекционной описи № 6711, составленной собирателем, что увеличивает ее ценность. Однако истории бытования этих предметов требуют верификации, так как записаны В.Р. Арсеньевым со слов торговца.

Скульптурные изображения общества плато Бандиагара — едва ли не самые известные и популярные в Африке и за рубежом произведения искусства континента. Так, одна из статуэток была продана за сумму, превышающую семь миллионов долларов, на аукционе Сотбис в Париже в начале XXI в. Некоторые предприимчивые догоны в настоящее время занимаются изготовлением скульптур специально для торговцев антиквариатом. В Гане, например, есть резчики, которые делают копии известных статуэток догонов, подвергают их искусственному старению и продают чуть ли не по цене подлинников [BBC: Тайное искусство Западной Африки].

Что же представляют собой скульптуры общества плато Бандиагара? Каковы их характерные черты? Где лежат истоки стиля скульптуры догонов? Почему они так популярны среди коллекционеров произведений африканского искусства?

Стиль скульптуры догонов представляет собой смешение традиций двух народов. В районе плато Бандиагара найдены статуэтки, возраст которых измеряется несколькими столетиями. Они приписываются догонами народу теллем, проживавшему на данной территории до их прихода. Скульптуры высечены из твердого дерева, которое покрыто окаменевшей коркой жертвенной смеси, изготовленной из крови и рисового отвара. Их отличительной чертой является сочетание обобщенных монументальных форм с экспрессивной динамичной композицией. Патетические жесты, странные позы резко контрастируют со строгими, прямолинейными ограниченными формами, четко вписанными в объем заготовки — обрубок древесного ствола. Особое внимание следует обратить на строго вертикальные фигуры с вытянутыми вверх руками. Та же основа встречается в наверхиях масок догонов — канага и сириге. Мотив трех вертикалей, определяющий композицию масок (боковые грани и нос), характерен и для скульптуры [Куценков 1990: 82]. Торс и руки образуют три вертикали. Линии рук имеют продолжение в ногах скульптуры. Плечи

и основание статуэтки ограничивают сверху и снизу три вертикали, выступая в качестве двух горизонталей. Такая форма напоминает форму наверхшия маски канага (крест с двумя перекладинами). Ступни ног на основании едва намечены.

Среди ученых не существует единого мнения, кому принадлежат ранние по датировке скульптуры, собранные различными экспедициями в районе Бандиагара: теллем или догонам. Ж. Лод считает, что их создатели — теллем, полагая, что догоны не имели собственной традиции изготовления скульптуры и полностью восприняли ее от теллем [Laude 1979: 46]. У. Фэгг считает, что авторы скульптур — догоны [Bedaux 1988: 45]. По его мнению, они являются старейшими образцами резьбы по дереву, которая модифицировалась с течением времени.

Скульптуры догонов отличаются от скульптуры теллем только чуть большей мерой условности и полным отсутствием экспрессии. Кроме того, есть переходная группа произведений, в которых черты двух традиций переплетены настолько тесно, что их трудно отнести с определенностью к традициям догонов или теллем. Вне зависимости от того, кому принадлежат произведения, ясно одно — теллем оказали влияние на искусство догонов.

Скульптурные изображения общества плато Бандиагара разнообразны по стилю. Их формы четко ограничены, угловаты, их трехмерность выявлена резкими контрастами света и тени. Структурное строение человеческой фигуры иногда резко обнажено, позвоночный столб превращен в напряженную зигзагообразную форму, отделенную от туловища [Искусство народов Африки 1975: 109]. Есть у догонов скульптуры овального стиля. Они сильно вытянуты, повторяют форму дерева [Духи Черной Африки 2009: 106].

Изготовление деревянной скульптуры у догонов проходит четыре стадии [Громыко 1985: 107]. Первая включает грубую обработку, приблизительное выявление основных пластических объемов при помощи топора или тесака. На второй стадии проходит более тщательная проработка основных масс, постепенное расчленение их на более конкретные формы. Третья стадия — доведение до пластической определенности всех форм скульптуры при помощи резца и ножа. На четвертой происходит окончательная проработка всех форм и исполнение деталей (волосы, веки, узоры одежды), скульптурная форма обогащается введением элементов декора.

После окончания резьбы начинается полировка поверхности. Для этого используются или грубые, шершавые листья различных растений, или наждачная бумага. Поскольку скульптуры догонов изготавливаются из деревьев твердых пород, в ходе полировки они приобретают почти металлический блеск. Если статуэтки изготовлены из деревьев мягких пород, что бывает реже, они имеют теплый матовый оттенок. Чтобы предохранить их от возможных трещин и расколов при высыхании дерева, догоны смазывают их жертвенной смесью, состоящей из крови и рисового отвара, или маслом.

Статуэтки догонов можно подразделить на антропоморфные и зооморфные. Они изображают персонажей мифологических сюжетов и обычных людей. Антропоморфные скульптуры в большинстве случаев посвящены духам

предков и являютсяместилищем их ньямы¹. В композиционном отношении они продолговаты, формализованы.

Наиболее распространенными являются изображения мужчин, женщин и гермафродитов. Встречаются фигуры с поднятыми руками. Иногда они могут находиться в композиции со скульптурными или рельефными изображениями животных. Есть стоящие и сидящие фигуры, иногда парные, с руками, сложенными на животе или прижатыми к ушам, коленопреклоненные и верхом на животном.

В отличие от многих народов Африки догоны придают большое значение изображению рук. Часто руки антропоморфных скульптур подняты или сложены в особом жесте. Таковы, например, статуэтки из коллекции МАЭ РАН № 6711-186, 188. По мнению М. Гиндо, информанта П.А. Куценкова, поднятые вверх руки обозначают моление воде, а сосуд между руками на голове скульптуры символизирует изобилие и благоденствие [Куценков 1990: 83]. Такие скульптуры используются во время земледельческих обрядов. Тема поднятых рук связана с сюжетами мифов. Так, Номмо вздымает руки к небу, призывая дождь прощения.

Наиболее часто изображаемое божество в скульптурах догонов — Номмо². Считается, что они несут в себе часть жизненной силы бога. Культовые статуэтки, главные в религиозных церемониях догонов, выносятся один раз в год в день умерших, чтобы люди могли их увидеть, помолиться им, попросить хорошего урожая и здоровья для детей. Остальное время скульптуры Номмо находятся в тайниках, где строго охраняются огонами (жрецами), которые ухаживают за ними, «кормят» их из специальных чаш. Только наиболее почитаемые догоны могут (после своей смерти) некоторое время провести рядом с ними. Считается, что они помогают душам умерших переместиться в загробный мир.

Скульптуры догонов, особенно Номмо, украшены зигзагообразным орнаментом, что, по мнению исследователей, символизирует путь корзины (лодки), на которой один из восьми предков спустился к людям. Иногда руки Номмо в скульптурных изображениях украшают браслеты.

В статуэтках для жертвоприношений Номмо представляется распятым на дереве с руками над головой. Иногда он изображается с одной ногой. Такие скульптуры демонстрируют один из мифологических сюжетов догонов. Согласно ему, каждый Номмо имеет одну ногу в форме барабанной палочки или рыбы [African art of the Dogon 1973: 55]. В такой скульптуре он или отклоняется назад, или стоит вертикально. Одноногого Номмо часто изображают с поднятыми вверх руками.

Можно встретить скульптуру, показывающую Номмо во время его трансформации в крокодила. В некоторых статуэтках он изображается в движении,

¹ Ньяма — мгновенно действующая, безличная, бессознательная энергия, пребывающая во всех людях, животных, растениях, в сверхъестественных существах, предметах и природе, придающая устойчивость и прочность своей временной (в случае смертного существа) или вечной (в случае бессмертного объекта) опоре [Griaule 1938: 161].

² Номмо считается водой морей и суши, потоков и ливней.

что передается при помощи покачивающейся позы. Руки таких скульптур подняты вверх, ноги четко отделены.

Фигуры Номмо часто имеют нос змееобразной формы, широкий рот и уши в форме подковы.

Встречаются скульптурные группы изображений Номмо, например четыре божества, каждое из которых, по всей вероятности, символизирует пару. Произведения эти относятся к стилю теллем.

Иногда Номмо изображается с одной левой поднятой рукой, в то время как другая опущена. Вероятно, такая скульптура символизирует воскресшее божество. Форма, образованная руками и грудью, в таком изображении напоминает форму навершия маски канага.

Встречаются так называемые «наложенные» скульптуры, обозначающие наследника Номмо — верховного огона. Такое произведение изображает сразу двух персонажей: бога и жреца. Руки Номмо, поднятые вверх, плавно переходят в голову огона. Фигура жреца, в которую перемещается дух предка, обычно изображается с женскими атрибутами — отголосок бисексуальности Номмо. В некоторых экземплярах череп расколот поперек хребта, что указывает на удаление черепной крышки, которая являлась препятствием для общения духа и разума. Ритуальный эквивалент — бритье волос во время церемонии возведения на престол великого огона.

Фигуры, несущие чаши на головах, рассказывают об одном из эпизодов космогонического мифа догонов, согласно которому Номмо решили защитить свою мать-Землю от следующих посягательств на инцест со стороны ее старшего сына Йуругу. Для этого они спустились на Землю и вошли в муравейник (гениталии), из которого были рождены. Через некоторое время темный инстинкт привел Йуругу к муравейнику, уже занятому Номмо. В качестве защиты от солнца он носил на голове деревянную чашу, из которой ел. Поставив ноги в муравейник, он медленно погрузился в него, как бы обратив вспять процесс своего рождения. Так он был освобожден от своего земного существования [Griaule 1965: 25–26]. Одними из атрибутов таких скульптур являются один или несколько сидящих на спине детей. Другие характерные черты данных изображений — уши в форме подковы и цилиндрическое сочленение подбородка.

Статуи предков используются во всех главных религиозных церемониях — сиги³, дама⁴, церемониях освящения посева, чтобы обеспечить хороший урожай, церемониях, посвященных богу Лебэ.

Часто скульптуры догонов изображают кузнеца. Они также являются священными: согласно мифам, именно кузнец научил людей земледелию и всем ремеслам. Фигуры кузнецов часто изображают с одной рукой, одной ногой или изогнутой спиной, поскольку, согласно легенде, когда предок-кузнец спускался на землю, чтобы дать людям огонь и ремесла, молот и наковальня перебили ему руки и ноги [Духи Черной Африки 2009: 107].

³ Сиги — один из главных религиозных праздников догонов. Его целью является возобновление Великой маски. Сиги проводится один раз в шестьдесят лет.

⁴ Дама — заупокойный ритуал, выполняемый через некоторое время после погребения и предназначенный для ускорения ухода души покойника из мира живых, где она задерживается.

Еще один персонаж скульптурных изображений — жрец. Идентифицировать его можно по бороде и головному убору, который, правда, обозначен весьма условно углубленными линиями на черепе.

Скульптуры догонов изображают не только предков и божеств, но и обычных людей: пастух с кнутом, играющие музыканты, склонившаяся на колени женская фигура, мужчина и женщина, призывающие дождь на иссушенную землю, всадник. Их фигуры могут быть изготовлены из дерева и железа. Большое количество женских статуэток догонов в коллекции МАЭ РАН (№ 6711-184, 186, 187, 189, 190, 191) изготовлены из деревьев твердых и легких пород.

В скульптурах общества плато Бандиагара прослеживаются сюжеты, связанные с семейной жизнью людей. Не редки парные скульптуры, которые призваны оберегать семейное счастье, покой и благополучие. Мотив материнства присутствует в скульптуре, ему посвящены многие статуэтки догонов. Очевидно стремление передать красоту женщины.

Стиль скульптуры догонов прошел непростой путь, вобрав в себя лучшие традиции двух народов. Этот вид искусства общества плато Бандиагара, как, впрочем, и другие, стал визуальным отражением религии и мифологии народа. Хотя и повседневная жизнь людей заняла свою нишу в сюжетах статуэток догонов. За персонажами скульптур общества плато Бандиагара видны обычные африканцы. Российский обыватель может познакомиться с ними в Кунсткамере и немного окунуться в таинственный мир культуры догонов.

Библиография

Громыко А.А. Маски и скульптура Тропической Африки. М.: Искусство, 1985. 351 с.

Духи Черной Африки: коллекция Авнера и Любви Шакаровых / Отв. ред. В.Б. Мириманов. М.: Изд-во МГУ, 2009. 212 с.

Искусство народов Африки: Сб. статей / Отв. ред. М.А. Коростовцев. М.: Искусство, 1975. 312 с.

Куценков П.А. Этнос и его искусство: Западный Судан. М.: Наука, 1990. 160 с.

African art of the Dogon. The myths of the cliff dwellers / Ed. By J. Laude. N.Y.: Viking, 1973. 60 p.

BBC: Тайное искусство Западной Африки / Hidden Treasures of West Africa art / Реж. Griff Rhys Jones. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.youtube.com> (дата обращения: 02.08.2015).

Bedaux R.M.A. Tellem and Dogon Material Culture // African Arts. 1988. Vol. 21. No. 4. P. 38–45.

(van) Beek W. Dogon restudied: a field evaluation of the work of Marcel Griaule // Current anthropology. 1991. Vol. 32. No. 2. P. 139–167.

Griaule M. Masques Dogons. P.: Institut d'ethnologie, 1938. 895 p.

Griaule M. Conversations with Ogotemmel. An introduction to Dogon religious ideas. L.: Oxford univ. press, 1965. 230 p.

Laude J. Les arts de l'Afrique noire. P.: Chene, 1979. 176 p.

Lem F.H. Sculptures Soudanaises. P.: Arts et Metiers Graphiques, 1948. 110 p.

Willett F. African Art (Third Edition). USA: Thames and Hudson world of art, 2003. 304 p.

А.В. Ляхович

ИСКУССТВО ХАУСА В ФОНДАХ КУНСТКАМЕРЫ: ФОРМА И СОДЕРЖАНИЕ

Далекий Африканский континент в представлении большинства людей и по сей день остается загадочным и экзотичным, окутанным причудливыми и распространенными повсеместно мифами о каннибалах, магии вуду, культурной отсталости, «нецивилизованности» и пр. Мало кому известно о существовании такой науки, как африканистика, которая уже давно стала неотъемлемой частью мировой науки, успешно развенчивая большинство мифов и показывая красоту, глубокое содержание и разнообразие африканских культур.

Этнографические сведения о народах Африки, накопленные сегодня, весьма обширны и дают подробное описание и анализ культурных особенностей африканцев. Теоретические исследования в этой области неизменно сопряжены с работой непосредственно с предметами материальной и духовной культуры: их сбором в ходе экспедиций, коллекционированием, музейной работой. Музеи являются теми научными центрами, в которых в первую очередь сосредоточены исследования культуры африканских народов. Другая важная задача музеев — это организация выставочных экспозиций. В этом смысле музей выступает в качестве посредника между африканскими культурами и посетителями, теми людьми, которые в большинстве своем не имеют специальных знаний по африканистике.

В настоящее время многие музеи мира пересматривают принципы организации и планирования выставок. Наряду с такими традиционными принципами разработки экспозиции, как информативность, достоверность, функциональность (все это можно назвать одним термином «предметная ориентированность»), внимание переключается на организацию взаимодействия

с воспринимающей аудиторией, а именно процессы коммуникации и обучения [Carliner 2001]. Основной задачей планирования выставки становится задача материала с учетом потребностей и характера зрительской аудитории, что подразумевает под собой решение следующих вопросов:

- как сделать зачастую сложные для восприятия научные сведения понятными для неподготовленной аудитории (в том числе детей)?
- как заинтересовать посетителей?
- как сделать процесс восприятия зрителями выставочных предметов увлекательным и запоминающимся?

Как ни странно это прозвучит, но в настоящее время многие экспонаты, хранящиеся в фондах музеев мира, все еще пылятся на полках хранилищ и ни разу не выставлялись. С чем это связано? Нужно признать, что выставки, имеющие целью показать культуру определенного региона или народа, постепенно теряют актуальность. Финансовые сложности, связанные с отсутствием массового интереса к музеям, заставляют искать новые способы привлечения посетителей и поддержания диалога между музеями и аудиторией. Все большую роль в организации экспозиций играют интерактивные способы подачи материала, поэтому отбор предметов осуществляется с учетом не столько их информативности, сколько развлекательного, эмотивного, эстетического потенциала. Таким образом, содержание выставки состоит не в том, чтобы обогатить подробными сведениями по культуре африканцев, а в том, чтобы обеспечить интересное времяпровождение, эстетические переживания, затронуть эмоционально, поразить воображение зрителя.

Особую популярность в настоящее время приобретают «концептуальные выставки». В ходе организации подобных экспозиций выставочные предметы проходят отбор в соответствии с той или иной концепцией, например «красота у народов Африки» или «меланхолия». По сути, подготовка таких выставок, как «красота у народов Африки», подразумевает под собой серьезный исследовательский проект, многие из этих проектов осуществляются на базе сотрудничества специалистов из разных стран и предполагают обмен экспонатами между музеями.

Задача подобных экспозиций очень сложна, поскольку экспонаты выставляются не с целью функционального и дискриптивного изучения предметов быта как таковых, а служат проводником для понимания картины мира африканцев, особенностей менталитета. Здесь, разумеется, не идет речь о каких-либо попытках объединения представлений африканцев в единую концепцию, наоборот, на примере того или иного характерного для каждой культуры понятия демонстрируется разнообразие его трактовок у разных народов, а также многообразие эстетических воплощений данного понятия.

В случае с концептуальными выставками нередко в ходе подготовки подбираются предметы, относящиеся к разным культурам, а также к разным культурным сферам. В таком эклектичном единстве женский браслет йоруба Нигерии может лежать рядом с эфиопским текстом на древнем языке геэз. Оба эти предмета будут демонстрировать в равной степени понятие красоты в африканской культуре.

Разумеется, процесс отбора артефактов, а также разработка интерпретации предметов в соответствии с заявленной концепцией не может обходиться

без активного участия самих африканцев. Их участие в работе над экспозицией делает выставку концептуально достоверной, поскольку интерпретация экспонатов лишена субъективности восприятия европейцев африканской культуры. Прочтение выставляемого материала дается непосредственно носителями культуры.

В Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамере) также хранятся предметы, выставочный потенциал которых еще только предстоит оценить. Речь идет, в частности, об экспонатах, относящихся к культуре народа хауса. Язык хауса широко распространен в Западной Африке. Представителей народа хауса можно встретить в Камеруне, Нигере, Чаде, Того и в ряде других стран. Основой этнической идентификации народа хауса можно считать понятие «земли хауса» (*kasashen Hausa, Hausaland*), которые расположены на территории Северной Нигерии.

Одна из коллекций хаусанских предметов — коллекция № 1476, поступившая в 1909 г. Сто тридцать семь предметов из Нигерии, Того и Камеруна были переданы через купца Е.И. Александра в рамках обмена с Лейпцигским музеем народоведения. Эти артефакты дают представление о разных сферах хаусанской культуры.

Хорошо представлена в этой коллекции сфера, связанная с производством тканей и изготовлением одежды. Так, здесь есть ткацкий станок, отрез ткани, мужская рубаша, мужские штаны. Отдельный интерес представляет мужская одежда. Широкая (длина по рукавам 259 см) свободного кроя рубаша № 1476-4 из хлопчатобумажной ткани имеет широкие рукава (от плеча до талии). Горловой вырез украшен простой вышивкой желтыми нитями. Ширина брюк № 1476-3 290 см. С помощью вшитой на поясе тесьмы брюки собираются вокруг талии. По сути, этот предмет представляет собой прямоугольник (290 см шириной, 88 см высотой), по краю которого снизу сделаны прорезы для ног. Ткань над прорезами для ног (примерно до колена) украшена геометрическим узором.

Пошив одежды (*dinki*) — одно из традиционных ремесел хауса. С ним тесно связаны такие занятия, как прядение, декорирование одежды, крашение ткани и пр. Процесс пошива одежды может быть довольно сложным и требующим участия разных мастеров. К примеру, некоторые мастера специализируются только на определенных техниках выполнения стежков для вышивки. Так, техника *чуку* (*cuku*), стежки в форме петли, использовались для украшения плеча или кармана [Renne 2004: 105].

Наряд имеет большое значение, так как отражает социальный статус человека. Самая дорогая одежда шьется из шелка, традиционно имеет белый цвет, украшена богатой вышивкой. Ручную вышивку можно было увидеть не так часто — она была элементом роскоши, доступным только правителям, их окружению и богатым торговцам [Heathcote: 13]. Широко распространена была практика дарения одежды, причем в этом случае она не обязательно должна была быть новой. Одежда могла иметь и ритуальные функции, например «когда в Абудже выбирали нового эмира, в ходе торжественной церемонии передачи власти его одевание меняли; старую одежду, согласно ритуалу, отдавали женщине, которая должна была выстирать ее» [Ibid.: 14].

Хауса известны как путешественники и торговцы. Хаусанские ткани были популярны в Западной Африке, а многообразие элементов декорирования было связано в том числе с тем, что те или иные рисунки заимствовались в ходе многочисленных путешествий. В целом хаусанская одежда отражает влияние исламского искусства Северной Африки и Ближнего Востока [Heathcote: 19]. Примечательно влияние на декорирование одежды некоторых знаков, используемых в амулетах («кораническая магия»), когда те или иные фразы из Корана могли быть вышиты на одежде [Ibid.: 18]. Необходимо отметить, что каллиграфическое искусство используется для создания декора не только в одежде, но и в архитектуре, кожевенном ремесле, кузнечном деле [The Arts of the Hausa: 71].

Производство одежды традиционно связано с мужской культурой: ее пошив осуществляют мужчины, вышивка и дорогая ткань (шелк) как атрибуты высокого социального статуса также являются атрибутами мужской одежды. Участие женщин в производстве одежды минимально, например женщины прядут пряжу или вышивают шапочки [Heathcote: 17]. Тем не менее к середине 1970-х годов вышивку большой рубахи начинают осваивать и женщины [Renne 2004: 111].

Традиционный наряд мужчины состоит из большой длинной широкой рубахи (*babbar riga*) с широкими рукавами, которая почти закрывает штаны, широких штанов, под рубахой могли надеть, например, малую рубашку (*'yar riga*). Этот наряд и сегодня носят на севере Нигерии. Всякий, кто когда-либо видел, как хаусанец едет на велосипеде, не мог не заметить, насколько это сложно в подобном наряде, когда рубаха развевается, словно парус корабля, и при этом в любой момент грозит попасть в спицы колеса. Нельзя не задать вопрос: как этот наряд мог сохраниться в современных условиях? [Heathcote: 15]. «На самом деле некоторые изменения имеют место: большинство молодых людей сегодня носят более легкие и короткие рубахи, более узкие штаны и шапочки вместо тюрбанов, вышивка на рубахе и внизу штанин сведена к минимуму» [Ibid.: 15]. Декорирование одежды сегодня стало более доступным для обычных людей в связи с тем, что появилась машинная вышивка, которая по сравнению с ручной не требует больших усилий и времени, а потому дешевле.

Одежда хауса сравнительно подробно исследована, хорошо изученной является также хаусанская архитектура. В то же время в фондах Кунсткамеры находится довольно много предметов, которые очень сложно идентифицировать, поскольку довольно затруднительно найти какую-либо информацию о них. Эти предметы относятся к различным сферам культуры. Наше внимание привлекли, к примеру, оружие и металлические украшения. Несколько браслетов, согласно описи, изготовлены из желтого металла и практически повторяют друг друга: круглые, со сходящимися близко концами, без каких-либо элементов декора. Среди них выделяются два изделия: железный браслет, также круглый, но уже замкнутый, и массивный браслет, выполненный из меди. Медный браслет обладает наибольшей эстетической ценностью. Он незамкнутый, разделен надвое: одна половина изделия украшена глубокими насечками, создающими эффект витой спирали. Другая половина имеет ор-

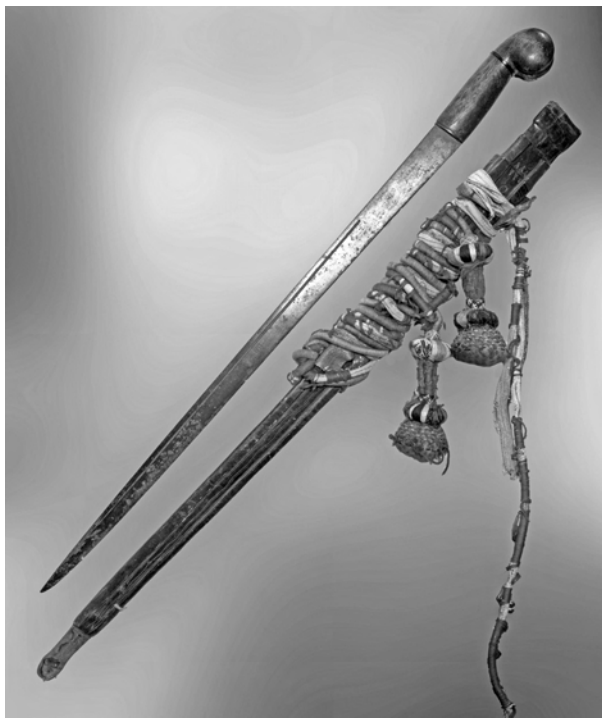

Рис. 1. Меч и ножны.
МАЭ РАН. Колл. № 1476-73 а, б

намент в виде кружков, продолжающихся линиями. В центральной части изделия, на стыке между половинами, утолщение, образующее круг. Браслеты в африканских культурах не только носят в качестве украшения, но и используют как деньги.

Оружие, входящее в состав коллекции, довольно разнообразно: копья, стрелы, инструмент для натягивания лука, кинжалы, полусабля. Стрелы № 1476-62–69 с тростниковыми и деревянными древками имеют железные наконечники разной формы. Длина стрел также разная — от 49 до 73 см. Такое оружие, как кинжалы и мечи, зачастую является атрибутом власти и выполняет ритуальные функции. Как и одежда, украшения, оружие является показателем социального статуса человека. Поэтому изделия отличаются разнообразием, которое зачастую обусловлено не столько практическими, функциональными причинами, сколько эстетическими. Кинжалы из коллекции Кунсткамеры имеют фигурные рукояти из рога (кости?) № 1476-74 а, б и дерева № 1476-75 а, б, 76 а, б, 77 а, б, 78 а, б (деревянная рукоять одного из клинков украшена металлическим кольцом с орнаментом, а у другого клинка обтянута шкурой). Лезвие дорогих клинков украшено сдержанным орнаментом: двоянными полосами, штриховкой. Длина кинжалов 30,5–37 см. Все кинжалы снабжены ножами, которые также различаются. Почти все ножны выполнены из кожи, лишь одни — из дерева, обтянутого кожей. Для изготовления большинства представленных ножен используется сочетание нескольких видов кожи. Орнамент может быть выполнен в форме инкрустации из

полосок разной по цвету кожи, что напоминает вышивку. Одни ножны орнаментированы двумя рядами продольных ремешков.

В коллекции Кунсткамеры есть железная «полусабля» № 1476-73 а, б (рис. 1). Деревянная рукоять с округлым раздвоенным навершием, клинок заточен только с одной стороны. Около рукояти две надписи, выполненные в арабской графике, — обращения к Аллаху. Здесь же клеймо мастера: «сделал Мухаммед Гази». Некоторые части клинка покрыты позолотой. Длина изделия 76 см. Нам также не удалось идентифицировать данный предмет. Существуют обширные описания мечей, распространенных у хауса (*takobi*), однако подобная полусабля не может быть идентифицирована как меч (*takobi*).

Кузнечное дело также одно из традиционных ремесел хауса. Как и многие другие народы, хауса верят в то, что кузнецы обладают тайными знаниями, которые позволяют им подчинять металл и огонь. Для этого существуют ритуалы, в ходе которых пением и танцами участники вводят себя в транс. Хауса определяют кузнечное дело как сочетание сверхъестественной способности (*rufa ido*, умение отвести людям глаза от человека или от того, что он делает) и мастерства (*dabara*). Кроме того, кузнецы обладают медицинскими знаниями и умениями: «Один кузнец из Кано известен тем, что очень хорошо лечит своими лекарствами ожоги, иногда его даже приглашают в городскую больницу, чтобы он помогал с ожоговыми больными» [Jaggar 1996: 232]. Кузнецы изготавливают, к примеру, средство от яда змей, защитные снадобья для охотников, борцов и воинов, популярны их амулеты, предназначенные для успешного сватовства и удачи в делах. В то же время магия огня и металла может быть опасной и вредоносной: некоторые амулеты, изготовленные с применением металлической стружки, вызывают болезнь и сумасшествие [Jaggar 1996: 232].

В целом, если говорить об остальных предметах быта, которые входят в хаусанскую коллекцию Кунсткамеры, нужно отметить разнообразие материала, из которого изготовлены те или иные артефакты: головная булавка из иглы дикобраза, головная булавка из кости, махалка из хвоста слона, табакерка из рога, флакон из кожи, сосуд и ложка из тыквы, тарелки и корзины, плетенные из растительных волокон, прутьев. Многие предметы из самых разных сфер быта имеют геометрический орнамент. Интерес представляют плетеные тарелки (рис. 2). Рисунок на них выполнен с сочетанием разных цветов: в одной из них использованы желтые, черные, лиловые и светло-зеленые волокна. Разные по цвету волокна оплетения также могут образовывать геометрический орнамент. Край тарелок может быть оплетен корой или снабжен жгутом, образующим ажурную кайму в виде зубчиков.

Определяя содержание и характер хаусанского искусства, Абдалла Уба Адаму указывает на тот факт, что его основные черты и назначение обусловлены тесной связью с социальной и религиозной культурой [Abdalla Uba Adamu]. Хаусанское искусство является одним из примеров «исламского искусства». Исламское искусство довольно разительно отличается от европейского. С точки зрения художественной выразительности оно довольно сдержанное и носит традиционный характер. Исламское искусство обладает визуальной спецификой, определяющей суть данного явления. Три основных

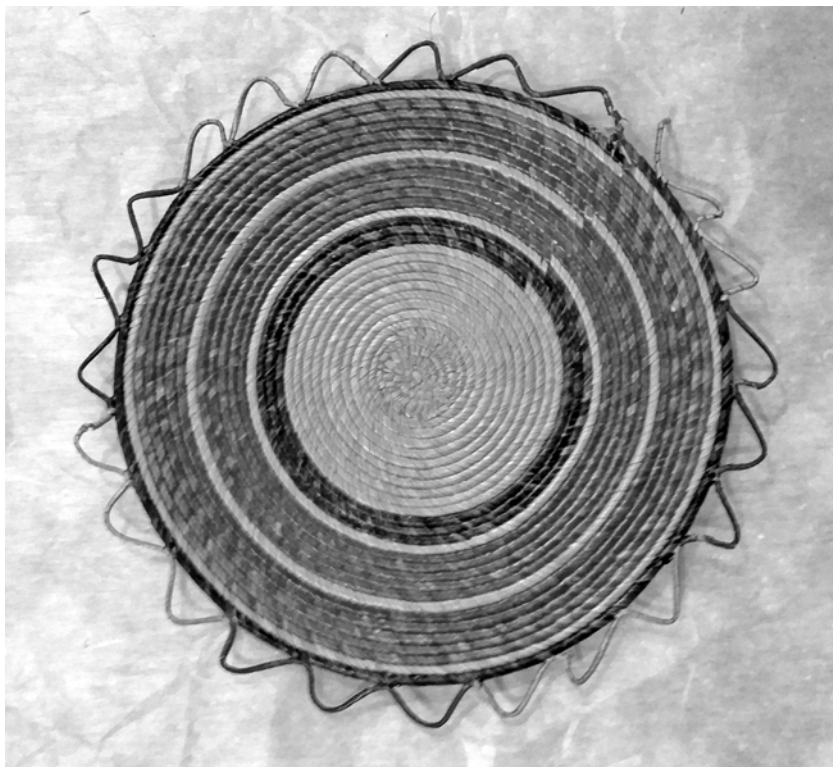

Рис. 2. Плетеная тарелка. МАЭ РАН. Колл. № 1476-99

принципа объединяют исламское искусство разных народов по всему миру: наличие арабской каллиграфии, геометрических форм и арабесок (орнамента из растительных мотивов). «Традиционное исламское искусство выражает духовность и основное содержание ислама посредством вневременного языка, который именно благодаря своему вневременному характеру, а также прозрачному символизму является более действенным и более понятным, чем большинство теологических разъяснений» [Oweis 2002: 19].

Библиография

- Abdalla Uba Adamu*. The Arts of the Muslim Hausa of Northern Nigeria. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.auadamu.com> (дата обращения: 10.04.2016).
- Carliner S.* Modeling Information for Three-dimensional Space: Lessons Learned from Museum Exhibit Design. Technical Communication. 2001. Vol. 48. No. 1. P. 66–81. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.jstor.com> (дата обращения: 04.04.2016).
- Heathcote D.* Hausa Embroidered Dress // African Arts. 1972. Vol. 5. No. 2. P. 12–19+82+84. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.jstor.com> (дата обращения: 04.04.2016).
- Jaggard Ph.* Cultural Performance and Economic-Political Goals: an Ethnographic Study of Blacksmith in Kano (Northern Nigeria) // The Politics of Cultural Performance. Oxford; Providence: Berghahn Books, 1996. P. 217–236. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.books.google.ru> (дата обращения: 10.04.2016).

Oweis F.S. Islamic Art as an Educational Tool about the Teaching of Islam. *Art Education*. 2002. Vol. 55. No. 2. P. 18–24.

Renne E.P. The Thierry Collection of Hausa Artifacts at the Field Museum // *African Arts*. 1986. Vol. 19. No. 4. P. 54–59. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.jstor.com> (дата обращения: 04.04.2016).

Renne E.P. The Production and Marketing of Babban Riga in Zaria, Nigeria // *African Economic History*. 2004. Vol. 32. P. 103–122. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.jstor.com> (дата обращения: 04.04.2016).

The Arts of the Hausa. Commonwealth Art Gallery. London. April 5 — June 30, 1976 // *African Arts*. 1976. Vol. 9. No. 4. P. 70–71. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.jstor.com> (дата обращения: 04.04.2016).

А.Ю. Сиим (Москвитина), Н.А. Добронравин

ПИСЬМЕННАЯ КУЛЬТУРА ХАУСА В ЭКСПОЗИЦИИ И ФОНДАХ МАЭ РАН

Зоя Леонидовна Пугач на протяжении многих лет была хранителем африканской экспозиции МАЭ при ЛЧ ИЭ им. Н.Н. Миклухо-Маклая, а впоследствии — МАЭ им. Петра Великого (Кунсткамеры) РАН, была знатоком всей африканской части фондов музея. Ее книга «Культура народов верховьев Нила (по материалам путешествий В.В. Юнкера)», опубликованная в 1985 г., посвящена материальной культуре динка, шиллук, нуэр и ряда других этнических групп, населяющих Верховья Нила [Пугач 1985]. Однако изначально — по своему образованию и специфике деятельности в ранний период работы в музее — З.Л. Пугач была в первую очередь специалистом по языку и культуре хауса и, в частности, автором очерка истории изучения языка хауса [Пугач 1963]. Этот очерк не утратил своего значения и в наши дни.

Биография З.Л. Пугач во многом отражает эволюцию приоритетов отечественной африканистики в целом и научно-исследовательского института и музея, а также собственно сектора Африки, в частности. Основоположник советской африканистики Д.А. Ольдерогге, возглавлявший отдел Африки с 1930 г., всегда подчеркивал важность изучения африканских языков. До середины 1950-х годов полевое исследование этих языков оставалось маловероятным, так как в то время для ученых возможность даже ненадолго выехать в Африку была исключительно редкой. Во времена оттепели специалисты по африканским проблемам вновь оказались востребованными. В 1955 г. в качестве первого шага к изучению «языков, этнографии, истории и экономики народов Африки» Президиум Академии наук СССР поручил Институту этнографии составить словари языков суахили и хауса. В постановлении Президиума

Академии наук также предусматривалась выписка литературы на суахили, хауса и зулу, возможность приглашения из Африки ученых-специалистов по суахили и хауса и научных командировок сотрудников института в Африку. Была создана группа по составлению словарей суахили (4 штатные единицы) и хауса (3 штатные единицы), кроме того, сектору Африки выделили три места в аспирантуре с 1956 г. [Россия и Африка 1999: 338–339]. Благодаря решению Академии наук Зоя Леонидовна Пугач, как выпускница кафедры африканистики Восточного факультета ЛГУ и филолог-хаусанист, вошла в группу по составлению хауса-русского словаря вместе с И.А. Осницкой, М.А. Смирновой, И.Н. Быковой (Шамовой), К.С. Разумовой и В.В. Лаптухиным. Этот словарь, составленный на основе изучения записей фольклора, художественной литературы и периодики хауса, был опубликован под редакцией Д.А. Ольдерогге в 1963 г. Помимо собственно составительской работы, словарная группа занималась вопросами грамматики и лексики хауса, а также переводами фольклорных текстов [Гоцко 1980: 195]. Собранные группой материалы по фольклору составили основу сборника африканских сказок, в который вошли и переводы с хауса И.Н. Быковой, А.Г. Ольдерогге, Д.А. Ольдерогге, З.Л. Пугач, М.А. Смирновой [Сказки народов Африки 1959: 204–254].

Члены словарной группы, конечно же, были знакомы и с арабографичной письменностью на языке хауса (аджами), краткий исторический очерк которой представлен в предисловии к хауса-русскому словарю [Ольдерогге 1963: 7]. Как представитель классической школы востоковедной филологии, Д.А. Ольдерогге считал исключительно важным изучение доколониального арабографичного письменного наследия народов Африки, ознакомление с ним включалось в учебные программы для студентов-африканистов. Прежде всего студенты познакомились со старосуахилийской письменностью на основе арабской графики (киарабу) и с хаусанским аджами, так как эти письменные традиции были самыми крупными по объему и количеству написанных текстов и их роли в истории Африки южнее Сахары (см., например: [Жуков 1997; Добронравин 1999]). На протяжении нескольких десятилетий в базовых кафедральных курсах «Введение в африканистику» и «Литературы стран Африки» делался акцент на особое место этих старописьменных традиций в культурах суахили и хауса, вплоть до того, что одной из основных ассоциаций с понятиями «суахили» и «хауса» становились «киарабу» и «аджами».

Именно изучение хаусанских текстов на аджами (из собрания немецкого африканиста Г.А. Краузе) было первым этапом в научной биографии большинства составителей хауса-русского словаря. Д.А. Ольдерогге писал: «Тексты были прочтены на специальных семинарских занятиях в Ленинградском государственном университете на Восточном факультете по кафедре африканистики под моим руководством в 1954–1955 гг. В работах по переводам принимали участие студенты И.А. Осницкая, З.Л. Пугач, М.А. Смирнова и И.Н. Шамова (Быкова), ныне сотрудники сектора Африки Института этнографии Академии наук СССР в Ленинграде» [Ольдерогге 1960: 140]. В 1960 г. эти тексты были опубликованы в приложении к книге Д.А. Ольдерогге «Западный Судан в XV–XIX вв. Очерки по истории и истории культуры». З.Л. Пугач перевела исторические тексты «Войны фульбе с царями

Кебби», «Караванные пути в странах хауса», «Нападение на караван», а также совместно с М.А. Смирновой «Приготовление фуры» (об этнографии питания народов Нигерии). Автором текстов из собрания Краузе был имам Умару, выходец из области Кебби, поселившийся в Кете-Крачи (на территории современной Ганы) в конце XIX в. Все тексты, записанные, скорее всего, специально для немецкого ученого и путешественника, отличаются по языку от современного стандартного хауса Нигерии. Переводчикам так и не удалось посетить Нигерию или Гану, да и события, описанные имамом Умару, происходили еще до европейского раздела Африки. Несмотря на определенные трудности, в целом переводы бесспорно способствовали изучению истории и этнографии хауса. В частности, текст о войнах фульбе с Кебби и сегодня остается одним из важнейших источников по истории халифата Сокото в Западной Африке (см., например: [Добронравин 2003]).

Образцы письменности хауса, а также сам по себе сегмент материальной культуры, связанной с письмом, всегда были важными в области этнографического музееведения для презентации культуры хауса. Очевидно, что именно этот ряд предметов дает представление о духовной культуре народа — о ее идеологической и религиозной составляющей. Конфессиональный фактор имеет определяющее значение в культуре хауса. Для музейщика, имеющего дело с исламизированной культурой (каковой в высшей степени является культура хауса) и подразумеваемыми ею формальными запретами или ограничениями на изображения живых существ, именно экспонаты, связанные с письменностью, каллиграфией, а также традиционной орнаментикой, дают возможность показать специфику образного самовыражения и мировоззрения представителей такой культуры. Именно по этой причине старинные экземпляры хаусанских досок (на языке хауса — *allo*, от араб. *lawḥ*), которыми пользовались ученики и учителя коранических школ, а также ученые-целители, издавна были представлены в народоведческих музеях Европы. Подробная статья *allo* имеется и в хауса-русском словаре [Хауса-русский словарь 1963: 22].

Подобные предметы есть и в африканских коллекциях МАЭ РАН. Один из них (№ 1651-90) поступил из Лейпцигского музея народоведения в составе обменной коллекции в 1909 г. На этой доске написан коранический текст (с одной стороны — сура 91, на другой — сура 92). Доски такого типа изготавливаются и применяются вплоть до настоящего времени. Сама их форма — широкая прямоугольная плоскость, на которой записывается арабографичный текст, со стреловидной рукояткой сверху, — может интерпретироваться как условное изображение человеческой фигуры: рукоятка уподобляется голове на длинной шее, доска — туловищу, на поверхность которого наносится священный текст (см., например: [Bondarev, Löhr 2011]). Данный образ и концепт «начертания на сердце» важен в распространенных в мусульманском мире мнемонических техниках и представлениях о необходимости правильного восприятия и запоминания Корана каждой частицей души и тела, т.е. в том числе на физическом уровне («Он [Джибрил] низвел Коран на твое сердце с соизволения Аллаха» [Коран, 2: 97], «Аллах начертал в их сердцах веру и укрепил их духом от Него» [Коран, 58: 22]).

В фондах МАЭ РАН представлены и другие типы досок для письма с нанесенным на них текстом. Доски различаются по форме основной плоскости (прямоугольник, трапеция, овал и др.) и рукоятки (стреловидная, ромбовидная с прорезью или без нее и др.). Для некоторых досок, используемых на территории современных Мали и Гвинеи, характерно полное отсутствие рукоятки (№ 6990-40, Гвинея, сусу, из собрания Е.Н. Кальщикова). Первое описание таких досок в МАЭ РАН принадлежит В.В. Матвееву. Он определил вариант арабского письма, представленный на досках, как «магрибинско-хаусанский почерк» [Матвеев б.г.]. Часть текстов на досках в коллекции МАЭ РАН (в частности, № 1651-90) бесспорно выполнена «центрально-суданским» письмом, характерным для региона, который включает Северную Нигерию, Нигер и север Камеруна. К их числу относится текст на доске для письма из Нигера (подарена музеем Н.А. Добронравиным в 1997 г.). Переносная чернильница и образцы сухих чернил, в комплекте с которыми была передана доска, представлены на постоянной африканской экспозиции Кунсткамеры в тематическом локусе «Письменность».

Все эти предметы были собраны в Нигере, в деревне Аллела. Аллела, центр одноименной коммуны, находится в 56 километрах от города Бирнин Конни, севернее национальной дороги Ниамей-Зиндер. Название деревни не этимологизируется из языка хауса. Согласно историческому преданию, основателями Аллелы были охотники, которые пришли с запада, со стороны Догондучи (историческая область Арева). Основное население Аллелы — аборигены-коннава (одна из этнографических групп хауса), а также переселенцы из Гобира (гобирава) и Аревы (арава). В Аллеле есть кораническая школа, в которой пользуются досками для письма.

Нигерская доска для письма (№ 7091-1) раньше использовалась в коранической школе. Рукоятка доски с утолщением («головкой») на конце, верхний и боковые края основной плоскости ровные, нижний край вогнутый. В итоге вся плоскость напоминает по форме шкуру козы или овцы. На доске записан коранический текст (суры 111 и 110, в обратном порядке). Эти суры используются не только в процессе обучения, но и для медицинских и магических целей (в таких случаях обычно видны следы смытого текста).

В письменной культуре хауса и соседних народов чернила традиционно разводили в калекбасах (kurtun tawada), в наши дни чаще используются бутылки из пластика и стеклянные банки (kwalba). Чернильница с пробкой в коллекции МАЭ РАН (№ 7091-2) изготовлена кустарным способом из алюминия (вероятно, из двух емкостей, к которым была присоединена еще одна деталь на цепочке). Похожие по форме емкости для чернил, изготовленные из камня, глины или металла (но не из алюминия), были распространены и в доколониальной Западной Африке. На верхнюю часть чернильницы нанесен зигзагообразный узор.

Традиционные сахельские чернила в коллекции МАЭ РАН представляют собой, согласно описанию в научном паспорте, «комкообразную сухую массу с вкраплениями травинки и других посторонних элементов» (№ 7091-3, название: Сухие чернила, этническое название: Tawada). В Аллеле эти чернила называются jīgai, буквально «гуммиарабик». Несомненно, название дано

по основному компоненту этого вещества. Общее название чернил в языке хауса — *tawada* (диалектные варианты — *tadawa*, *taddawa*, *adawa*), заимствованное из арабского через берберские языки. Интересно, что в процессе заимствования изменилось и значение слова. В арабском языке *dawāt* — «чернильница», точнее, как писал А.Б. Халидов, «это был целый чернильный прибор, род перала или продолговатого ящичка с крышкой, в котором помещались чернила и калам» [Халидов 1985: 166] (см. также: [Gacek 2009: 293–294]). В хауса, других языках Западной Африки и в туарегских языках Сахары название емкости, в которой хранились чернила, было перенесено на ее содержимое [Kossmann 2005: 78]. Чернила, в которых гуммиарабик использовался в качестве связующего вещества, были широко распространены в исламском мире и в христианской Европе. Цвет чернил зависел от примесей, среди которых чаще всего встречалась сажа. Различные варианты приготовления сухих чернил шарообразной формы, удобных в путешествиях, представлены в книге «‘Умдат ал-куттаб ва-‘уддат зави-ал-албаб» («Опора пишущих и оружие проницательных») [Levey 1962]. В исламском мире ее автором традиционно считался ал-Му’изз ибн Бадис, правитель Ифрикии (XI в.). Из Северной Африки практика приготовления чернил, вероятно, была заимствована западно-африканскими мусульманами.

В наши дни предметы, связанные с письменной культурой хауса, нередко покупают европейские и американские коллекционеры и туристы. Под влиянием спроса некоторые доски для письма оформляются в более привлекательном для покупателей виде (например, обязательно разноцветные). В Северной Африке процесс превращения таких предметов в «туристическое искусство» уже близится к завершению. В этом контексте ценность предметов письменной культуры хауса и других народов Западной Африки в фондах Музея антропологии и этнографии будет только возрастать.

Библиография

Гоцко Г.Н. История отдела Африки МАЭ // Собрания Музея антропологии и этнографии АН СССР. Л.: Наука, 1980. С. 188–196. (Сборник Музея антропологии и этнографии. Т. XXXV).

Добронравин Н.А. Арабографическая письменная традиция Западной Африки. СПб.: Центр африканских исследований СПбГУ, 1999. 178 с.

Добронравин Н.А. Предание о восстании 1849 г. в Кебби // Вестник СПбГУ. Сер. 2. «История». 2003. Вып. 3 (№ 18). С. 110–117.

Жуков А.А. Суахили. Язык и литература. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1997. 350 с.

Матвеев В.В. Описание досок для письма из фондов МАЭ РАН (рукопись). 9 с.

Ольдерогге Д.А. Предисловие // Хауса-русский словарь. М.: ГИИНС, 1963. С. 5–7.

Постановление Президиума Академии наук СССР «Об изучении истории, экономики, языка и литературы народов Африки», 29 июля 1955 г. // Россия и Африка. Документы и материалы. XVIII в. — 1960 г. / Под ред. А.Б. Давидсона и С.В. Мазова. М.: Институт всеобщей истории, 1999. Т. II. 1918–1960. С. 338–339.

Пунач З.Л. История изучения языка хауса // Африканский этнографический сборник. М.; Л.: Наука, 1963. Т. 5. С. 200–221. (Труды Института этнографии АН СССР. Т. 76).

Пугач З.Л. Культура народов верховьев Нила (по материалам путешествий В.В. Юнкера). М.: Наука, 1985. 175 с.

Сказки народов Африки / Сост. и предисл. Д.А. Ольдерогге. М.; Л.: Гослитиздат, 1959. 318 с.

Халидов А.Б. Арабские рукописи и арабская рукописная традиция. М.: Наука, 1985. 302 с.

Хауса-русский словарь. Kamus na Hausa-Rashanci / Под ред. чл.-кор. АН СССР Д.А. Ольдерогге. М.: ГИИНС, 1963. 460 с.

Bondarev D., Löhr D. African Languages and Cultures (Kanembu): Kanuri/Kanembu Manuscript Culture // Manuscript Cultures. 2011. Vol. 4. P. 61–67.

Gacek A. Arabic Manuscripts : A Vademecum for Readers. Leiden: Brill, 2009. xviii + 350 p.

Kossmann M.G. Berber Loanwords in Hausa. Berber Studies. Vol. 12. Köln: Köppe, 2005. 228 p.

Levey M. Mediaeval Arabic Bookmaking and Its Relation to Early Chemistry and Pharmacology // Transactions of the American Philosophical Society. New Series. 1962. Vol. 52. No. 4. P. 1–79.

С.А. Французов

ПЕТЕРБУРГСКИЕ СПИСКИ ЭФИОПСКОГО ДОГМАТИЧЕСКОГО СБОРНИКА *КЕРЭЛЛОС*: КОДИКОЛОГИЧЕСКИЕ И ТЕКСТОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ

Основополагающим для богословия Эфиопской церкви является догматический сборник на языке геэз, включающий в себя произведения патристики антинесторианской направленности, по преимуществу св. Кирилла Александрийского, по имени которого данный сборник и получил название *Керэллос* (ጽሐፊት), а также других отцов Церкви и видных церковных мыслителей, чья деятельность была связана с III Вселенским собором (Эфесским, 431 г.). Полное критическое издание этого памятника, предпринятое Берндом Мануэлем Вайшером¹, вызвало ряд нареканий с методологической точки зрения. Кроме того, в процессе его подготовки выяснилось, что за исключением старейшего полного списка Tānāsee 42 = Kebrān 42, относящегося к XV в., двух фрагментарных списков XIV и XV вв. из Матенадарана и пары рукописей, датированных XVII в., все остальные списки данного сочинения восходят к XVIII–XX вв. [Bausi 2010: 289].

В этой связи особую ценность приобретает не учтенная Б.М. Вайшером рукопись *Керэллоса* Эф. 74 (= Орлов 4) из собрания Института восточных рукописей РАН, которую Б.А. Тураев в своем каталоге предположительно датировал по почерку XVII в. [Тураев 1906: 172 (60)]. Она была приобретена Азиатским музеем 10 (23) сентября 1903 г. в составе коллекции русского ди-

¹ Ссылки на тома этого издания см., например, в: [Bausi 2010: 289–290].

пломата А.А. Орлова, в 1900–1903 гг. занимавшего пост временного поверенного в делах Российской империи в Эфиопии [Тураев 1906: 159 (47); Платонов 1996: 13; Российско-эфиопские отношения 1998: 569]. Пожалуй, эта была наиболее ценная рукопись в составе приобретенного собрания. С полным основанием ее следует охарактеризовать как подносной («парадный») список, который, во всей вероятности, находился во владении крупного монастыря или высокопоставленного церковного деятеля (такого как *эччеге*, *акабэ-саат* или *нэбура-эд*). Кодекс крупноформатный, по форме близок к квадрату, размеры блока 37×35,5 см².

Рис. 1. Лицевая сторона задней крышки переплета Эф. 74

Переплет (37,5×36 см) состоит из двух деревянных досок, обклеенных тисненой темно-коричневой кожей с изображением креста в середине лицевой стороны каждой доски. С оборотной стороны под кожу была подложена красная ткань, имеется кожаный корешок, частично оборванный сверху (рис. 1).

Пергамен хорошо обработан, но пожелтел от времени, а некоторые листы немного испачкались. Разрывы пергаменных листов тщательно зашиты³. На некоторых листах изначально имелись одна или несколько дыр, однако переписчик аккуратно обошел их в процессе копирования текста⁴.

² У Б.А. Тураева размеры даны ошибочно: 47½×45 см [Тураев 1906: 172 (60)].

³ См. л. 17, 38, 39, 41, 44, 74, 82, 119, 121, 128, 147, 150, 151.

⁴ Так, на л. 16 имеются три дыры, на л. 146 — две маленькие, на л. 82 — одна большая и несколько мелких, на л. 17, 35, 97, 109, 113, 150, 167, 170, 171 — по одной (учитывались только отверстия на части поверхности, занятой текстом).

Рукопись включает 178 листов пергамена, которые, за исключением л. 1, сброшюрованы в 20 тетрадей. Структура рукописи: л. 1, тетради 1x, 2viii, 3–4x, 5vii (iv/iii), 6–7x, 8iii (ii/i), 9–10x, 11iv⁵, 12x, 13x (vi/iv), 14–19x, 20v (iii/ii). Часть листов тетради 19 оказались снизу неровными.

Листы, разлинованные при помощи *мистары*, от которой вдоль их вертикального края остались следы тонких отверстий, с обеих сторон покрыты текстом, начертанным в три столбца. Количество строк в столбце 29. Размеры занятой текстом поверхности 24–25 × 26 см. Лишь л. 1 и л. 178 были изначально оставлены пустыми, но затем на лицевой и оборотной сторонах л. 1 в правой верхней части появились написанные вверх ногами пробы пера, которые, очевидно, можно свести к обращенной к Господу мольбе: **አእግረአብሔር፡ ብርዕ፡ ሥዎር፡** «Господи, к перу (*калему*) прояви благосклонность!» На л. 178 в верхней половине столбца 1 заметна наполовину стертая пространная охранительная формула, переписанная иным, более угловатым почерком, нежели основная часть рукописи и пробы пера на л. 1.

Имя последнего владельца тщательно вымарано на л. 46 об. и на л. 69 об., вероятно, перед тем, как данная рукопись оказалась выставленной на продажу и была приобретена А.А. Орловым⁶. К счастью, его удалось разобрать в формуле, помещенной в конце одного из разделов трактата о I Вселенском соборе, где оно изначально было начертано красными чернилами, а затем лишь слегка подтерто: **በረከተ፡ ዝንቱ፡ አብ፡ መዎሕር፡ መ / ንፈሳዊ፡ የሃሉ፡ ምስለ፡ ገብሩ፡ ነፃ / ይ፡ ወመስኪን፡ <ጊዮርጊ>፡ ወየሀ / ቦ፡ ሞገሰ፡ ቃል፡ ቅድመ፡ ከሉሙ፡ / መናፍቃን፡ ወኃይለ፡ ሃይማኖት፡ / ከኢይጸንን፡ ወከኢይትመየ፡ ተ / ስፋ፡ ለዓለመ፡ ዓለም፡ አሜን፡** «Благословение сего Отца, Наставника Духовного да пребудет с рабом Его бедным и несчастным <Георгием> и да дарует Он ему благодать слова пред всеми еретиками и силу веры неколебимую и не отвергающую надежду во веки веков. Аминь» (Эф. 74, л. 92, стлб. 2.20–26; рис. 2а,б). Не исключено, что оно также находилось в полностью уничтоженных верхних двух с половиной строках стлб. 3 на л. 177 об., непосредственно за которыми следует краткая охранительная формула: **ከሰረፉ፡ / ወከፈሐቆ፡ በስልጣነ፡ ጴጥ / ርስ፡ ወጳውሎስ፡ ወጉዝ፡ ይኩን፡ / ከመ፡ አርዮስ፡ //** «Тот, кто украдет ее или сотрет ее, властью Петра и Павла анафеме да будет предан, подобно Арию» (л. 177 об., стлб. 3.3–6; рис. 3).

Что касается содержания кодекса Эф. 74, то его первую и большую половину как раз и занимает *Керэλλос* (л. 2–93), в то время как другая отдана «Книге Старца праведного духовного», приписываемой Иоанну Саве (л. 94–177 об.). Состав сборника, известного как *Керэλλос*, детально разобран Александром Бауси в соответствующей статье в *Encyclopaedia Aethiopica*. Он выделил в нем три части: самую значительную по объему, христологическую,

⁵ Последний, четвертый, лист данной тетради обрезан справа приблизительно на две трети.

⁶ Это имя было вписано в две схожие формулы: **ጸሎቱ፡ ወበረ / ከቱ፡ ወሀብተ፡ ረድኤቱ፡ የሀሉ፡ / ምስለ፡ ፍቁሩ፡ <ለዓ> / ለመ፡ ዓለም፡ አሜን፡ ::** / «Молитва Его и благословение Его и дар помощи Его да пребудут с возлюбленным Его (Имяреком) <во ве>ки веков. Аминь» (л. 46 об., стлб. 2.5–8); **ጸሎቱ፡ ወበረከቱ፡ / የሀሉ፡ / ምስለ፡ ፍቁሩ፡ .. / ... ለዓለመ፡ ዓለም፡ / አሜን፡ ወአሜን፡ ::** / «Молитва его (св. Кирилла. — С.Ф.) и благословение его да пребудут с возлюбленным его (имяреком) во веки веков. Аминь и аминь» (л. 69 об., стлб. 2.10–13).

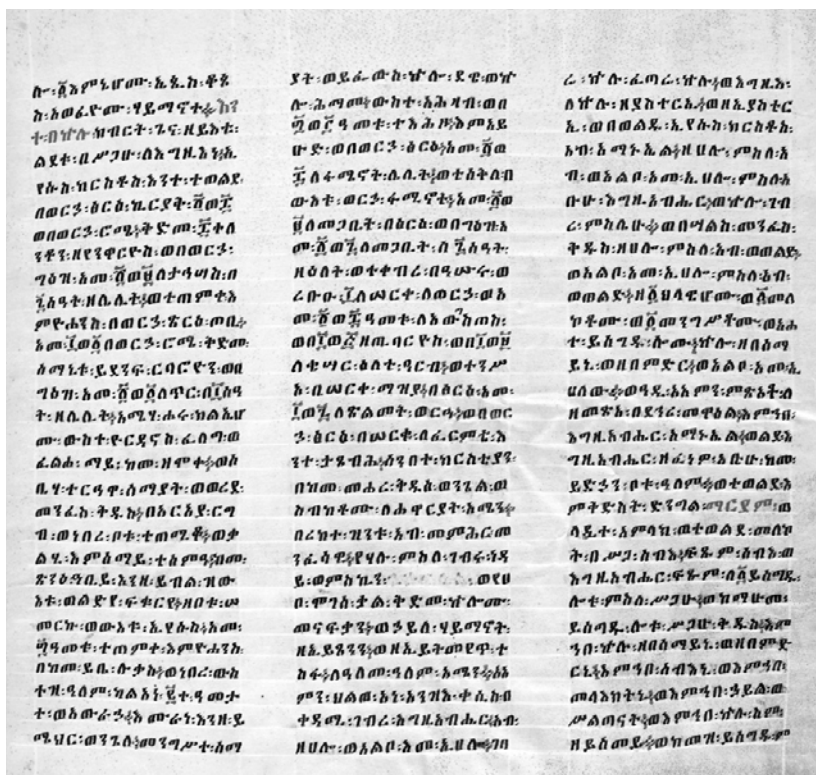

Рис. 2а. Эф. 74, л. 92

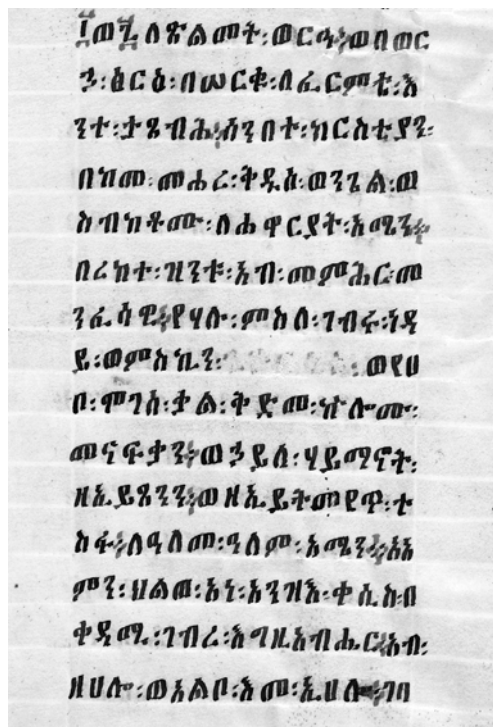

Рис. 2б. Эф. 74, л. 92,
нижняя половина стлб. 2

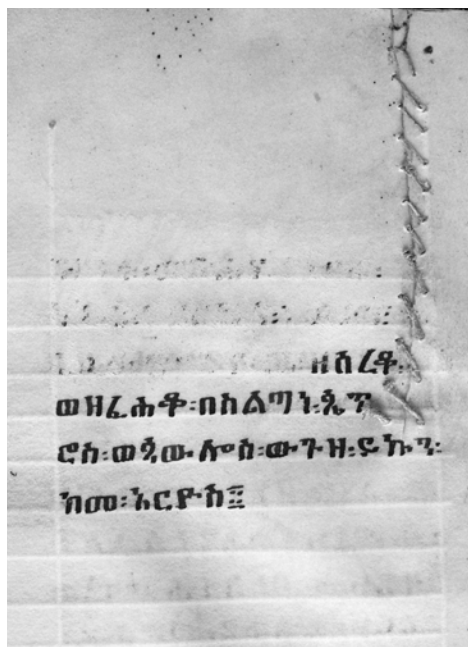

Рис. 3. Эф. 74, л. 177 об.,
верхняя часть стлб. 3

Рис. 4. Эф. 74, л. 2

тесно связанную с дебатами на III Вселенском соборе, которую открывают три трактата Кирилла Александрийского и которая включает в себя 18 произведений (преимущественно гомилий участников собора, произнесенных в один день — 5 июля 431 г.); вторую, посвященную как христологическим, так и тринитологическим вопросам и состоящую из семи произведений (гомилий и символов); третью, самую короткую, переведенную не с греческого в аксумскую эпоху, а с арабского не ранее XIII в. [Bausi 2010: 287–288].

Однако, судя по описанию Б.А. Тураева, в Эф. 74 первая часть представлена не 18-ю, а 17-ю произведениями [Тураев 1906: 172–173 (60–61)]⁷: в нем не отмечен трактат св. Кирилла Александрийского «О правой вере к царевнам» (*Oratio ad Arcadium et Marinam Augustas de fide*), который должен непосредственно следовать за открывающим сборник трактатом того же Кирилла «О правой вере к императору Феодосию» (*De recta fide*). Речь идет о восточно-римском императоре Феодосии II Младшем (402–450) и о пользовавшихся большим влиянием при дворе его благочестивых сестрах, настоящих монахинях в миру Аркадии и Марине, детях императора Флавия Аркадия (395–408), сына Феодосия I Великого (379–395). Впрочем, при ближайшем рассмотрении оказывается, что два этих трактата в эфиопской традиции составили одно произведение. Так, *De recta fide* начинается на л. 2 (рис. 4) с *басмалы*⁸: **በስመ: እግዚአብሔር: አያው / መሐሪ: ወመስተሣላል: ርኑ / ቀ: መዓት: ወብዙኃ:**

⁷ Помимо двух творений св. Кирилла Александрийского, указанных на с. 172 (60), к этой части относятся проповеди и послания, перечисленные на с. 173 (61) под пунктами с *a*) по *p*) (ср.: [Bausi 2010: 287]).

⁸ Этот термин, так же как *ибтида'* и *ихтитам*, заимствован из арабской рукописной традиции, под сильным влиянием которой находилась эфиопская.

ምሕረ / ት: ወዳድቅ። «Во имя Господа Живого, Милостивого, Милосердного, Негневливого (букв. Далекого от гнева), Многомилостивого и Справедливого» (Эф. 74, л. 2, стлб. 1.1–4).

Далее выделяются заглавие и *ubtiḍā'*: ንዌጥን፡ ጽሑ / ፈ: ነገር፡ ዘጸሐፈ፡ ቅዱስ፡ ቀ / ርሉስ፡ ሊቀ፡ ጳጳሳት፡ ዘኢለ፡ / እስክንድርያ፡ ለታደሰዮ / ስ፡ ንጉሥ። በእንተ፡ ሃይማ / ኖት፡ ርትዕት፡ ዘእግዚእነ፡ ኢየሱስ፡ ክርስቶስ፡ ዘመን / ገለ፡ ሰብእ፡ ክቡር፡ ወልዑል / ወኢይትአየይ፡ ምስለ፡ ከል / እ፡ በልዕልናሁ። «Начнем записывать слово, которое написал святой Кирилл, патриарх Александрийский, царю Феодосию о вере правой Господа нашего Иисуса Христа применительно к человеку честному и возвышенному, такому, которому нет равного в возвышении его» (Эф. 74, л. 2, стлб. 1.4–13), — а затем *incipit*: ክፍል። / እንትሙ፡ አፍቁራነ፡ ክርስቶ / ስ፡ ንጉሥ፡ ወሂመትክሙ፡ ድ / ልው፡ ወስኑይ፡ ዘእምኑስ፡ / እግዚአብሔር፡ ይመስል፡ አ / ያተ፡ ዚአሁ፡ ዘበምድር፡ ከ / ብርክሙ። «Глава. Вы, о возлюбленные Христа-Царя, положение же ваше достойно и превосходно благодаря Господу; напоминает подобие Его земное честь ваша» (Эф. 74, л. 2, стлб. 1.13–19). *Explicit* же данного трактата обнаруживается не на л. 46 об., как следовало бы из описания Б.А. Тураева, а на л. 15 об.: ወሀሎነ፡ በዘእማን፡ ወ / ልዱ፡ ኢየሱስ፡ ክርስቶስ፡ ወእቲ፡ / ዘበእማን፡ እግዚአብሔር፡ ወሕ / ይወት፡ እንተ፡ ለዓለም፡ ዘቡቲ፡ ወ / ምስሌሁ፡ ለእግዚአብሔር፡ አ / ብ፡ ወምስለ፡ መንፈስ፡ ቅዱስ፡ / ሰብሐት፡ ለዓለመ፡ ዓለም፡ አሜን፤ / «И мы были с подлинным Сыном Его Иисусом Христом, он — воистину Господь, в Котором жизнь вечная, и с Господом Отцом и с Духом Святым слава во веки веков. Аминь» (Эф. 74, л. 15 об., стлб. 1.26–2.3; рис. 5). Сразу за ним помещен раздел предыдущего сочинения, заглавие и *ubtiḍā'* которого не оставляют сомнений в том, что изначально это был самостоятельный трактат *Oratio ad Arcadium et Marinam Augustas de fide*: ምዕራፍ፡ ስነ፡ ዜና፡ ዘዓለም፡ / ወምክህ፡ ዘቅዱሳት፡ አብያተ፡ ክር / ቲያናት፡ ዘመድኅነ፡ ኩልነ፡ ኢየ / ሱስ፡ ክርስቶስ፡ ለሰምዮ፡ ኩሉ፡ / ሰብእ፡ በእማን፡ ኪያኬን፡⁹ ቅዱሳ / ተ፡ ወንጹሐተ፡ መራዕዊሁ፡ አር / ቃድያ፡ ወመሪና፡ ፪አሐት፡ ክቡ / ራት፡ ወመፍቀርያተ፡¹⁰ እግዚአብ / ሔር፡ በእማን፡ ዘበላዕሌክን፡ ያ / ንጸበርቅ፡ ብዑድ፡ ስነ፡ ላህይ፡ በ / አዕይንተ፡ ልብ፡ እንዘ፡ ትኔጽራ፡ / ኅብ፡ እግዚአብሔር፡ ወእንዘ፡ / ታረትዓ፡ በትምህርት፡ ወበጸ / ሕቅ፡ በከመ፡ መፍትወ፡ ወትሄ / ልዋ፡ በርትዕት፡¹¹ ሃይማኖት፡ እንተ፡ / ኢትተኅትን፡ በምንትኒ። «Раздел. Прекрасное повествование о мире и славе святых Церквей Спасителя всех нас Иисуса Христа, чтобы обратились к Нему все люди. Подлинно вам, святые и чистые паствы Его, Аркадия и Марина, две сестры честные и воистину любящие Господа, Который над вами сверкает иной превосходной красой в очах сердца¹², пока вы взираете на Господа и пока вы исправляете (веру) в учении и в рвении, как желаете, и вы пребываете в правой вере, которая не дается просто так» (Эф. 74, л. 15 об., стлб. 2.4–19; рис. 5). Вот он-то и заканчивается на л. 46 об. приведенной выше формулой¹³.

⁹ Так, вместо грамматически правильного ኪያክን፡

¹⁰ Знак ያ очень мелко вписан над строкой между предшествующим и последующим знаками.

¹¹ Знак በ очень мелко вписан над строкой в начале этого слова.

¹² Которое, по эфиопским представлениям, было вместилищем ума.

¹³ См. выше примеч. 6.

Рис. 5. Эф. 74, л. 15 об.

Точно так же трактат «О правой вере к царевнам» оказывается присоединен к трактату «О правой вере к императору Феодосию» по крайней мере еще в двух списках *Керэлла*: Эф. 11 (= Кориандер 3)¹⁴ из собрания ИВР РАН и Or. 739 из Британской библиотеки [Wright 1877: 205 (no. 315)]. Трудно сказать, почему так произошло, возможно, они были объединены по сходству тематики.

Вторая часть сборника в Эф. 74 стандартна по составу, а третья королевской канонической и включает в себя только два сочинения (вместо четырех): «Взгляд позднейшего на Мельхиседека» (л. 91 об., стлб. 1.8) и трактат о I Вселенском соборе («О 318 правоверных святых епископах, что во граде Никея собрались на собор»; л. 91 об., стлб. 3.16) [Тураев 1906: 173 (61); Vausi 2010: 288].

Второй список *Керэлла* в ИВР РАН, Эф. 11 (= Кориандер 3), меньше по формату (размеры блока: 23×20 см) и гораздо скромнее по оформлению. Он был передан в дар Азиатскому музею 8 (21) января 1904 г. в составе коллекции, собранной старшим врачом Симферопольского местного лазарета А.В. Кориандером в бытность его в Эфиопии в 1901–1902 гг. в качестве врача при госпитале Российской Императорской миссии [Тураев 1906: 159 (47); Платонов 1996: 13; Российско-эфиопские отношения 1998: 564].

Переплет традиционный эфиопский, состоящий из двух ничем не покрытых деревянных досок без корешка, его размеры 23,5–23,7 × 20,5–20,7 см. Пергамен пожелтел и местами испачкан.

¹⁴ См. о нем ниже.

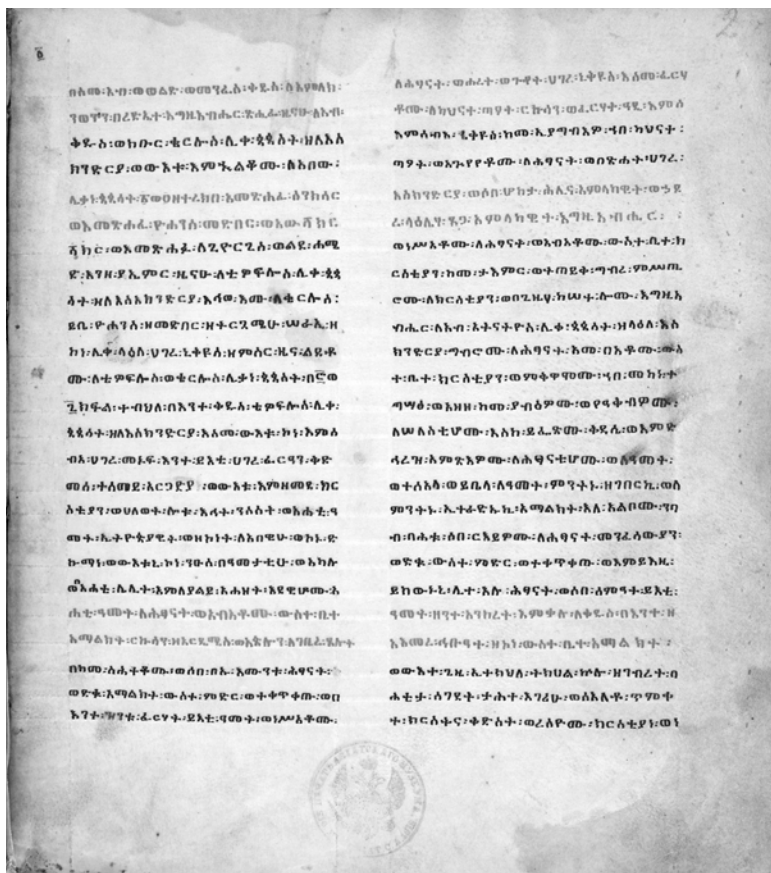

Рис. 6. Эф. 11, л. 2

Рукопись включает в себя 104 листа пергамена, которые, за исключением л. 1, сброшюрованы в 11 тетрадей. Структура блока: л. 1, тетради 1–9х, 10ix (v/iv), 11iv. Листы были аккуратно разлинованы традиционным способом, при помощи *мистары*, от которой вдоль их вертикального края остались следы тонких отверстий. Помещенные в конце списка листы отличаются худшим качеством, особенно л. 88–90, сделанные из грубой кожи¹⁵, а также крайне неровные листы тетради 10¹⁶. Вероятно, у того, кто завершал работу над рукописью, не хватило пергамена, и ему пришлось брать, что попало под руку.

Кодекс выполнен как минимум двумя переписчиками. Одного отличает мелкий аккуратный почерк: он скопировал открывающие сборник житие и три трактата св. Кирилла Александрийского (л. 2–71; рис. 6), у второго, переписавшего оставшуюся часть сборника (л. 72–103 об.; рис. 7, 8), почерк более крупный и менее тщательный. Текст переписан в два столбца, количество

¹⁵ С правого края л. 88 обнаруживается большая выемка, на л. 89 в той же части — выемка гораздо меньшего размера, но зато в его правой нижней четверти — дыра диаметром ок. 4 см.

¹⁶ Кроме того, в ней выделяются неумело зашитый л. 94, а также л. 95 с большой овальной дырой (6×5 см) в левой нижней четверти.

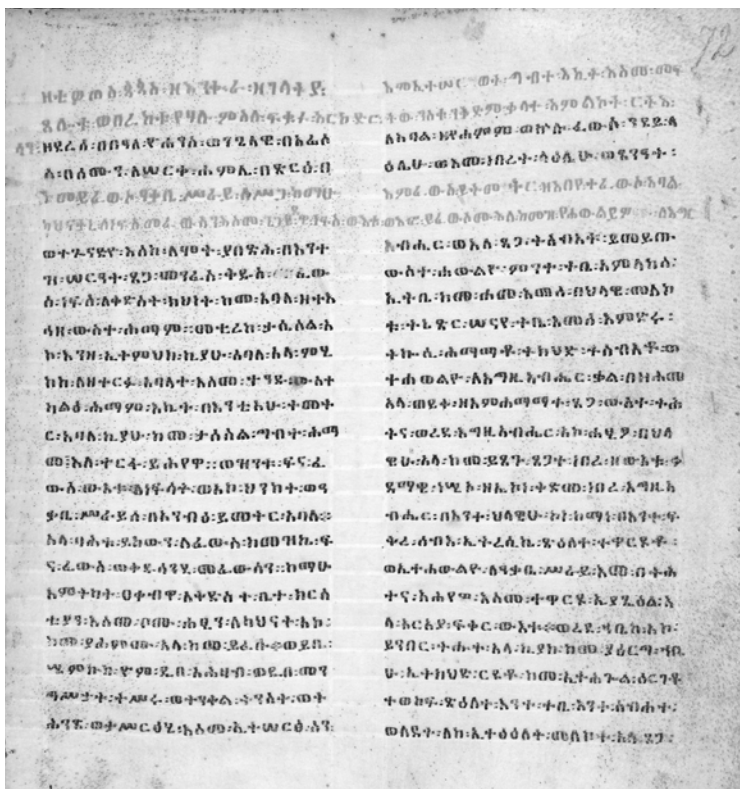

Рис. 7. Эф. 11, л. 72

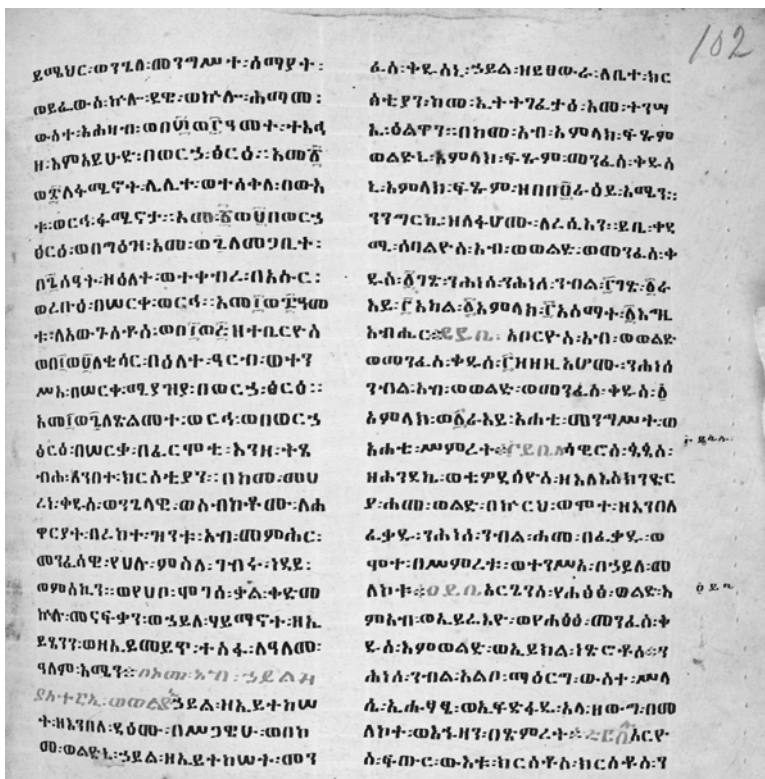

Рис. 8. Эф. 11, л. 102

строк в столбце 25. Размер занятой текстом поверхности слегка возрастает к концу списка от 16,5×15,5 см до 17×16 см.

Как отмечал Б.А. Тураев [Тураев 1906: 174 (62)], место, оставленное для имени владельца на л. 47 (стлб. 2.18), не было заполнено. На основании этого можно предложить, что данный никак не датированный кодекс восходит ко второй половине или даже к концу XIX в., т.е. он был переписан незадолго до того, как был приобретен А.В. Кориандером.

Выполненное Б.А. Тураевым описание содержания списка Эф. 11, включающего в себя только *Керэллос*, нуждается в ряде уточнений и исправлений. Во-первых, трактат *De recta fide* заканчивается на л. 18 об., стлб. 1.3. С этой строки и до конца лицевой стороны л. 47 (стлб. 2.20) идет трактат *Oratio ad Arcadium et Marinam Augustas de fide*, который в эфиопской традиции, как отмечалось выше, рассматривается как составная часть первого трактата. Гомилия Феодота Анкирского начинается на л. 79 об., стлб. 2.13, а не на л. 80 об. (ср.: [Тураев 1906: 174 (62)]). Послание Иоанна Кириллу на л. 82 об., стлб. 2.18 нужно исправить на «Послание Иоанну Кирилла», но в данном случае речь, скорее всего, идет об опечатке. Перед трактатом о I Вселенском соборе¹⁷ пропущен «Взгляд позднейшего на Мельхиседека» (л. 101, стлб. 1.9). Наконец, в самом конце списка помещен антиеретический трактат (л. 102, стлб. 1.22; см. рис. 8), входящий в третью часть *Керэллоса*, но отсутствующий в Эф. 74. Так что, несмотря на позднюю датировку, Эф. 11 также может представлять определенный текстологический интерес для подготовки нового критического издания этого догматического сборника.

Источники из собрания ИВР РАН

Эф. 11 = Тураев III/15 = Кориандер 3.

Эф. 74 = Тураев III/14 = Орлов 4.

Библиография

[Платонов В.М.] Эфиопские рукописи в собраниях Санкт-Петербурга: Каталог. СПб.: Издательство РНБ, 1996. 112 с.

Тураев Б.А. Эфиопские рукописи в С.-Петербурге // Записки Восточного отделения Императорского Русского археологического общества. Т. XVII. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1906. С. 115–248. (Памятники эфиопской письменности. Т. III).

Российско-эфиопские отношения в XIX — начале XX в.: Сб. документов. М.: Восточная литература РАН, 1998. 584 с.

Bausi A. Qerällos // *Encyclopaedia Aethiopica*. Т. IV / Ed. by S. Uhlig in cooperation with A. Bausi. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2010. P. 287–290.

Wright W. Catalogue of the Ethiopic Manuscripts in the British Museum Acquired since the Year 1847. L.: Gilbert and Rivington, 1877. XV + 366 p.; 13 pl.

¹⁷ По сравнению с Эф. 74 в Эф. 11 этот трактат не полон: он заканчивается на л. 102, стлб. 1.22 (см. рис. 8), в том месте, которое соответствует Эф. 74, л. 92, стлб. 2.26 (см. рис. 2 а, б).

Е.В. Гусарова

ЭФИОПСКИЕ РУКОПИСИ — НАСЛЕДСТВО ЭКСПЕДИЦИИ Н.И. АШИНОВА В АБИССИНИЮ

История формирования петербургских коллекций эфиопских рукописей насчитывает более 200 лет¹. В их основу легли семь эфиопских рукописных книг. Они поступили в Императорскую Публичную библиотеку в 1805 г., когда русский дипломат П.П. Дубровский, основатель «Депо манускриптов», преподнес в дар императору Александру I свое собрание, приобретенное им за время многолетней службы в качестве секретаря российского посольства во Франции. Таким образом, собрание Публичной библиотеки стало старейшим российским собранием эфиопской рукописной книги. Рукописи в Россию привозили дипломаты, путешественники и исследователи, церковные деятели, которым довелось побывать на Африканском Роге или в Эфиопском подворье в Святой земле. Некоторые книги приобретались у антикваров в различных странах Европы.

До конца XIX в. количество эфиопских рукописей в хранилищах Петербурга было довольно незначительным, что расстраивало Б.А. Тураева, знатока египетских и эфиопских древностей. В начале XX в. он с неподдельной радостью писал: «Неожиданно для русского общества и русской науки начавшиеся сношения с Абиссинией сразу изменили это положение, безусловно ненормальное для столицы восточного христианства» [Тураев 1905: 15].

В начале XX в. эфиопские рукописи были сосредоточены в четырех основных собраниях: Императорской Публичной библиотеке, Азиатском му-

¹ Краткий обзор истории формирования коллекций эфиопских рукописей Санкт-Петербурга был выполнен автором в: [Gusarova 2015].

зее Императорской Академии наук, Санкт-Петербургской духовной академии (далее — СПбДА) и Обществе любителей древней письменности. Первые три располагали наиболее богатыми коллекциями.

Появление в Петербурге и Москве в конце XIX в. нескольких эфиопских рукописей было связано с нашумевшей как в России, так и за рубежом авантюрой Н.И. Ашинова (1856–1902)². Этот атаман вольных казаков, как он сам называл себя, и неутомимый путешественник по Ближнему Востоку в 1880-е годы был захвачен идеей основания вольной казачьей станции. После того как такое мероприятие не удалось реализовать в Сухуми, он устремил свой взгляд на далекую восточно-христианскую страну, Эфиопию, которую в то время принято было именовать Абиссинией.

Деятельность Н.И. Ашинова на Африканском Роге выпала на 80-е и 90-е годы XIX в., период международной активности Российской империи, когда особой актуальностью отличался вопрос приобретения новых колоний, имевших выход к морю, и опорных пунктов, столь важных для навигации. Это стало целью и вышеупомянутой авантюры. С окончанием строительства Суэцкого канала в 1869 г. и введением его в эксплуатацию ближневосточный вопрос встал еще более остро для великих мировых держав. В сложившейся геополитической ситуации интерес Н.И. Ашинова привлекла загадочная христианская страна Эфиопия, стратегически выгодно расположенная на Африканском Роге, откуда без особого труда можно было получить выход в Красное и Средиземное моря, а также в Индийский океан. К тому же российские дипломаты не могли не устремить взоры в сторону все еще свободной от колониального гнета Абиссинии, близкой России по вероисповеданию³. Предприятие это было делом сложным, так как на международной сцене Россия была не единственным государством, имевшим виды на эту страну. Кроме того, русская дипломатия была не вполне готова к такому решительному шагу и в самые ответственные моменты отказывала Н.И. Ашинову в необходимой поддержке. Это предопределило крах экспедиции, которая в конечном счете носила неофициальный характер и от которой в России с легкостью откритились.

Идея экспедиции, целью которой было наладить связи между Россией и Эфиопией в религиозном, политическом и военном отношении и основать на Красном море русскую колонию, была воплощена Ашиновым в реальность в 1885–1886 гг., когда ему впервые удалось добраться до берегов Эфиопии. Эта первая экспедиция была затруднена присутствием в порту Массауа итальянцев, несмотря на противодействие которых Ашинову обманным путем удалось пробраться на континент.

Между апрелем 1886 г. и ноябрем 1888 г. Ашинов еще раз ездил в Абисинию, возможно, в сопровождении супруги. Для организации третьей и заключительной поездки на Африканский Рог, не найдя поддержки в Петербур-

² Тогда фамилия Ашинов приобрела значение имени нарицательного. Появились такое понятие, как «ашиновщина», и формулировки вроде «наши Ашиновы» [Никольский 2015, 1: 289].

³ Вопрос близости русской православной и эфиопской религиозных доктрин сложен. Попытку его подробного рассмотрения предпринял В.В. Болотов [Болотов 1888].

ге, Ашинов отправился искать сочувствующих в Константинополе, а затем в Одессе, где и обосновался в 1887 г., собирая средства и людей для новой экспедиции. Здесь же к нему примкнула духовная миссия во главе с архимандритом Паисием (1832–1906)⁴.

В религиозном отношении, как уже было отмечено, Н.И. Ашинов искал пути сближения двух Церквей. По этому вопросу он обращался в Святейший Синод [Хренков 1992: 32]. В Синоде не торопились с решением данного вопроса, возможно потому, что Русская православная церковь была достаточно далека от идей миссионерства, и дело долгое время пролежало без ответа. В сущности, далеко идущие планы Н.И. Ашинова являлись продолжением и интерпретацией идей Порфирия Успенского, а авантюра его так или иначе стала частью игры русских дипломатов на международной сцене, в данном случае весьма непоследовательной.

Организация в рамках экспедиции духовной миссии в Эфиопию придало бы ей должный авторитет и помогло бы получить материальную поддержку Церкви. С этой целью Н.И. Ашинов устроил приезд в Петербург монаха Паисия [Архимандрит Тихон (Затекин) 2011], который был вынужден покинуть Свято-Пантелеймоновское подворье в Константинополе, где он был настоятелем, после погромов, последовавших за началом русско-турецкой войны за освобождение Балкан 1877–1878 гг. Затем Паисий жил на Афоне, пока его не вызвали для участия в духовной миссии в Эфиопию. Еще до прибытия в Одессу Н.И. Ашинов искал контакта с Паисием, вначале путем переписки, а затем при личном посещении Константинополя. Остается до конца неясным, носило ли его участие в миссии официальный характер и почему именно на нем, тогда еще простом монахе, остановился выбор казака-авантюриста. По крайней мере, телеграммы и донесения тайного советника А.И. Нелидова из Перы и управляющего Азиатским департаментом Н.К. Гирса в феврале 1888 г. свидетельствуют о ложности слухов о возможном участии Паисия в планируемой экспедиции⁵. Также в переписке говорится, что простой монах не мог возглавить никакой миссии, носившей официальный характер.

3 августа 1888 г.⁶ отец Паисий прибыл в Петербург и был определен насельником в Александро-Невскую лавру, где в следующие дни был посвящен в иеродиакон и иеромонахи. 13 августа 1888 г. его посветили в сан архимандрита [Архимандрит Тихон (Затекин) 2011: 27]. Паисий, таким образом, получил все права, чтобы возглавить духовную миссию, и сразу отправился в Одессу для организации дел и подготовки к далекому путешествию.

Несмотря на отсутствие поддержки (и даже прямые запреты) со стороны государства, Н.И. Ашинову удалось собрать все необходимое и даже сформировать отряд из 150 казаков и духовную миссию. 10 декабря 1888 г. корабль Добровольного флота РОПиТ «Адмирал Корнилов» с духовной миссией и казаками вышел из порта г. Одессы. В заливе Таджура они высадились на красноморское побережье и заняли местечко Сагалло, объявленное к тому времени французским протекторатом. Заключительная часть экспедиции за-

⁴ Балабанов Василий Филиппович.

⁵ Фонд № 1578 (бывший ф. № 1000). 1950–20. Л. 168, 179.

⁶ Здесь и ниже все даты приведены по старому стилю.

кончилась крахом в январе-феврале 1889 г. Французы начали бомбардировку лагеря, устроенного экспедицией в стенах старой крепости. Несколько человек было убито, многие ранены. Н.И. Ашинов и его спутники были арестованы французскими властями и затем переданы в Россию.

Вернувшись в Россию, Паисий попал в опалу из-за сомнительного характера и провала миссии, в которой он принял непосредственное участие. За этим последовали скитания по различным епархиям, Тамбовской, Владимирской и пр. В 1906 г., будучи к тому времени в преклонных летах, он отправился на покой в Нижегородский Вознесенский Печерский монастырь. Отец Паисий скончался 12 октября 1906 г. в возрасте 74 лет.

Доподлинно известно, что в результате этой экспедиции в Российскую империю были привезены эфиопские рукописи. Их точное количество остается загадкой для исследователей, ибо единственная, кроме того скудная, информация, касающаяся прибытия этих рукописей, содержится в одной из статей Б.А. Тураева, где он сообщает следующее: «В Россию прибыла ашиновская коллекция, которая частью растаяла, частью попала в Гатчинский дворец и библиотеку Духовной академии» [Тураев 1905]⁷. В Гатчинский дворец, являвшийся с 1881 г. царской резиденцией, попали две рукописи, которые были преподнесены Н.И. Ашиновым Александру III⁸. Насколько нам известно из архивных материалов Азиатского департамента Министерства иностранных дел⁹, Н.И. Ашинов не был допущен к императору. Остается также неясным, дошли ли до адресата письма Н.И. Ашинова, которые он писал Александру III¹⁰. Так или иначе, в 1886 г. дары от царя Эфиопии Иоанна IV (1872–1889) были доставлены ко двору, вероятно, посредством третьего лица. Рукописные книги могли попасть в Гатчинский дворец вместе с привезенным из Эфиопии страусом, определенным в Гатчинский царский птичник [Панаев 1906: 429]¹¹.

Остается неизвестным, когда именно эти рукописи были переданы во дворец. Неясно и общее количество привезенных из Абиссинии рукописных книг. Б.А. Тураев, говоря о «растаявшей коллекции», также не называет их общего числа. По всей видимости, он не владел такой информацией. Также вызывает недоумение тот факт, что Б.А. Тураев, зная о том, что некоторые ру-

⁷ Дата поступления рукописей в Гатчину нам неизвестна. В книгу описи, вышедшую в 1884 г. эти рукописи хронологически не могли войти [Опись предметам... 1884].

⁸ Примечание 1, приведенное В.М. Платоновым на с. 14 его Каталога: «Предположительно в 1888 г. по возвращении из первой поездки в Эфиопию» — ошибочно [Платонов 1906: 14]. Н.И. Ашинов впервые добрался до Эфиопии в 1885–1886 гг. В 1888–1889 гг. состоялась его третья, заключительная, поездка на Африканский Рог в сопровождении архимандрита Паисия. Между апрелем 1886 г. и ноябрем 1888 г., по всей видимости, он еще раз предпринял поездку в Эфиопию.

⁹ Фонд № 1578 (бывший ф. № 1000). 1950–20.

¹⁰ Три таких письма хранятся в ОР РНБ (ф. № 1578 (бывший ф. № 1000), 1950–20, л. 111–113, 151–153, 163–164). Одно из них (л. 151–153) было опубликовано в воспоминаниях лично знавшего Н.И. Ашинова В.А. Панаева [Панаев 1906: 430–433]. Письмо датировано 19 августа 1886 г.

¹¹ Птичник сильно пострадал в годы Великой Отечественной войны и восстанавливался после ее окончания.

Рис. Псалтырь. Шифр БП/58. 1881

копии ашиновской экспедиции попали в библиотеку СПбДА, не включил их в свой каталог эфиопских рукописей Санкт-Петербурга [Тураев 1906]. Кроме того, остается загадкой, какие именно рукописные книги он имел в виду. Как будет сказано ниже, рукописи эти поступили в СПбДА лишь в конце 1906 г., а статья, посвященная новым собраниям, вышла в 1905 г.

Две из так называемых ашиновских рукописей, переданных в Гатчинский дворец, были описаны Б.А. Тураевым [Тураев 1900], но также не вошли в его каталог. Подробно разобрав внешнюю и содержательную сторону этих двух кодексов, автор посвящает истории их поступления не более трех строк текста.

Выполненные им описания (для удобства исследователей) были повторно включены в каталог В.М. Платонова. Это рукописи Эф. 37 [Платонов 1996: 17–18]¹² и Эф. 40 [Там же: 20–21]¹³. Они поступили в библиотеку ИВР РАН (на тот момент Азиатского музея) в 1924 г.

О рукописях СПбДА, поступивших после 1906 г. (т.е. после года выхода каталога эфиопских рукописей Б.А. Тураева и по этой причине в него не попавших), мы узнаем со страниц ежемесячного журнала «Христианское чтение», в котором публиковались Журналы Совета СПбДА. Речь идет об отчетах, докладах и прошениях А.С. Родосского¹⁴, главного библиотекаря Академии.

¹² Псалтырь следованная.

¹³ Органон восхваления Святой Девы.

¹⁴ А.С. Родосский долгие годы исполнял обязанности библиотекаря СПбДА. Он стал инициатором создания каталога рукописей и книг. В конце 1901 г. была создана соответствующая комиссия.

В приложении к июльскому номеру «Христианского чтения» было опубликовано дополнение А.С. Родосского к отчету по библиотеке под заглавием «Рукописи и Церковно-славянские книги, поступившие в академическую библиотеку в 1905 и 1906 гг. (к Отчету по Библиотеке)» [Родосский 1907]. Из него мы узнаем, что в 1905 г. поступило семь рукописей, а в 1906 г. — 16 (восемь из них (сиро-халдейских) были куплены у священника С. Бадалова). Особо автор отмечает три эфиопские рукописи на пергамене, две из которых поступили в дар после смерти архимандрита Паисия [Родосский 1907: 146–147].

Результатом кропотливой работы А.С. Родосского явились печатные каталоги трех из четырех собраний рукописей СПбДА¹⁵ и рукописный каталог четвертого собрания¹⁶, состоящего из списков, поступивших в библиотеку в 1850-е годы. Этот каталог по мере получения новых рукописей продолжал пополняться.

В Журнале совета СПбДА от 30 октября 1906 г. было опубликовано за номером VIII: «Слушали: Отношение Нижегородского Первокласного Печерского монастыря от 21 сего октября за № 427: “По указу Св. Синода от 1 марта с.г. за № 2479, в Нижегородском Печерском монастыре проживал на покое Архимандрит Паисий, бывший начальник Русской Духовной миссии в Абиссинии, который 12 сего октября волею Божьею скончался. После его смерти, между прочим, остались следующие достопримечательные вещи:

1. Древняя епитрахиль с вышитыми на ней угодниками.
2. Две книги рукописные на пергамене.
3. Русский национальный (трехцветный) флаг, бывший в отряде добровольцев казака Н.И. Ашинова во время путешествия их в Абиссинию.

Вещи эти Нижегородский Печерский монастырь имеет честь препроводить особой посылкой в музей на хранение от имени почившего Архимандрита Паисия и покорнейше прошу о получении таковых уведомить”.

Определили: рукописи передать на хранение в академическую библиотеку, а вещи — в церковно-археологический музей, жертвователям выразить благодарность от имени Совета» [Журнал... 1906: 68–69].

До недавнего времени о существовании этих рукописей было неизвестно в научных кругах эфиопистов и по мере их обнаружения они считались неописанными. Тем не менее они не ускользнули от внимания Б.А. Тураева. Описания, выполненные им, приведены библиотекарем А.С. Родосским в вышеупомянутом «Приложении к Отчету по библиотеке» [Родосский 1907: 150–152]. Ниже мы представим описание этих двух рукописей, выполненное Б.А. Тураевым и дополненное автором этих строк, так как журнал «Христианское чтение» малодоступен читателю и описание рукописей, в нем приведенное, не вполне удовлетворительно. Для удобства описания будут представлены в виде таблицы.

¹⁵ Первое собрание (432 ед. хр.) составляли рукописи Александро-Невской лавры, второе — Новгородского Софийского собора, третье — Кириллобелозерского монастыря. Второе и третье поступили в библиотеку Духовной академии в 1859 г. [Родосский 1893: 3].

¹⁶ ОР РНБ, СПбДА, № 1484. Дополнительный каталог рукописей СПб. Д. Академии, составленный и веденный с 1877 года.

Таблица 1

Шифр	БП/6
Тип рукописи	Кодекс
Датировка	Нач. XVII в.
Основной текст	Служебник
Пишущий материал	Пергамен
Количество листов	252
Размер переплета (высота × ширина × толщина) см	10,2×10,5×7
Размер листа (высота × ширина) см	10×9,8
Переплет	Эфиопский, деревянные доски, обтянутые коричневой кожей, с тиснением. Верхняя доска расколота и сшита нитью. Корешок с тиснением
Сумка	Нет
Разделители глав	Черные и красные ряды точек
Разлиновка	Да
Структура тетрадей	27: I 16 (л. 1–16), II 8 (17–24), III 7 (25–31), IV 10 (32–41), V 10 (42–51), VI 10 (52–61), VII 10 (62–71), VIII 10 (72–81), IX 10 (82–91), X 10 (92–101), XI 10 (102–111), XII 8 (112–119), XIII 8 (120–127), XIV 8 (128–135), XV 8 (136–143), XVI 8 (144–151), XVII 8 (152–159), XVIII 8 (160–107), XIX 8 (108–175), XX 8 (176–183), XXI 10 (184–193), XXII 10 (194–203), XXIII 8 (204–211), XXIV 10 (212–221), XXV 10 (222–231), XXVI 11 (232–242), XXVII 10 (243–252)
Защитная полоса пергамента	Нет
Размер основного текста (высота × ширина) см	7×7,6
Количество строк	13–15
Количество столбцов	2
Цвет чернил	Черные и красные
Почерк	Почерки разные, тщательные. В приписках небрежные
Язык	Гезз
Миниатюры и художественное оформление	Нет
Печати	Л. 1, 252 об.: печать библиотеки Санкт-Петербургской духовной академии
Рубрикация	Остатки нитей синего или зеленого цвета, продетые в отверстия в листах
Нотация	Да

История поступления	Принадлежала начальнику Русской духовной миссии в Абиссинии о. архимандриту Паисию. После его смерти в Нижегородском Печерском монастыре 12 октября 1906 г. была в том же году передана на хранение в библиотеку Санкт-Петербургской духовной академии. В 1919 г. вместе со всем рукописным собранием СПбДА была передана в отдел рукописей ГПБ
Колофон	Нет
Владелец	За-Марьям
Реставрация	Нет
Содержание	
Л. 4–16 об.	Чин утреннего каждения ¹ (фрагмент, конец отсутствует)
Л. 17–22 об., стлб. 1	Утренняя молитва священника (<i>Кидан</i>) ²
Л. 22 об., стлб. 2–26 об.	Утренняя лития
Л. 26 об. — 31	Вечерняя лития
Л. 32–84	Общий чин эфиопской литургии ³
Л. 84–117	Литургия Апостольская
Л. 117–130	Литургия 318 отцов
Л. 130–139 об.	Литургия св. Епифания Кипрского
Л. 139 об–147	Литургия св. Григория Богослова
Л. 147–162	Литургия Богородичная
Л. 162–170	Литургия св. Иоанна Златоуста
Л. 170–183 об.	Литургия св. Апостола Иоанна Богослова
Л. 184–202 об.	Литургия св. Афанасия Великого
Л. 202 об. — 211	Литургия св. Кирилла Александрийского
Л. 211–226 об.	Литургия св. Василия Великого
Л. 227–231	Литургия Диоскора ⁴
Л. 231 об. — 242	Литургия Иакова Серугского
Общие замечания	После л. 16 потеряна целая тетрадь, отсутствуют несколько листов после л. 31. Листы, судя по чернилам и почерку, идентичным приписке на л. 1, нумерованы библиотекарем СПбДА А.С. Родосским. Нити брошюровки

Приписки	<p>Л. 1: пометы, сделанные библиотекарем СПбДА А.С. Родосским (черными чернилами): «ак. б. № БП/6. Всего в рукописи (с использованием лигатуры) 252 листа писанные А. Род. (подпись). 1 нояб. 1906»; ниже карандашом: «инв. 1463».</p> <p>Л. 1 об. — 3, стлб. 1: Магическая молитва, молитва с упоминанием Иоанна Крестителя, Георгия Победоносца и Креста (с вкраплениями из амхарского языка).</p> <p>Л. 3, стлб. 2–3 об., стлб. 1: указания дней памяти Апостолов⁵. Л. 217⁶.</p> <p>Л. 242, стлб. 2–242 об.: Песнопение в честь Богородицы (рифмованными стихами с нотацией).</p> <p>Л. 243–248: Прошения «вечерней литии», недостающие после л. 31.</p> <p>Л. 248 об. — 251 об.: «Молитва имен волхвований» — магический текст (на л. 249 об. его отрывок назван «молитва на разрешение заговора»; на л. 251 об. (другим мелким и небрежным почерком) упоминается мученик Киприан).</p> <p>Л. 252: Заклятие (почерк поздний, крупный и небрежный)</p>
Литература	ОР РНБ, СПбДА, № 1484. Дополнительный каталог рукописей Санкт-Петербургской духовной академии, составленный и веденный с 1877 г., л. 301

Примечания

¹ Коптская версия «Чина» отличается от русской православной. Текст был издан с английским переводом [Bute 1882].

² См. выше примеч. 1.

³ См. выше примеч. 1.

⁴ См. выше примеч. 1.

⁵ У Б.А. Тураева: «Л. 3: Песнопения в честь Иоанна Крестителя, Георгия Победоносца и Креста (мелким и плохим почерком); перечень дней памяти Апостолов (на амхарском языке)» [Родосский 1907: 151].

⁶ У Б.А. Тураева: «Упоминается на ектении патриарх Марк (Марк V (1602–1619) и митрополит Симеон (Симеон IV). Симеон погиб 13 мая 1617 г. в битве с войсками царя Сисиния, принявшего католическую веру). Этим обстоятельством объясняется отсутствие традиционных упоминаний царя и молитв за него» [Родосский 1907: 151]. Автором данных строк в рукописи БП/6 этих упоминаний обнаружено не было.

В заключение описания Б.А. Тураев замечает: «Что касается значения описываемой рукописи, то она представляет интерес: 1) как современная смутной эпохе истории эфиопской церкви и как памятник отношения ее к царю-отступнику; 2) как один из наиболее древних списков Служебника (большая часть имеющихся в Европе не восходит выше конца XVII в.); 3) как единственный в России полный список Служебника, заключающий в себе “утреннее каждение”, хотя и с потеряннным концом; 4) не лишена интереса и магическая приписка» [Родосский 1907: 150].

Таблица 2

Шифр	БП/58
Тип рукописи	Кодекс
Датировка	Окончена 8 мязья 1873 г. милости, в год Матфея Евангелиста — 3 апреля 1881 г. (л. 121).
Основной текст	Псалтырь
Пишущий материал	Пергамен
Количество листов	122 (1 об., 122 — чистые)
Размер переплета (высота × ширина × толщина) см.	17,7×12,8×5,5
Размер листа (высота × ширина) см	17,2×11,8
Переплет	Эфиопский, деревянные доски, обтянутые коричневой кожей, с тиснением. С внутренней стороны обеих крышек подклеен зеленый текстиль. Корешок с тиснением
Сумка	Нет
Разделители глав	Нет
Разлиновка	Да
Структура тетрадей	15: I 10 (1–10), II 10 (11–20), III 10 (21–30), IV 10 (31–40), V 10 (41–50), VI 10 (51–60), VII 8 (61–68), VIII 8 (69–76), IX 8 (77–84), X 8 (85–92), XI 8 (93–100), XII 8 (101–108), XIII 4 (109–112), XIV 8 (113–120), XV 2 (121–122)
Защитная полоса пергамена	Нет
Размер основного текста (высота × ширина) см	12×9
Количество строк	28
Количество столбцов	Л. 3–111: 1; л. 1 об. — 2, 111 об. — 121: 2
Цвет чернил	Красные и черные
Почерк	Аккуратный, профессиональный
Язык	Геез
Миниатюры и художественное оформление	Л. 2 об.: нераскрашенное хорошо выполненное изображение царя Давида, на которого сходит Святой Дух в виде голубя. Миниатюрные заставки нераскрашенные, с вегетативными и геометрическими мотивами: л. 3, 8 об., 14 об., 21, 29 об., 36, 40 об., 47, 56, 62 об., 67, 85. После для миниатюрных заставок оставлено незаполненное место
Комментарии к миниатюрам	Миниатюра выполнена в типичном для конца XIX в. стиле. Традиционное подражание исконной эфиопской традиции иконописи не выявлено
Печати	Л. 1, 2, 121 об.: печать библиотеки Санкт-Петербургской духовной академии
Рубрикация	Нет
Нотация	Нет

История поступления	Принадлежала начальнику Русской духовной миссии в Абиссинии о. архимандриту Паисию. После его смерти в Нижегородском Печерском монастыре 12 октября 1906 г. была в том же году передана на хранение в библиотеку Санкт-Петербургской духовной академии. В 1919 г. вместе со всем рукописным собранием СПбДА была передана в отдел рукописей ГПБ
Колофон	Л. 121: «Да будет благословен господь, что дал мне завершить написание Псалтыри Давида и Песнь Пророческую и Соломона и Хвалу матери его, грешному рабу его Вальда Самаэту». Ниже: «Окончена в 1873 г. милости, в год Матфея Евангелиста, 8 миязья, в среду на заре с милостью Божьей»
Владелец	Вальда Самаэт (писец ?) (л. 121)
Реставрация	Нет
Содержание	
Л. 3–96 об.	Псалмы, распределенные на декады
Л. 97–111	Песни пророческие и Песнь Песней
Л. 111 об. — 118	Богородичны на все дни недели — <i>Вэددасе Марьям</i>
Л. 118–121	«Хвала и умиление» Богородицы
Общие замечания	Рукопись выполнена на дорогом белом пергамене. В употреблении не была, так как пергамен чист. Не была закончена, судя по нераскрашенным миниатюрам и заставкам и отсутствием миниатюрных заставок после л. 85
Приписки	Л. 1: пометы, сделанные библиотекарем СПбДА А.С. Родосским (черными чернилами): «ак. б. № БП/58. Всего в рукописи (с использованием лигатуры) 122 листа с чистыми А. Род. (подпись). 1 нояб. 1906»; слева карандашом: «инв. 1449». Л. 1 об. — 2: стихи из Псалмов 2–5. Л. 3: стихотворение, посвященное Псалтыри, перед началом основного текста
Литература	ОР РНБ, СПбДА, № 1484. Дополнительный каталог рукописей Санкт-Петербургской духовной академии, составленный и введенный с 1877 г., л. 283

Еще одна рукопись, привезенная Ашиновым из Эфиопии, ныне хранится в РГАДА (Российский государственный архив древних актов) в Москве. Ее получил от Н.И. Ашинова князь В.А. Долгорукий, московский генерал-губернатор, который затем передал ее в дар архиву. Рукопись была подробно описана М. Никольским в 1887 г.¹⁷ [Бакаева 2000: 5]. Следовательно, она должна была поступить в Архивную библиотеку не позднее этого срока¹⁸ и могла быть привезена Н.И. Ашиновым из первой или второй его поездки в Эфиопию.

Описание прилагается к рукописи, которая доступна исследователям в микрофильмированной копии. Ниже приведено ее неполное описание, со-

¹⁷ Закончено 30 января 1887 г. и приложено к рукописи.

¹⁸ По поводу поступления рукописи в Архивную библиотеку в описании М. Никольского упоминается «дело о пожертвовании Архивной библиотеке в 1888 г.». Автору этих строк не удалось изучить этот документ.

ставленное на основе описания М. Никольского и по возможности дополненное автором этих строк на основе просмотра микрофильма¹⁹.

Таблица 3

Шифр	Фонд 181, № 1602
Тип рукописи	Кодекс
Датировка	XVII–XVIII в.
Основной текст	Чудеса архангела Михаила и проповеди на праздники архангела Михаила
Пишущий материал	Пергамен
Количество листов	94 (из них 2 чистые — один в начале, один в конце) ¹
Размер переплета	Ок. 7,5 д. длины × 7 д. ширины
Переплет	Деревянный, сохранилась только верхняя крышка
Разлиновка	Да
Количество строк	16–17
Количество колонок	2
Почерк	Различный: л. 1–34, 75–76 — мелкий и аккуратный; л. 34 — позднейшая вставка; л. 35–73 — почерк крупный; л. 77–92 — смена писца
Комментарии к тексту	Рукопись представляет собой сборник текстов (полностью и фрагментарно), посвященных архангелу Михаилу
Язык	Гезз
Миниатюры и художественное оформление	Нет
Нотация	Нет
История поступления	Привезена Н.И. Ашиновым из первой или второй экспедиции в Эфиопию и преподнесена в дар князю В.А. Долгорукому, московскому генерал-губернатору, который затем передал ее в Архивную библиотеку (не позднее января 1887 г.). Ныне хранится в РГАДА. Доступна в микрофильмированной копии
Колофон	Нет
Содержание	
Л. 1–9 об.	Поучения на праздник архангела Михаила
Л. 10–18 об.	Поучения на праздник св. отца Дмитрия, епископа Александрийского
Л. 19–34, стлб. 1	Чудеса архангела Михаила
Л. 34, стлб. 2–34 об.	I Соборное послание Иоанна Богослова (1.1–7)
Л. 35–46	Чудеса архангела Михаила и других ангелов
Л. 46 об. — 63	Поучение на 12 хэдара патриарха Антиохийского (имя не указано)

¹⁹ Неполнота описания обусловлена тем, что рукопись была выдана автору этих строк в микрофильмированной копии.

Л. 63 об. — 72	Поучение на 12 нэхасе патриарха Антиохийского (имя не указано)
Л. 74–91 об.	Поучение св. Иакова Серугского на святую Субботу
Приписки	Л. 72 об. — 73: Поучение на праздник архангела Михаила (фрагмент — конец). Л. 73 об., стлб. 2: Поучение на праздник архангела Михаила (фрагмент). Л. 92: Поучение (фрагмент)
Литература	<i>Балакаева И.А.</i> Эфиопские рукописи в РГАДА // Христианство на Африканском Роге. Материалы конференции (ГМВ, 21–22 марта 2000 г.), М., 2000. С. 5

Примечание

¹ Количество листов, указанное И.А. Балакаевой, — 101 [Бакаева 2000: 5].

В заключение хотелось бы добавить, что в случае успешной реализации планов Н.И. Ашинова Россия, обладавшая в то время сильным морским флотом, приобрела бы важный опорный пункт на Африканском континенте. Именно к этому стремился он и люди, сопровождавшие его в далеких и опасных путешествиях. В наследство от ашиновской миссии Россия приобрела пять эфиопских рукописей. Три из них привез Н.И. Ашинов, одна попала в Москву и две — в Петербург. Две бережно хранил до самой смерти архимандрит отец Паисий. Они также остались в Петербурге.

Нельзя сказать, что все старания Н.И. Ашинова и архимандрита Паисия были напрасны. Их экспедиции легли в основу дальнейшего сближения двух стран. Официальные российско-эфиопские дипломатические связи были установлены уже в 1898 г. Дело, которое не удалось довести до конца Н.И. Ашинову, продолжили его последователи, в частности отставной поручик Н.С. Леонтьев и другие российские официальные и неофициальные лица, дипломаты, врачи и церковные деятели. Благодаря их стараниям петербургские коллекции пополнились значительным числом ценных эфиопских рукописных книг, и сегодня в Петербурге хранятся крупнейшие в стране собрания эфиопского рукописного наследия.

Библиография

Архимандрит Тихон (Затекин). Отец Паисий и русская духовная миссия в Абисинии в XIX столетии // Нижегородская старина. 2011. Вып. 27–28. С. 23–39.

Балакаева И.А. Эфиопские рукописи в РГАДА // Христианство на Африканском Роге: Мат-лы конф. (ГМВ, 21–22 марта 2000 г.). М., 2000. С. 5.

Болотов В. В. Несколько страниц из Церковной истории Эфиопии. II: Богословские споры в Эфиопской Церкви // Христианское чтение. СПб., 1888. № 7–8, 11–12. С. 21–111 (30–61, 774–832).

Журнал Совета СПБДА от 30 октября 1906 г. // Христианское чтение. 1907. Апрель.

Никольский Б.В. Дневник 1896–1918. СПб., 2015. Т. 1–2.

Опись предметам, имеющим преимущественно художественное значение (сюда не входят предметы, составляющие специально собрание Китайской галереи). СПб., 1884.

Панаев В.А. Воспоминания // Русская старина. 1906. Ноябрь С. 397–442.

Платонов В.М. Эфиопские рукописи в собраниях Санкт-Петербурга: Каталог. СПб., 1996.

Родосский А.С. Описание 432-х рукописей, принадлежащих С.-Петербургской Духовной Академии и составляющих ее первое по времени собрание. СПб., 1893.

Родосский А.С. Рукописи и Церковно-славянские книги, поступившие в академическую библиотеку в 1905 и 1906 годах (к Отчету по Библиотеке) // Христианское чтение. 1907. Июль. Приложение. С. 146–152.

Тураев Б.А. Эфиопские рукописи Гатчинского дворца // ЗВОИРАО. СПб., 1900. Т. 13. С. 1–7.

Тураев Б.А. Новые собрания эфиопских рукописей в Петербурге // Журнал Министерства народного просвещения, 1905. № 4, отд. 4. Современная Летопись. С. 15–27.

Тураев Б.А. Эфиопские рукописи в С.-Петербурге // Записки Восточного отделения Императорского Русского археологического общества. Т. XVII. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1906. С. 115–248. (Памятники эфиопской письменности, III).

Хренков А.В. Россия и Эфиопия: развитие двусторонних связей (от первых контактов до 1917 г.) М., 1992.

Bute J.P. Cr-S. Coptic Morning Service for the Lord's Day. L., 1882.

Gusarova E. Ethiopian Manuscripts in the State and Private Collections of St. Petersburg: An Overview // Aethiopia: International Journal of Ethiopian and Eritrean Studies. 2015. No. 18. P. 109–127.

РАЗДЕЛ II. КУНСТКАМЕРА: КОЛЛЕКЦИИ И ХРАНИТЕЛИ

Я.В. Васильков

ОБ ИНДИЙСКИХ «ШТИГЛИЦЕВСКИХ» КОЛЛЕКЦИЯХ МАЭ РАН И ОБ ИХ СОБИРАТЕЛЕ

В 1879–1881 гг. в Петербурге, в Соляном городке шло строительство здания для основанного известным российским промышленником, банкиром и меценатом Александром Людвиговичем Штиглицем Центрального училища технического рисования. Параллельно с этим доверенные лица мецената развернули скупку отдельных изделий и целых коллекций предметов декоративно-прикладного искусства различных стран и эпох. Перед своей смертью в 1881 г. А.Л. Штиглиц пожертвовал огромные суммы на приобретение новых коллекций и на строительство специального здания для музея, в котором они могли бы быть экспонированы. Главными исполнителями воли мецената были его приемная дочь Н.М. Половцова (попечительница училища) и зять — сенатор Александр Александрович Половцов [Житенёва 2004]. Благодаря их усилиям, а также дарениям со стороны богатых коллекционеров к началу XX в. музей обладал исключительно богатым собранием, одинаково ценным в научном и художественном отношении [Моисеева 1995: 153–157].

В первые годы после революции национализированный музей из-за небрежения властей и самого скудного финансирования оказался на краю гибели. Время от времени возникала угроза распродажи или расхищения собрания (см.: [Серебряков 1989; Моисеева 1995: 160; Каганович 2006: 163–164]). В этих условиях последний директор музея Э.К. Кверфельд (1877–1949) считал единственной возможностью спасения коллекций передачу их в более надежные хранилища. В июле 1922 г. была достигнута предварительная договоренность о передаче ряда коллекций, в том числе индийских, Музею антропологии и этнографии Академии наук. Но реально передача индийской коллекции

состоялась только 30 июля 1925 г., когда бывший Музей барона Штиглица именовался уже Первым филиалом Государственного Эрмитажа¹. Акт о передаче (АГЭ. Ф. 1. Оп. IX. Д. 4. № 107. Л. 3) подписали от Эрмитажа Э.К. Кверфельд и Э.Х. Вестфален, а от МАЭ — С.М. Дудин и А.М. Мерварт. К акту был приложен список предметов (582 ед.), «в котором они лишь перечислялись с инвентарными номерами музея Штиглица» [Моисеева 1995: 161].

Т.М. Моисеевой удалось отчасти прояснить вопрос о том, откуда собрание изделий индийского прикладного искусства попало в Музей барона Штиглица. В Архиве Государственного Эрмитажа (АГЭ) хранится ряд документов (Ф. 1. Оп. IX. Д. 4. № 110), позволивших сделать вывод, что индийские вещи были отправлены морем в 17 ящиках из Южно-Кенсингтонского музея прикладного искусства (далее — ЮКМ) в Лондоне 23 июня 1883 г. и поступили 7 июля того же года в Музей Штиглица. Обошлась покупка в 500 фунтов стерлингов, инициатором и организатором ее был А.А. Половцов².

В МАЭ индийские вещи из «штиглицевского» собрания составили пять тематических коллекций (№ 3166–3170). Проблемой при работе с ними было отсутствие описи. Не только в русском списке, приложенном к акту передачи, но и в английском списке предметов, отправленных из Лондона³, простой перечень вещей лишен каких-либо пояснений. Неизвестно было, где, когда, в каком регионе Индии созданы эти изделия, когда, как, где и с какой целью это собрание формировалось, когда и откуда вещи прибыли в лондонский ЮКМ. Описи «штиглицевских» коллекций, над которыми, по некоторым данным, работали в 1920-х годах супруги А.М. и Л.А. Мерварты, пропали после их ареста по «делу Академии наук» (1929–1930 гг.).

Отсутствие информации о происхождении «штиглицевских» коллекций и отдельных вещей существенно осложняло работу с ними сотрудников отдела Южной и Юго-Западной Азии. К началу XXI в. стало очевидным, что дальнейшее продвижение в деле изучения коллекций 3166–3170 невозможно без обращения к архиву лондонского Музея Виктории и Альберта (МВиА), как с 1899 г. стал называться ЮКМ.

Автору настоящей статьи в ходе командировки в Великобританию в 2006 г. удалось обнаружить в архиве МВиА документы, которые дали практически исчерпывающий ответ на вопрос о происхождении наших коллекций. Выяснилось и имя их собирателя. Это был Каспар Пэрдон Кларк (*Caspar Purdon Clarke*) — молодой архитектор и знаток восточного искусства, с 1867 г. работавший в ЮКМ (рис. 1). По заданиям музея он совершил в 1876 г. закупочные поездки в Турцию, Сирию и Грецию. Широкую известность принес ему построенный им по заказу правительства Британской Индии индийский павильон на Всемирной выставке 1878 г. в Париже.

¹ Однако и под этим названием музей просуществовал недолго. 18 июня 1930 г. он был окончательно закрыт и здание его в Соляном переулке передано Сельскохозяйственному музею.

² В это время уже государственный секретарь (т.е. секретарь Государственного совета) и параллельно статс-секретарь императора Александра III.

³ List of objects for Industrial Museum, St. Petersburg // АГЭ. Ф. 1. Оп. IX. Д. 4. Л. 63–76.

Когда Британский музей в начале 1880 г. передал свои индийские коллекции в ЮКМ, именно К.П. Кларку была поручена реорганизация всего отдела Индии. Довольно скоро он выявил значительные лакуны в экспозиции и фондах отдела, о чем поставил в известность руководство музея. В апреле 1880 г. Департамент наук и искусств, в ведении которого находился ЮКМ, постановил, что музей нуждается в расширении и упорядочении индийских коллекций. Решено было послать К.П. Кларка в Индию для закупки предметов декоративно-прикладного искусства и для ознакомления с деятельностью местных художественных школ. Тогдашний директор ЮКМ Фрэнсис Ф.К. Оуэн (см. о нем: [Wood 2004]) снабдил его подробными инструкциями, предполагавшими объезд практически всего субконтинента при особом внимании к известным центрам

производства художественных изделий из металла (Мадрас, Бенарес, Дели, Морадабад, Амритсар, Кашмир, Хайдерабад и Пурнеа), резьбы по дереву (Сурат, Ахмедабад и др.; в Бомбее и Гоа рекомендовалось искать образцы старинной мебели), производства керамики (Мадрас, Синд, Мултан, Пешавар и Кашмир), ткачества (Мадрас, Масалипатан, Джайпур, Лакхнау и Дели, Синд, Кашмир, Мирзапур, Джаббалпур, Танджор, Бангалор, Варангал и др.). Перемещения К.П. Кларка по Индии были расписаны помесечно на срок от ноября 1880 по апрель 1881 г. (в реальности экспедиция длилась намного дольше). У государственного секретаря по делам Индии были взяты рекомендательные письма к вице-королю с просьбой оказывать К.П. Кларку всемерное содействие, а для того чтобы он выглядел более представительным в глазах начальства на местах, для К.П. Кларка испросили право носить дипломатический мундир второго секретаря посольства.

Судя по документам, какую-то часть изделий К. Пэрдон Кларк покупал в двух экземплярах. Один из них он помечал номером под шифром S.K.M. (т.е. South Kensington Museum, ЮКМ), а другой — под шифром P.M.R. Для индологов МАЭ РАН долгое время оставалось загадкой, какую именно прежнюю коллекцию мог обозначать этот шифр, сохранившийся на многих вещах наших «штиглицевских» коллекций. Документы в архиве МВиА (папка N.F., S.F., № 48, Pt. II: Agendas of Purchases) прямо указывают: этот шифр относился к «русской коллекции» (*Russian collection*) и обозначал буквально: *Petersburg*

Рис. 1. Каспар Пэрдон Кларк — хранитель «Индийского музея» в составе ЮКМ.

Фото из журнала «Magazine of Art»
(Т. XV. 1891–1892)

Museum, Russia («Петербургский музей, Россия»)⁴. О том, какой именно «петербургский музей» имелся в виду, свидетельствует документ, хранящийся в АГЭ (Ф. 1. Оп. IX. Д. 4. Л. 63–76). Это краткая опись предметов, отправленных из Лондона 27 июня 1883 г. В этой описи место назначения определено как *Industrial Museum* в С.-Петербурге, явное сокращение от *Industrial Arts Museum* — Музей промышленного / прикладного искусства (как назывался и сам ЮКМ).

Таким образом, К.П. Кларк, вне всякого сомнения, приобретал в Индии коллекции для Музея Центрального училища технического рисования барона Штиглица, и делал он это по заданию Фрэнсиса Ф.К. Оуэна (Кэнлифф-Оуэна), поскольку предметы, помеченные шифром Р.М.Р., отправлялись морем именно на адрес директора ЮКМ. Остался не до конца разъясненным лишь один вопрос, смущавший британских коллег: почему же в Архиве МВиА нет ни одного документа, свидетельствующего об акте продажи индийских коллекций Музею Штиглица?

Объяснение этому факту подсказывает нам документ из АГЭ (Ф. 1. Оп. IX. Д. 4. Л. 61): сопроводительное письмо (накладная) на английском языке к пересылаемой из Лондона коллекции. В качестве отправителя здесь фигурирует именно Science and Art Department of the Committee of Council on Education, South Kensington, а получателем назван *Senator Polovtsoff, Industrial Museum, St. Petersburg*. Значит, продажу осуществлял не музей, а стоящая над ним организация — Департамент наук и искусств, и именно в ее архиве следует искать, если возникнет надобность, документы, подтверждающие факт купли-продажи.

Место и время изготовления каждого предмета из наших «штиглицевских» коллекций, принадлежность его к определенной локальной школе были документированы еще собирателем и прекрасно известны сотрудникам МВиА, поскольку у них хранятся точно такие же предметы с описями К.П. Кларка. Полученные в свое время от британских коллег бесценные консультации дали возможность по новому взглянуть на коллекции 3166–3170. Многие атрибуции, ранее сделанные индологами МАЭ РАН, документально подтвердились, кое-что мы смогли уточнить. Лучше представляя себе структуру коллекций, мы оказались теперь в состоянии по достоинству оценить высокую степень владения материалом и тонкий художественный вкус, которые проявил К.П. Кларк при их формировании.

Как было сказано выше, переданные из Музея Штиглица изделия индийских ремесленников составляют в фондах МАЭ РАН пять коллекций: 3166 (ткани), 3167 (изделия из металла), 3168 (керамика), 3169 (украшения) и 3170 (изделия из папье-маше, лакированного дерева, мыльного камня).

О первой из них — коллекции тканей (№ 3166) — скажем здесь очень кратко, поскольку непосредственно работала с этой огромной (267 ед. хр.) коллекцией безвременно ушедшая от нас Елена Николаевна Успенская. В свое время, перед моей командировкой в МВиА, она ознакомила меня с этим уникальным собранием индийских тканей. Здесь представлены практически все

⁴ Подробнее об этих документах см. в статье: [Васильков 2007].

главные центры текстильного производства Северной Индии. Великолепные бенаресские и делийские сари, кашмирские златотканые шали соседствуют здесь с простенькими, но бесконечно разнообразными по вариантам орнамента ковриками-келимами, вытканными по заказу К.П. Кларка заключенными одной их панджабских тюрем. Есть изделия и намного более давние по времени изготовления, как, например, шелковое покрывало, датируемое первой половиной XIX в. Точно такое же является старейшим в коллекции тканей К.П. Кларка в МВиА.

Коллекция изделий из металла (№ 3167) свидетельствует, что собиратель ставил перед собой две цели: во-первых, представить различные формы индийской металлической посуды и, во-вторых, продемонстрировать на тщательно отобранных образцах специфику наиболее известных центров по производству художественных изделий из металла в Северной и Центральной Индии. Эффектно выглядят образцы «бенаресской латуни» (г. Варанаси): покрытые сложным чеканно-гравированным орнаментом чаши, подносы, кувшины и вазы с крышками. На крышках таких ваз иногда помещается фигурка небесного музыканта — *гандхарвы*.

Гармоничностью сочетания красок, изяществом формы, совершенством и строгостью дизайна отмечены изделия в технике кашмирской художественной эмали: основания кальянов (*хукка*), чаши с крышками, узкогорлые металлические графины для воды (*сурахи*), подносы. Изделия этой кашмирской школы делятся на две разновидности: «красная эмаль» и «голубая эмаль», в зависимости от доминирования соответствующих оттенков в цветовой гамме.

Небольшим количеством предметов (чаши с крышками, подносы, графины-*сурахи*) представлена знаменитая техника *бидри*, состоящая в изготовлении одноименного темного сплава (16 долей цинка к 1 доле меди, плюс немного олова), отливке изделия, нанесении на него орнамента посредством гравировки и резьбы и инкрустирования в вырезанный узор кусочков серебряной проволоки или полосок серебра с последующей полировкой всего изделия. Помимо *бидри* из наиболее известных центров — Хайдерабада и Бидара в Центральной Индии, есть в коллекции и образцы *бидри* из Лакхнау, столицы княжества Ауд на севере. Они легко распознаются по мотиву пары рыбок — геральдической эмблеме местной правившей династии.

Великолепны имеющиеся в коллекции изделия морадабадской⁵ школы (основание *хукки*, графин-*сурахи*, чаша с крышкой, кубок, блюда, круглая коробка с крышкой и др.). При их изготовлении латунную основу изделия покрывали слоем светлого металла, затем гравировали узор, в некоторых местах оставляли светлый металл, в других обнажали латунь. Кое-где выемки заполняли черным лаком, отчего эту технику называют иногда «морадабадский лак».

Специфика коллекции керамики (№ 3168), вызывавшей прежде недоумение у специалистов МАЭ РАН сочетанием традиционных форм с неожиданными и разнообразными инновациями, получила на основе документов, имеющихся в МВиА, исчерпывающее объяснение. Как оказалось, все пред-

⁵ Город Морадабад, ныне в штате Уттар Прадеш.

меты этой коллекции были приобретены К.П. Кларком в Бомбейской школе искусств и изготовлены в ее мастерских⁶. Основанная в 1857 г. школа имела целью противодействовать вымиранию традиционных художественных ремесел в Индии. К числу уже почти исчезнувших традиций относилось изготовление керамики с бело-голубой подглазурной росписью, которым славились области с преобладающим мусульманским населением, прежде всего на северо-западе страны. В 1872 г. школа приобрела специальную печь для обжига, затем из провинции Синд был приглашен мастер Нур Мухаммад, владевший секретами глазури. Ученики сначала в основном воспроизводили традиционные синдские формы посуды, но затем перешли к экспериментированию, опираясь на опыт зарубежных керамических традиций и собственную творческую фантазию. Сыграло определенную роль и то, что с 1872 по 1885 г. учащиеся школы, выполняя ответственное правительственное задание, копировали на холст знаменитые фрески буддийских пещер Аджанты⁷ близ Аурангабада.

Выдающийся русский индолог И.П. Минаев, посетивший Аджанту в 1880 г., застал их здесь за работой [Минаев 1955: 68]. Уникальные росписи пещер — великолепные образцы классического искусства Индии в период от II до VII в. н.э. — оказали сильное влияние на мастеров и учащихся Бомбейской школы. Довольно скоро в подглазурной росписи на изготавливаемой ими керамике стали появляться орнаменты и фигуративные изобразительные мотивы в стиле фресок Аджанты. В то же время на формы сосудов влияло знакомство учеников школы с керамическими традициями других регионов мира. В результате появились, например, оригинальные вазы «египетской формы», расписанные под глазурью в стиле классического искусства Индии. Явные творческие успехи на этом пути позволили Бомбейской школе искусств выйти со своей продукцией в начале 1880-х годов на мировой рынок под торговой маркой “Wonderland Art Pottery” — «Художественная керамика “Страна чудес”» [Stronge 1987]. Керамика Бомбейской школы искусств (и, в частности, вазы «египетской формы») пользовалась большим спросом на международных и всемирных выставках 1880 — 1890-х годов.

Нет сомнения в том, что К.П. Кларк, отбирая образцы керамики для покупки, осознанно стремился показать в рамках коллекции эволюцию мастеров и учащихся от воспроизведения традиционных образцов к оригинальным авторским работам.

⁶ В памяти бомбейцев воспоминание о покупке К.П. Кларком коллекции изделий Бомбейской школы искусств для Санкт-Петербурга сохранилось в своеобразной форме: британское правительство якобы купило эти вещи для того, чтобы преподнести их в подарок императору России.

⁷ Фрески Аджанты, случайно открытые во время охоты британскими офицерами в 1819 г., впервые были полностью скопированы в 1844–1857 гг. Робертом Гиллом, но копии, отправленные в Лондон, в 1866 г. почти полностью погибли во время пожара на выставке в лондонском Хрустальном дворце. Вторично задача была возложена на учащихся Бомбейской школы искусств. Результаты их работы были представлены в издании: [Griffiths 1896]. Холсты отсылались в ЮКМ; по злой иронии судьбы значительная их часть (87 из 125) тоже погибла в пожаре [Ibid.: 3].

Коллекция украшений (№ 3169) содержит некоторое количество дорогих изделий из благородных металлов, созданных высокопрофессиональными ювелирами. В их числе выделяется золотой браслет из Южной Индии, половины которого соединены фигурным замком в виде «полного сосуда» (*пурна кумбха*) — символа долголетия и изобилия, его фланкируют головы двух мифических чудовищ (*макара*) с разверстыми пастьми, а за каждой из голов на соответствующей стороне изделия изображены еще восемь стилизованных голов чудовищ, как бы поглощающих одно другого (меньшее — большего). Этот маленький шедевр экспонировался на совместной с Эрмитажем выставке двух предметов «Разделенная коллекция», посвященной памяти А. Л. Штиглица (см.: [Васильков 2006]). Но не меньшее впечатление производит порой дизайн изделий, сделанных из самого простого материала (латунь, бронза или медь в виде металлических полосок или проволоки) и предназначенных для рядового потребителя.

Небольшая (31 предмет) коллекция 3170 разнородна по составу. Часть ее образуют изделия из камня: образцы кашмирской резьбы по мыльному камню (чернильница с крышкой, коробки, блюда) и мраморное блюдо из Агры, инкрустированное полудрагоценными камнями в технике *pietra dura*, использованию которой местные мастера в XVII в., при Шах Джахане, научились по итальянским образцам. В коллекцию входит также набор миниатюрных деревянных коробочек, круглых, с плоскими крышками, сплошь покрытых, снаружи и внутри, многоцветной и разнообразной росписью из растительных и геометрических мотивов, поверх которой нанесен лак. Есть отдельный набор из 11 деревянных коробочек с конусообразными крышками, расписанных и лакированных, различающихся размерами и вставляющихся одна в другую по принципу «матрешки» (№ 3170-29). Такой же «матрешечный» набор коробок из папье-маше, расписанных и лакированных (№ 3170-30), экспонируется в зале Индии. Бесспорным украшением коллекции являются *каламданы* — традиционные лакированные мусульманские пеналы из папье-маше, состоящие из двух частей (основы и футляра), сплошь покрытых разнообразной многоцветной высокохудожественной росписью в персидском стиле⁸.

Анализируя наши «штиглицевские» коллекции мы убеждаемся в том, что, отбирая предметы для каждой из них, молодой еще в те годы собиратель Каспар Пэрдон Кларк, безусловно, проявил широту своей эрудиции, талант исследователя и безупречный художественный вкус. Еще больше оснований придти к такому выводу было у дирекции ЮКМ, куда К. Пэрдон Кларк отправил из Индии 300 ящиков, содержащих более 3000 предметов, в том числе ювелирные изделия, дорогие ткани, рукописи, образцы скульптуры, художе-

⁸ К коллекции, собранной К.П. Кларком, позднее был добавлен предмет, приобретенный во Франции, вероятно, самим А.А. Половцевым или его сыном: ларец с пятью ящиками, в основе своей из тикового дерева, но весь покрытый обкладками из черного дерева и резной слоновой кости (№ 3170-3). Время его изготовления — XVII в. Это один из старейших экспонатов МАЭ РАН. Ларец, изготовленный на Шри Ланке (Цейлон), демонстрирует характерные черты так называемого «индо-португальского» стиля: форма изделия характерна для Европы, но сложный декор из вьющихся растений, в который заключены фигурки мифологических существ, птиц и мелких животных, издавна использовался в работах местных сингалских мастеров.

ственной миниатюры, например серию иллюстраций к «Хамза-намэ» — книге легендарных рассказов о приключениях Хамзы, дяди пророка Мухаммеда. Эти рисунки были созданы придворными художниками непосредственно для могольского императора Акбара в XVI в.

Неудивительно, что после возвращения из Индии карьера К.П. Кларка неуклонно пошла вверх. В 1883 г. он становится кавалером Ордена Индийской империи и хранителем «Индийского музея» в составе ЮКМ. В 1892 г. он уже хранитель всех художественных коллекций ЮКМ, а еще через год — заместитель директора музея. Наконец, в 1896 г. К.П. Кларк занимает должность директора ЮКМ, который в 1899 г. переименован в Музей Виктории и Альберта (рис. 2). Он выступает в роли уполномоченного британской короны на Всемирных выставках в Париже (1900) и в Сент-Луисе (США, 1904). Возведен в рыцарское достоинство в 1902 г.

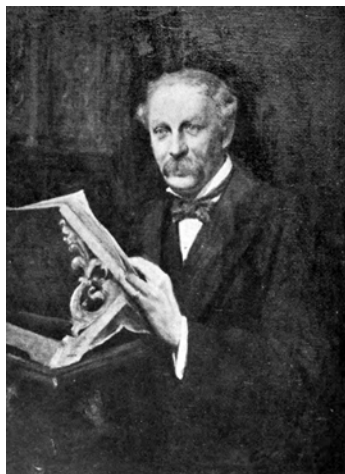

Рис. 2. Каспар Пэрдон Кларк — директор МВиА.
С портрета работы
С.Л. Бёрнса
(по книге: [Lain 1905])

Вскоре после того, как в 1904 г. умер первый президент и директор музея Метрополитен в Нью-Йорке генерал Луиджи Пальма ди Чеснола, известный американский миллионер и любитель искусства Дж.П. Морган, став президентом «Мета», обратился к К. Пэрдону Кларку с просьбой взять на себя руководство музеем. В 1905 г. Кларк оставил пост директора МВиА и возглавил американский музей (рис. 3). Перед ним стояла четко сформулированная задача: поднять Метрополитен до уровня одного из лучших музеев в мире, каковым, по общему признанию, уже стал под его руководством МВиА [Lane 1905: 26–27; 28]. Его переезд в США не был мотивирован материальными интересами: годовое жалование в \$ 15 000 для директора крупнейшего в Новом свете музея было скромным. К.П. Кларка привлекало другое: возможность использовать гигантские суммы, предоставляемые американскими меценатами, для того, чтобы превратить Метрополитен в крупнейший просветительский, образовательный центр и через него распространять высшие ценности мировой культуры по всей Северной Америке. И в этом он достиг успеха [McBean 1911: 118–119]. Ему удалось привлечь массы посетителей в музей, в период директорства Л.П. ди Чеснолы постепенно утративший популярность. Он значительно увеличил фонды, наряду с залами классической живописи и скульптуры открыл экспозиции прикладного искусства Запада и Востока, организовал Школу прикладного дизайна, в которой преподавал сам. К.П. Кларк впервые привлек внимание меценатов к творчеству американских художников, которое прежним директором игнорировалось [Sir Caspar Purdon Clarke 1911].

К.П. Кларк добивался того, чтобы вход в Метрополитен был бесплатным, открытым для всех, а отсутствие доходов музею компенсировали бы спонсоры [Clarke 1906]. Не знаю, успел ли он добиться осуществления и этой мечты:

Рис. 3. Каспар Пэрдон Кларк — директор Музея Метрополитен в своем кабинете.

Фото Ч. Бэйлларда (The Miriam and Ira D. Wallach Division of Art, Prints and Photographs: Print Collection, The New York Public Library. "Caspar Purdon Clarke".

The New York Public Library Digital Collections.

<<http://digitalcollections.nypl.org/items/510d47df-2b09-a3d9-e040-e00a18064a99>>)

в 1909 г. болезнь вынудила его уехать на лечение в Англию, а в 1910 г. подать в отставку. 28 марта 1911 г. Каспар Пэрдон Кларк скончался в Лондоне.

При его назначении директором Метрополитен популярный в США британский издатель, антиквар и коллекционер Джон Лэйн рассказывал о нем американским читателям: «Он способен быть экспертом в области древностей, оставаясь при этом в курсе всего хорошего, что есть в современном искусстве. Я не помню ничего более захватывающего, чем описания им всех этапов процесса изготовления, скажем, керамики, эмали или какой-нибудь восточной ткани, древней или современной. Казалось, он знает, как сделано все на свете. Он словно соединял в себе химика, ученого-искусствоведа, художника, ремесленника, антиквара, археолога и алхимика. У него было чутье, позволявшее ему в один миг и определить подлинность старинной вещи, и оценить ее красоту. <...> Это редкое сочетание делало его одним из величайших экспертов в Европе» [Lane 1905: 5–6].

Неудивительно, что коллекции индийского прикладного искусства, поступившие в МАЭ из бывшего Музея при Центральном училище технического рисования барона Штиглица, составлены с таким знанием традиционной культуры и с таким тонким вкусом. Теперь мы знаем, что собирателем их был один из лучших искусствоведов-этнографов и музейщиков своего времени.

Сокращения

АГЭ — Архив Государственного Эрмитажа.

МВиА — Музей Виктории и Альберта.

ЮКМ — Южно-Кенсингтонский музей.

Библиография

Васильков Я.В. Индия // Александр Людвигович Штиглиц / Программа «Служение Отечеству: забытые имена». СПб.: Центр национальной славы России, 2006. С. 8–9. (Буклет выставки «Разделенная коллекция: Китай и Индия. Гос. Эрмитаж — МАЭ РАН — Музей прикладного искусства СПбХПА»).

Васильков Я.В. О происхождении индийского собрания, переданного в МАЭ из I филиала Гос. Эрмитажа (б. Музея Центрального училища технического рисования барона Штиглица) // Радловский сборник. Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2006 г. СПб.: МАЭ РАН, 2007. С. 27–32.

Житенёва Н.В. Петербургские меценаты. СПб.: Папирус, 2004. 126 с.

Каганович Б.С. Сергей Федорович Ольденбург: Опыт биографии. СПб.: Феникс, 2006. 249 с.

Минаев И.П. Дневники путешествий в Индию и Бирму. 1880 и 1885–1886. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1955. 250 с.

Моисеева Т.М. Этнографические коллекции Музея Центрального училища технического рисования барона Штиглица // Кунсткамера. Этнографические тетради. Вып. 8–9. СПб., 1995. С. 153–162.

Серебряков И.Д. Без ответа // Огонек. 1989. № 19, май. С. 18–19.

Clarke C. P., Sir. Abolish Fees at Art Museums // Brush and Pencil. 1906. Vol. 18. No. 5. P. 192–193.

Griffiths J. The Paintings in the Buddhist Cave-Temples of Ajanta. L., 1896.

Konody P.G. Clarke, Sir Caspar Purdon // Oxford Dictionary of National Biography / Ed. by H.C.G. Matthew and Brian Harrison. Vol. 11. Oxford: OUP, 2004. P. 850–51.

Lane J. Sir Caspar Purdon Clarke, Kt. A Personal Note. N.Y.: Office of the International Studio, MCMV (1905).

MacBean E. In Memoriam. Sir Caspar Purdon Clarke, W.M., 1899–1900 // Ars Quatuor Coronatorum. 1911. Vol. 24. P. 118–123.

Sir Caspar Purdon Clarke. (Obituary) // American Art News. 1911. Vol. 9. No. 25. Apr. 11. P. 4.

Stronge S. Wonderland // Ceramics. The international Journal of Ceramics and Glass. 1987. Issue V. P. 48–53.

Wood H.T. Owen, Sir Francis Philip Cunliffe // Oxford Dictionary of National Biography / Ed. by H.C.G. Matthew and Brian Harrison. Vol. 42. Oxford: OUP, 2004. P. 196–97.

И.Ю. Котин

А.М. МЕРВАРТ — СОЗДАТЕЛЬ И ХРАНИТЕЛЬ ИНДИЙСКОГО ОТДЕЛА МАЭ, АВТОР ПЕРВОГО ПУТЕВОДИТЕЛЯ ПО ИНДИЙСКОЙ ЭКСПОЗИЦИИ

А.М. Мерварт был создателем индийской экспозиции МАЭ и первым научным хранителем индийского отдела музея, а также создателем первого путеводителя по экспозиции отдела Индии МАЭ. Вместе с супругой Л.А. Мерварт он совершил длительную экспедицию на Цейлон и в Индию (1914–1918), сборы которой составили значительную часть индийской экспозиции МАЭ.

Густав Герман Христиан Мерварт (1884–1932), после принятия православия и российского подданства взявший имя Александр Михайлович, родился в г. Мангейме в Германии, обучался в Гейдельбергском университете (1902–1907), сначала на юридическом, а затем на историко-филологическом отделении, защитил в Гейдельберге докторскую диссертацию на соискание ученой степени доктора философии и вскоре после этого приехал работать в Россию, где надеялся продолжить научную карьеру. Некоторое время он давал частные уроки, а затем устроился преподавателем немецкого и английского языков в частную гимназию «Притчард» в Санкт-Петербурге. В 1911 г. он сдал экзамены на должность преподавателя немецкого языка в гимназии Ягдфельда, а в 1912 г. принял российское подданство. К тому времени А.М. Мерварт уже был обручен с Людмилой Александровной Левиной, также преподававшей в этой гимназии, которая вскоре стала его супругой и настояла на принятии Г.Х. Мервартом российского подданства. О Людмиле Александровне Левиной (Мерварт), супруге и коллеге Г.Х. Мерварта, писали Н.Г. Краснодембская [Краснодембская 1967; 2011], Я.В. Васильков и М.Ю. Сорокина [Васильков,

Сорокина 2003], А.А. Вигасин [Вигасин 2003], Н.Ф. Алиева [Алиева 1988; 2008; 2010]. При этом очень трудно отделить жизнь и научные достижения Г.Х. (А.М.) и Л.А. Мервартов. Но так уж случилось, что А.М. Мерварт стал хранителем созданного ими вместе индийского отдела, а Л.А. Мерварт ненадолго возглавила индонезийский отдел МАЭ, а затем после суровых испытаний 1930–1940-х годов посвятила свою жизнь малаистике.

В 1913 г. Густав Герман Христиан, теперь чаще упоминаемый как Александр Михайлович, Мерварт поступил на службу в МАЭ, где приступил к изучению и описанию имевшихся индийских коллекций, с тем чтобы в дальнейшем самому отправиться в экспедицию для сбора коллекций для музея. Летом 1913 г. он был командирован в Берлин и Мюнхен для изучения индийских коллекций местных этнографических музеев [Соболева 2014: 77–87; 249]. В 1914–1918 гг. А.М. и Л.А. Мерварты совершили экспедицию на Цейлон и в Индию для изучения этнографии Южной Азии и сбора этнографических коллекций [Краснодембская 2009]. За время экспедиции они осуществили изучение музейных коллекций Коломбо, Галле (об этом см.: [Котин 2014; 2015]), Мадраса (современный Ченнаи), Тривандрама, Тхриссура, Калькутты, Лакхнау, Дели, Лахора, ряда других индийских городов, посетили Кочин, Мадурай, Майсур, Бангалор, Серампур, Матхуру, десятки других индийских городов, сотни деревень, в общей сложности четыре года провели на Цейлоне и в Индии, изучили ряд южноазиатских языков (сингальский, тамильский, малаялам, хинди) и огромную этнографическую литературу. В 1918 г. Мерварты вернулись в Россию, но путь до Петрограда-Ленинграда занял много лет. Лишь в 1924 г. они вернулись в МАЭ и приступили к разбору коллекций, их систематизации и экспонированию.

Путеводитель по экспозиции Индии был подготовлен А.М. Мервартом, вероятно, в 1926 г., ко времени открытия этой экспозиции и вскоре после празднования юбилея Академии наук (1925 г.). Путеводитель был опубликован в 1927 г. одновременно с кратким отчетом А.М. и Л.А. Мервартов об экспедиции на Цейлон и в Индию [Мерварт А. и Л. 1927]. Все это сказалось на чрезвычайной плотности текста путеводителя, вместившего на 96 страницах огромный фактический материал. Высоко оценил труд А.М. Мерварта индолог, историк индологии и исследователь российско-индийских отношений А.А. Вигасин. Он, в частности, писал: «Путеводитель по индийскому отделу МАЭ... был не простым описанием вещей: Александр Михайлович с полным основанием сопровождал его подзаголовком “Краткий очерк индийской культуры по материалам отдела Индии МАЭ”. Это было действительно введение в изучение индийского быта, составленное человеком, знавшим Индию “изнутри”, по личным наблюдениям. Как свидетельство очевидца и знатока, брошюра сохраняет свое значение и поныне» [Вигасин 2003]. От себя отметим, что написанная в 1926–1927 гг. работа по-прежнему читается легко. Ее язык не устарел, не перегружен научными терминами и словами из индийских языков, хотя текст и не лишен их. Автору и его помощникам — Л.А. Мерварт и Т.А. Корвин-Круковской — удалось добиться чрезвычайной легкости изложения при точности деталей и широте охвата. Книга читается как захватывающий тревелог, повествующий о далекой и загадочной стране. При

этом в книге дается огромный фактический материал, описываются тысячи местных реалий, некоторые из которых уже ушли из области быта в стены музеев и на страницы монографий. Но значительная часть реалий, описанных А.М. Мервартом, характерна и для современной Индии.

В статье сделана попытка прочесть текст Мерварта, вооружившись знанием современной экспозиции индийского зала МАЭ РАН, во многом сохранившей структуру первой индийской экспозиции 1926 г., маршрута Мервартов, по следам которых участники экспедиции МАЭ (И.Ю. Котин, Е.С. Соболева) совершили поездку в 2013 и 2014 гг., экспозиций значительной части индийских музеев, изученных Мервартами в Индии. Привлечены также материалы архива Санкт-Петербургского филиала Архива РАН (СПбФ АРАН)¹.

В Санкт-Петербургском филиале Архива РАН хранится ряд документов, связанных с жизнью и деятельностью А.М. Мерварта. В частности, здесь есть письмо А.М. Мерварта в Издательскую комиссию Ленинградского института живых восточных языков (датируется 1925 г.), в котором говорится о работе Александра Михайловича над монографией, посвященной географии и этнографии Индии. Приведем интересующий нас документ полностью:

«В настоящее время я занят приготовлением к печати книги под заглавием “Индия — страна и люди”. Эта работа, рассчитанная приблизительно на 12 печатных листов, должна служить, с одной стороны, пособием для студентов нашего Института, с другой стороны, предназначена для широкого круга читателей, интересующихся современной Индией. План этой книги вкратце следующий:

1. Введение “Индия и мы”. Краткое изложение отношений Европейского общества к Индии и к индийским проблемам в разные периоды истории.

2. География Индии: геологическая история, границы, географические и экономические области.

3. Климат: чередование муссонов, распределение дождевых осадков, засушливые и дождливые области, система орошения, температура, влияние климата на типы населения и их характерные особенности.

4. Производительные силы: а) растительный и животный мир, распределение разных культур; б) минеральные богатства и их использование.

5. Пути сообщения и товарообмена: а) естественные; б) искусственные. Главные центры индийской экономической жизни.

6. Население: а) распределение населения; б) типы населения (антропо-географический и антропологический очерк).

7. Языки. Их распределение и взаимоотношение. Структура трех главных семейств индийских языков, их относительная роль в культурной жизни страны. Языковая проблема в современной Индии.

8. Материальная культура: а) деление населения Индии на экономические группы охотников, скотоводов, земледельцев, ремесленников, интеллигенцию и пролетариат; б) материальный быт каждой группы; в) жилище и общественное управление. Одежда. Оружие и орудия; г) народное искусство. Художественные ремесла.

¹ Материал любезно предоставлен Е.С. Соболевой.

9. Культурная жизнь. Тесная связь между религиозными представлениями и экономическим бытом. Комплексы религиозных представлений и обрядов у охотничьих племен, у скотоводов и земледельцев. Развитие индуизма среди интеллигенции под влиянием браминов. Роль браминских религиозных представлений в религии народных масс. Взаимное воздействие исконных (дравидийских) и арийских верований. Роль ислама. Антагонизм между магометанами и индусами. Скептицизм, агностицизм и материализм у современной индийской интеллигенции. Сектантство.

10. Общественный строй: а) типы семейного строя. Дравидийский матриархат. Арийский патриархат; б) социальный строй племен. Тотемизм; в) структура деревенской общины; г) каста, основывающаяся преимущественно на экономических (цеховых) началах и находящая поддержку в антропологических различиях, с одной стороны, религиозных воззрениях, с другой стороны. Виды каст. Каста как элемент, разъединяющий индийское население. Пути к преодолению кастовой розни.

После каждой главы будет дана краткая сводка главных фактов, дат, и статистических данных по возможности в форме диаграмм, что, по моему мнению, значительно облегчит усвоение материалов.

Книгу необходимо снабдить рядом карт и, если это возможно, иллюстрациями. Для последних имеется богатый материал, собранный автором в течение четырехлетней экспедиции в Индию. Материалом для работы в значительной мере служат наблюдения, сделанные автором на месте.

Рукопись может быть представлена не позже 1 января 1927 г.» [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (1925). Ед. хр. 4. Л. 19–19 об.].

В 1925 г. А.М. Мерварт пишет главному редактору Ленинградского отдела Государственного издательства и предлагает издать похожую (или эту же, но большего объема книгу).

«Многоуважаемый тов. Беленко,

Ссылаясь на наши переговоры от 28 января с.г. относительно предполагаемого издания книги об истории Индии, я, согласно Вашей просьбе, предлагаю Вам краткую схему этой книги.

Моя цель — дать интеллигентному читателю не специалисту представление об историческом развитии разных сторон современной экономической, общественной и политической жизни Индии. Принимая во внимание историческую преемственность большинства институтов индийской жизни, а также большой консерватизм, которым отличается до сих пор большинство индийского населения, необходимо проследить развитие отдельных сторон общественной жизни Индии с самых ранних периодов, известных нам по положительным источникам. С другой стороны, учитывая преобладающий интерес, который вызывает у читателя ближайший к нему период индийской истории, то есть период английского колониального владычества, я предполагаю обратить главное внимание на развитие последних 150 лет. Такая трактовка исторического материала диктуется кроме того самим количеством тех исторических фактов, которые имеются в нашем распоряжении, так как они становятся обильнее и положительнее по мере приближения к нашему времени.

В своем изложении я предполагаю несколько отступить от общепринятого способа. Проводимое во всех — кстати сказать, очень малочисленных — работах по общей индийской истории, деление на отдельные периоды разной длины разрывает изложение развития отдельных сторон индийской жизни затрудняет этим понимание их исторической причинности. При этом нужно сказать, что эти деления проводятся по разным признакам, отнюдь не относящимся ко всей совокупности исторического развития определяемого ими периода. Так, например, названия “магометанский период” и “европейский период” характеризуют лишь некоторые видоизменения в общем направлении управления, и то не во всей Индии, а лишь в части ее. Исходя из таких соображений полагаю целесообразным изложить историческое развитие экономической, общественной и политической жизни Индии по следующему плану:

1. Введение. Будет дано обоснование общего плана изложения, вытекающего из особенностей исторического развития индийской жизни.

2. Источники и литература. Ввиду того, что книга представляется для широкого круга читателей, не может быть речи об исчерпывающем перечислении и анализе разнообразных источников индийской истории. Будет дана характеристика разных типов источников — документов, надписей, свидетельств современников, описаний иностранных путешественников, литературных памятников и т.д. и их сравнительной важности для восстановления исторического процесса. Кроме того, будут указаны с краткой характеристикой наиболее важные для нашей цели исторические памятники. Тот же самый метод будет применен к литературе об истории Индии, причем, конечно, основное внимание будет обращено на работы на русском языке, которые — пока в виде отдельных статей и трудов по отдельным вопросам — стали за последние 10 лет появляться в печати.

3. Географический и экономический фактор в индийской истории. В этой главе будут изложены те географические, климатические и экономические особенности Индии, которые в сильнейшей степени определяют ход ее истории. Сюда входит, например, своеобразные условия ее ландшафта, муссонные ветра, благодаря которым известные части страны пользуются обильными дождевыми осадками, в то время как другие находятся под постоянной угрозой засухи, вытекающее отсюда неравномерное распределение населения, распределение главных источников экономической жизни, естественные пути сообщения и т.д.

4. Человеческий фактор в индийской истории. На основании антропологических и доисторических данных будет дана картина тех человеческих типов, которые населяют Индийский полуостров. Будет указано их распределение, их значение для индийской культуры, распределение языков, относительная густота населения в зависимости от климата, географических и экономических условий.

5. Главные события индийской истории. В этой главе будет дан сжатый обзор главнейших событий индийской истории, повлиявших в той или иной форме на внутреннее развитие страны. Этот обзор должен собой представить не только хронологическую канву, но дать четкое представление о причинной

связи событий индийской истории с процессом мировой истории. В частности, будет подчеркнута постоянная независимость Индии от Средней Азии и впоследствии от хода истории в Европе и Средней Азии. Также будет выявлена роль Индии в развитии окружающих ее азиатских стран.

6. Развитие экономических сил Индии: А) Земледелие. В этой главе будет дан обзор исторического развития наиболее консервативного и неподвижного экономического фактора индийской жизни — земледелия. Вопрос будет рассматриваться как с точки зрения технического развития, так и с точки зрения организации земледельческого производства. Будут разобраны в исторической последовательности разные формы крестьянской общины, крупного и мелкого индивидуального землевладения, государственного сельского хозяйства, роль земледелия в фискальном отношении — налоговая система, — меры для защиты этого наиболее важного экономического фактора от климатических случайностей — орошения, снабжение продуктами во время неурожая и т.п.

7. Развитие экономических сил Индии: Б) Ремесла и промышленность. В этой главе будет дан исторический обзор того экономического фактора, который в гораздо большей мере подвергался изменению на протяжении индийской истории — ремесел и промышленности. Переход от первобытных форм организации ремесел, обслуживающих нужды деревни и находящихся в руках небольших групп наследственных деревенских служащих к цеховому укладу городских ремесел, работающих на продажу и обслуживающих рынок определенной области. Участие государства в производстве. Развитие главных промышленности вплоть до проникновения машинно-заводского типа производства, борьба старого уклада с новым, приспособление. Возникновение новой организации производства — капитализм и пролетариат.

8. Развитие экономических сил Индии: В) Торговля. В этой главе будет дана картина развития торговых путей, обслуживавших и обслуживающих как внутреннюю, так и внешнюю торговлю, — естественные направления торговли, караванные пути и морской путь в разные эпохи, организация торговли, возникновение торговых центров — рынков в виде городов. Изменение типа городов и перенесение центра тяжести в зависимости от изменившихся форм и направления торговли. Городская жизнь в разные эпохи индийской жизни. Здесь вкратце будет указано на значение крупных экономических центров — городов или деревень.

9. Развитие общественных форм. В этой главе будет описано и анализировано деление индийского общества на классы, принявшие своеобразную и характерную для Индии форму касты. Будут выявлены экономические — уже известные из предыдущих глав — факторы, а также сопутствующие биологические и культурные элементы, из которых складывается этот довольно сложный институт. Будет указано на те изменения, которые произошли в связи с мусульманским влиянием и с проникновением европейских экономических форм, в частности, происходящий на наших глазах переход от типично индийских кастовых форм к классовым, свойственным европейскому обществу.

10. Развитие политических форм. В этой главе будет — на основе всего предыдущего материала — дан обзор развития политических форм от пле-

менного строя через феодальный образ правления, древнеиндийский абсолютизм со своеобразными формами бюрократизма, военный деспотизм ранних мусульманских падишахов, бюрократически организованный деспотизм моголов к торгово-старательскому способу управления Ост-Индской компании, просвещенному абсолютизму — бюрократизму англо-индийской администрации и, наконец, к современным робким попыткам введения парламентарного обзора правления. Одновременно с этими я попытаюсь дать в историческом аспекте представление о развитии политической мысли и ее разновидностях, в частности, за последнее столетие, когда начинает более или менее правильно функционировать орган общественной мысли — современная печать.

Заключение. На основании предлагаемого в предыдущих главах материала я попытаюсь дать синтетическую картину тех сил в их пропорциях и взаимодействии, от которых зависит дальнейшее развитие Индии.

Свое изложение считаю целесообразным снабдить картами, причем я имею в виду следующие карты: 1. Карту, показывающую выдающиеся географические особенности Индии — горные системы, речные бассейны, перевалы, имеющие торговое или стратегическое значение, распространение наиважнейших экономических продуктов. 2. Карту типов и языков. 3. Карту густоты населения с указанием количества осадков (на одной странице). 4. 4 карты, показывающие объединительные стремления Индии до прихода англичан (империя Маурия, империя Гупта, империя Харша, империя моголов). 5. Этапы создания англо-индийской империи [1767–1886 г. — зачеркнуто]. 6. Карта торговых путей до введения железных дорог и открытия Суэцкого канала. 7. Карта современных торговых путей [морских и внутренних — зачеркнуто]. 8. Распределение главных торговых центров в разные эпохи индийской истории. 9. Административная карта современной Индийской империи “независимых” государств.

Минимальный размер этой работы — 15 печатных листов по 40 000 знаков.

А. Мерварт» [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (1925). Ед. хр. 4. Л. 33].

Как мы знаем, эта публикация осуществлена не была. Но А.М. Мерварт готовит и читает в 1926–1927 гг. в Ленинградском институте живых восточных языков курс «Политическая и социальная история Индии». Курс издан не был, но в СПбФ АРАН сохранилась краткая его программа [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (1925). Ед. хр. 4. Л. 33].

Все упомянутые работы так и не увидели свет, но в 1927 г. появилась книга А.М. Мерварта «Отдел Индии: краткий очерк индийской культуры по материалам Индии», и в ней мы находим следы предпринятых ранее научных и педагогических разработок. Рассмотрим эту небольшую книгу, давно ставшую библиографической редкостью, но доступную в электронном виде в электронной библиотеке Кунсткамеры (http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_04/guide_1927/).

Итак, «Краткий очерк индийской культуры» начинается с определения географических областей Индии, типов ее населения и культур. Естественно, в 1927 г. речь шла еще о единой Британской Индии, а также многочисленных,

вассальных британской короне княжествах. Как пишет сам А.М. Мерварт, «в настоящее время мы обычно отождествляем Индию с Англо-Индийской империей и теми полунезависимыми государствами, которые находятся под защитой, или, правильнее, под зорким контролем британского правительства» [Мерварт 1927: 1]. Давая характеристику климатическим условиям Индии, А.М. Мерварт использует образные сравнения. Он пишет, сравнивая различные климатические условия удаленных уголков Индии: «С одной стороны, вечная атмосфера оранжереи на Малабаре или на западном берегу Цейлона, с другой стороны, бодрящий горный воздух Кашмирской долины, которая зимой покрывается снегом глубиной почти в 2 м» [Мерварт 1927: 2]. Столь же образно, подчеркивая контрасты, пишет автор и о населении Индии: «Индия — одна из самых густо населенных частей Земного шара. Она вмещает пятую часть человечества — 325 миллионов человек. Эта огромная человеческая масса отнюдь не однородна, наоборот, она представляет собой удивительно пеструю картину типов и культур. Разница между жителями Северо-Западной Индии и долины Кашмира и населением лесов Южной Индии столь же велика, как и разница между итальянцами и неграми. Большая часть населения Индии — результат многовекового смешения нескольких основных типов, которые сохранились в сравнительной чистоте только в немногих местах» [Мерварт 1927: 3]. Примечательно, что, говоря о культуре народов Индии, Мерварт одним из первых, если не первый, отметил огромное значение в формировании традиционной индийской культуры именно дравидийского элемента. Он отмечает: «То, что мы обыкновенно называем индийской культурой, содержит элементы исконной, или дравидийской, культуры, наряду с пришлыми, главным образом арийскими, элементами» [Мерварт 1927: 7].

После общей характеристики географии и культуры Индии Александр Михайлович переходит к описанию того, что он с гордостью называет «самым младшим из отделов музея» [Мерварт 1927: 8]. Действительно, так оно и было. Путеводитель был приурочен к открытию экспозиции — детища А.М. и Л.А. Мервартов. Даже спустя почти 90 лет со времени открытия экспозиции ее материалы составляют не менее трети индийских экспонатов музея [Альбедиль и др. 2012: 3]. А в 1927 г. подавляющее большинство предметов новой постоянной выставки музея было привезено, зарегистрировано, описано Александром Михайловичем и Людмилой Александровной Мервартами. О созданной ими экспозиции А.М. Мерварт пишет: «Коллекции разделены на две общепринятые основные группы: предметы материального быта и предметы духовной культуры. Внутри каждой группы намечено несколько отраслей. По каждой отрасли предметы распределены по большим этнографическим областям, а именно: Цейлон, Южная дравидийская Индия, Северная» [Мерварт 1927: 8].

Экспонаты отдела Индии располагались в том же зале, где сейчас находятся экспозиции Индии и Индонезии. Однако тогда в открытом хранении было больше экспонатов: почти все, что имелось по Индии, было выставлено. Зал одновременно был и кабинетом, и фондами. Свободного посещения музея не было, но организовывались многочисленные экскурсии.

Щиты I и II тогдашней экспозиции были отведены для показа индийского оружия. При этом была предпринята попытка показать эволюцию типов оружия. На первом щите была представлена гордость коллекции — «первобытное оружие» племени нага, в настоящее время хранящееся в фондах МАЭ РАН. На щите II помещались самые разнообразные виды оружия. Примечательно, что нашел место здесь и такой интересный образец комбинированного оружия, как экспонат, известный нам теперь под номером 309-157. Мерварт пишет о нем: «Своеобразное соединение пики с огнестрельным оружием достигнуто в экспонате № 20. При ударе наконечником пики производится нажим на пружину, благодаря чему спускается курок пистолета и происходит одновременно выстрел. Это оружие получено из оружейной палаты бенаресского махараджи» [Мерварт 1927: 15]. В год десятилетия Октябрьской революции не принято было вспоминать, что этот экспонат, как и многие другие образцы индийского оружия в Кунсткамере, дар музею последнего российского императора Николая II (см.: [Котин 2013: 98]).

Акцент на оружии, начиная с самого примитивного, должен был помочь экскурсоводу рассказать не только о войне, но и об охоте. Следующий большой раздел экспозиции был посвящен рыболовству и судоходству. Витрины 5–7 и щит IV были посвящены земледельческим орудиям. На них расположили разные типы земледельческих орудий, в том числе и весьма примитивные. Но А.М. Мерварт пророчески замечает: «Нужно заметить, что при всей их первобытности орудия эти прекрасно приспособлены к условиям почвы и работы, и среди них есть такие, которые свидетельствуют о большой изобретательности индийского крестьянина» [Мерварт 1927: 18]. Современные исследования почвоведов Индии показали, что современная мощная техника разрушила и погубила почву на значительной части территории Индии, в то время как простейшими плугами и бородами она тысячелетиями обрабатывалась без ущерба для древесного слоя.

Подиум А и витрина 8 были отведены культуре пальм. От этой первоначальной экспозиции сохранился куб с макетом «Сбор кокосовых орехов и обработка их плодов» на современной экспозиции. От этой витрины легко перебрасывался смысловой мостик к следующей части постоянной выставки — «Жизнь индийского крестьянина». Витрины 9–16 были объединены А.М. Мервартом под образным названием «Индус у себя дома». Здесь были витрины, посвященные индийской кухне, курению, жеванию бетеля, косметике, играм и игрушкам. Витрины 17–28 посвящались домашним ремеслам. Примечательно, что в этой связи А.М. Мерварт упоминает касту, но система обмена товаров и услуг между земледельческими и ремесленными кастами, известная сейчас как джаджмани и в 1920-е годы изучавшаяся британским социологом Мортимером Уилером, Мерварту незнакома либо не воспринималась им как значимая.

Переход от ремесел через плетение к одежде предложен А.М. Мервартом очень удачно. Нужно сказать, что и эта и многие другие экспозиционные находки сохранены и до настоящего времени. От одежды плавный переход к обуви и головным уборам, далее — к украшениям. От них рассказ на витринах 29–48 переходил к индийскому кустарному искусству, к мифологии

и обрядам (витрины 49–64, щиты VI–VII). Далее экспозиция переходила к народному театру, и здесь А.М. Мерварт имел возможность рассказать о малябарском народном театре катхакали, который он описал одним из первых [Meertwarth 1926], а также цейлонском театре и бенгальском театре марионеток. Витрины 81–88 были посвящены музыкальным инструментам Индии. Наконец, следующая витрина 89 и таблица писем — «Письму и письменным принадлежностям» [Мерварт 1927: 87]. Как видим, в общем современная экспозиция Индии (Народы Южной Азии) сохранила основные разделы первоначальной экспозиции, созданной А.М. и Л.А. Мервартами.

Отметим, что системного показа материальной и духовной культуры Индии в самой Британской Индии того времени еще не было. Отдельно выставлялись произведения искусства, например статуи индусских богов, и другая экспозиция могла быть посвящена быту и культуре племен, которая и называлась отделом антропологии, как было, например, в Индийском музее в Калькутте. Там экспозиция, кстати, созданная А.М. Мервартом, но отражавшая требования дирекции музея и специфику его коллекций, разделена на секции «Жители Никобарских островов», «Кхаси», «Онге Малых Андаманских островов», «Ченчу», «Урали», «Каниккар» [Anthropological Gallery 1959]. Получить представление о материальной и духовной культуре индийцев в целом по материалам этнографической (антропологической) коллекции калькуттского музея невозможно.

Примечательно, что почти одновременно с А.М. Мервартом работу по созданию очерка этнографии Индии вел основатель и первый директор Московского института востоковедения Андрей Евгеньевич Снесарев. А.Е. Снесарев задумал серию «Индия. Страна и народ», в рамках которой в 1926 г. вышел том «Физическая Индия», и в 1927 г. был подготовлен следующий том, увидевший свет, однако, только в 1981 г. — «Этнографическая Индия» [Снесарев 1981]. Как и А.Е. Снесарев А.М. Мерварт в 1930 г. был репрессирован, а скончался он в Ухтпечлаге в 1932 г. В 1967 г. А.М. Мерварт был посмертно реабилитирован. Многие подготовленные им научные работы пропали. Опубликованные книги и сборники с его статьями стали библиографической редкостью. Но индийская экспозиция, созданная его стараниями, в значительной степени испытывавшая реорганизацию, но сохранившая первоначальный план и многие из собранных Мервартами коллекций остается памятником выдающимся ученым, великим энтузиастам — Александру Михайловичу и Людмиле Александровне Мервартам.

В заключение хочется отметить, что опыт написания «Краткого очерка индийской культуры» А.М. Мерварта использован и в новом путеводителе по обновленной экспозиции «Индия. Индонезия» [Альбедиль и др. 2012].

Архивные материалы

Бумаги А.М. Мерварта // СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (1925). Ед. хр. 4. 33 л.

Библиография

Алиева Н.Ф. Л.А. Мерварт (1888–1965) — зачинатель индонезийской филологии в СССР // Слово об учителях: Московские востоковеды 30–60-х годов. М., 1988. С. 139–146.

Алиева Н.Ф. Людмила Александровна Мерварт. К 120-летию со дня рождения (1888–1965) // Малайско-индонезийские исследования. Т. 18. М.: Общество Нусантара, 2008. С. 13–29.

Алиева Н.Ф. О вкладе российских лингвистов в австронезийское языкознание // Российская академия наук. Общество востоковедов. Бюллетень 17. Труды межинститутской научной конференции «Востоковедные чтения — 2008». М., 2010. С. 27–53.

Альбедиль М.Ф., Кисляков В.Н., Ревуненкова Е.В. Индия. Индонезия: Путеводитель. СПб.: МАЭ РАН. 2012. 94 с.

Васильков Я.В., Сорокина М.Ю. А.М. Мерварт // Люди и судьбы: Биобиблиографический словарь востоковедов — жертв политического террора в советский период (1917–1991) / Изд. подг. Я.В. Васильков, М.Ю. Сорокина. СПб.: Петербургское востоковедение, 2003. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://memory.pvost.org/pages/mervartam.html> (дата обращения: 12.09.2013).

Вигасин А.А. Александр и Людмила Мерварт: у истоков отечественного цейлоноведения и дравидологии // Репрессированные этнографы. М., 2003. Вып. 2. С. 375–398.

Котин И.Ю. Европейский контекст коллекции индийского оружия МАЭ РАН // Европейское культурное пространство в коллекциях МАЭ. СПб.: МАЭ РАН, 2014. С. 98–116. (Сборник МАЭ. Т. LVIII).

Котин И.Ю. Пространство и время в Национальном музее Коломбо // Радловский сборник. Научные исследования и музейные проекты в 2013 г. / Отв. ред. Ю.К. Чистов. СПб.: МАЭ РАН, 2014. С. 221–227.

Котин И.Ю. По следам Мервартов: Коломбо и Галле в 1914 г. // Материалы полевых исследований МАЭ РАН. Вып. 15. СПб.: МАЭ РАН, 2015. С. 280–290.

Краснодембская Н.Г. Русские исследователи на Цейлоне // Тезисы конференции по истории, языкам и культуре Юго-Восточной Азии. Л., 1967. С. 12–13.

Краснодембская Н.Г. Петербург — Индия: об этнографической экспедиции Музея антропологии и этнографии (Кунсткамера) 1914 года // Санкт-Петербург — Индия. История и современность. СПб.: Европейский дом, 2009. С. 241–249.

Краснодембская Н.Г. Бестужевка Л.А. Мерварт и ее роль в российской индологии (история женщины и ученого) // Частное и общественное: гендерный аспект: Мат-лы Четвертой междунар. науч. конф. Российской ассоциации исследователей женской истории и Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН 20–22 октября 2011 г., Ярославль. М., 2011. Т. 1. С. 542–545.

Мерварт А.М. Отдел Индии: Краткий очерк индийской культуры по материалам Индии. Л.: Академия наук СССР, 1927. 92 с.

Мерварт А. и Л. Отчет об этнографической экспедиции в Индию в 1914–1918 гг. Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1927. 24 с.

Снесарев А.Е. Этнографическая Индия. М.: ИВЛ, 1981. 279 с.

Соболева Е.С. А. Грюнведель и становление индологии в Берлинском музее народоведения в начале XX века // Тринадцатая международная научно-практическая конференция «Рериховское наследие». Т. XIII. История изучения Азии. Новые открытия.

От Серебряного века русской культуры к современности / Отв. ред. А.А. Бондаренко, В.Л. Мельников. СПб.: Музей-институт семьи Рерихов, 2014. С. 77–87.

Соболева Е.С. Культура Южной Азии в музеях в начале XX века (по письмам Г.Х. Мерварта) // Тринадцатая международная научно-практическая конференция «Рериховское наследие». Т. XIII. История изучения Азии. Новые открытия. От Серебряного века русской культуры к современности. / Отв. ред. А.А. Бондаренко, В.Л. Мельников. СПб.: Музей-институт семьи Рерихов, 2014. С. 244–251.

Anthropological Gallery. Indian Museum. Calcutta. A Short Guide. Calcutta, 1959. 63 p.

Meerwarth A.M. Les Kathakalis du Malabar // Journal Asiatique. 1926. P. 198–284.

М.Ф. Альбедиль

ОБРАЗЫ НАРОДНЫХ ВЕРОВАНИЙ В ЮЖНОЙ ИНДИИ ПО МАТЕРИАЛАМ КОЛЛЕКЦИИ 3087

Коллекцию 3087 собрали в Индии в 1914–1918 гг. и привезли в Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН супруги А.М. и Л.А. Мерварты. Подобная экспедиция в начале XX в. была необходима. А.М. Мерварт писал: «Почти полное отсутствие в составе МАЭ АН коллекций, могущих дать представление о быте народов, населяющих Индию и составляющих почти пятую часть населения Земного шара, побудило директора МАЭ, ныне покойного акад. Василия Васильевича Радлова обратить внимание на этот пробел» [Мерварт 1927: 1].

В самом деле, в то время в России индология в основном совпадала с исследованием санскритских текстов, новые индийские языки не изучали. Этнографией современной Индии тогда практически не занимались. Индийское собрание музея было весьма скромным по объему и практически случайным по составу. Вещи поступали в основном от людей, не имевших индологической подготовки. В.В. Радлов же планировал создать полноценный отдел Индии, и в этой связи возлагал большие надежды на А.М. Мерварта, откомандированного министерством народного просвещения для занятий в музее [Вигасин 2008: 510].

Сложившаяся ситуация и обусловила задачи экспедиции: во-первых, собрать как можно больше и систематичнее этнографический материал для музея, во-вторых, изучать этнографию Индии на месте и, в-третьих, освоить современные индийские языки. Готовясь к экспедиции, А. и Л. Мерварты

сездили в Берлин и Мюнхен, где познакомились с индийскими коллекциями, выставленными в этнографических музеях этих городов [Мерварт 1927: 2].

А.М. Мерварт составил примерный маршрут путешествия, определил проблематику исследований и наметил принципы формирования музейных коллекций. В России, граничившей с Китаем, Монголией и Японией, т.е. со странами северного буддизма, традиционно проявляли интерес к преобладающим здесь школам махаяны. Но А.М. Мерварт обратил внимание на южную разновидность буддизма, тхераваду (хинаяну), распространенную на Цейлоне. Как этнографа его привлекали и малоизученные первобытные племена. Он справедливо считал, что их изучение способно пролить свет на многие проблемы классической индийской цивилизации [Вигасин 2008: 512]. Перед отправкой экспедиции состоялось совещание, на котором С.Ф. Ольденбург и Л.Я. Штернберг посоветовали А. и Л. Мервартам обратить особое внимание на дравидский юг Индии «как на область, чрезвычайно интересную с этнографической точки зрения и совершенно не затронутую в русской индологии» [Мерварт 1927].

Предполагалось, что в Индию будет предпринят целый ряд экспедиций. Первая из них должна была носить ознакомительно-ориентировочный характер и занять не более двух лет. Однако Первая мировая война 1914–1918 гг. и октябрьский переворот 1917 г. изменили планы и привели к тому, что экспедиция продолжалась почти четыре года. Но все это выяснилось позже, а пока супруги Мерварты в начале апреля 1914 г. выехали через Одессу в Коломбо. Проработав около года на Шри-Ланке, в конце января 1915 г. они отправились в Южную Индию. Следуя разработанной ими системе, они сначала отправились в Мадрас (ныне Ченнай), административный центр штата Тамилнад, чтобы определить план своей работы на основе коллекций Правительственного музея. План был составлен такой: с одной стороны, изучение городского и сельского быта тамилы и малаяльцев, в особенности народных культов, народного театра и т.п., с другой стороны, ознакомление, насколько это возможно, с рядом примитивных племен [Мерварт 1927: 7–8].

Тогда и была в Южной Индии собрана в числе других коллекция 3087, знакомящая с образцами народных культов и верований дравидского ареала страны. Научное значение этого собрания трудно переоценить. Для того времени это была первая коллекция дравидских предметов не только в России, но, пожалуй, и в мире. Дравидология, которая занимала ведущее место в научной работе А.М. Мерварта, была областью совершенно не исследованной на Западе и даже в самой Индии. Сам ученый отмечал: «Как это ни странно, СССР в настоящее время — почти единственная страна, в которой культивируется эта область индологии» [Вигасин 2008: 533]. Важность экспонатов этой коллекции состоит и в том, что она дает представление о народных верованиях и представлениях, в то время как в начале XX в., да и сейчас в большинстве случаев объектом исследования становятся в основном жреческие, брахманские традиции индуизма.

В коллекции 3087 насчитывается 63 предмета, которые числятся под 67 номерами. Коллекция поступила в МАЭ в 1924 г., когда Л. и А. Мерварты смогли наконец после тягот военного и революционного времени вернуться

в Ленинград. Собиратели сами составили опись коллекции, которую дополнил регистратор, чье имя неизвестно. Большую ценность представляет составленный А.М. Мервартом и приложенный к описи список дравидских персонажей низшей мифологии на тамильском языке, список включает в себя 36 имен. В 1972 г. сотрудница музея (тогда Института антропологии этнографии АН СССР) Б.Я. Волчок перерегистрировала коллекцию и сделала новую опись, положив в ее основу оригинальное описание А. и Л. Мервартов и снабдив его небольшими уточнениями.

Первые шесть экспонатов коллекции (№ 3087/1–6) представляют собой разные варианты человеческих фигур высотой около полуметра, показанных в молитвенной позе. Тематически к ним примыкают экспонаты № 20, изображающие фигуру ползущего ребенка, помещенную на подставку, а также экспонаты № 5, 45–49, показывающие только головы детей (туловища были утрачены при транспортировке).

Все экспонаты сделаны из необожженной разрисованной глины, довольно примитивны по внешнему облику и одеты в простые платья. Подобные фигуры ставили на крышу храмов, посвященных богине Мариамме с тем, чтобы отвлечь влияние этой грозной богини от живого человека, которому грозила смерть от ее гнева. Эти глиняные фигурки были недолговечны, часто их заменяли новыми. Они служили подношениями от лиц, жаждущих исцеления. По замечанию собирателей, фигурки коллекции были сняты с крыши храма Мариаммы около города Мадурай, одного из старейших и крупнейших религиозных центров в Тамилнаде.

Мариамма — одна из самых популярных местных богинь на дравидском юге, особенно среди тамилы. В начале XX в., когда культ Мариаммы исследовали А. и Л. Мерварты, как, впрочем, и сейчас, он был лишен конкретных стабильных черт и менялся от селения к селению, так же как и образ самой богини. И в настоящее время Мариамма встречается в разных местностях в разных ипостасях, а иногда и под разными именами. Как правило, эта богиня отличается мстительным и неумолимым характером, ее очень трудно умиротворить [Whiehead 1921: 32–33, 90]. Иногда ее относят к разряду сельских божеств, покровителей селения *грамадевата*, которые играют большую роль в сакральном ландшафте Южной Индии. Мариамма в некоторых случаях

Рис. 1. Фигура человека для символического жертвоприношения (№ 3087-1)

оказывается причастна и к «большой» индуистской традиции, поскольку ассоциируется с богинями Дургой и Парвати. Иногда считается, что в облике Мариаммы на юг Индии явилась Кали. Порой ее рассматривают как сестру Вишну или мать Парашурамы [Ibid.: 31].

Култ Мариаммы очень древний, он известен еще с доведийских времен. Вероятно, он восходит к культу местных неарийских богинь-матерей, ответственных за плодородие полей и чадородие людей и скота. Чаще всего Мариамму почитают как богиню оспы или иной страшной болезни, ее аналогом в Северной Индии является Ситаладеви. Но Мариамма причастна и к своему современному и обильному выпадению дождей, а значит, к богатому урожаю и благополучию людей.

Ее иконографию невозможно описать однозначно. В сельских святилищах ей часто поклоняются в виде обычного камня, но она изображается и в других обликах, например как молодая женщина в красных одеждах. Примечательно, что в различных процессиях и ритуалах, посвященных Мариамме, она почитается в виде сосуда. Именно так «выглядит» богиня, например, в ритуале бракосочетания Мариаммы и Шивы в округе Коимбатур в штате Тамилнад. На вершине столба из дерева определенной породы на первую половину суток устанавливают сосуд с горящим огнем, а на вторую — с водой и ветками. Первый сосуд символизирует гневную ипостась богини, а второй — благостную [Beck 1979: 85–90].

Два следующих экспоната коллекции связаны с почитанием змей в Южной Индии. Экспонат № 7 изображает верхнюю часть одноголовой змеи с раздвоенной шеей, а № 8 — пятиголовую змею, кольца которой образуют круглую подставку. Как отметили собиратели, подобные изваяния змей группами ставят под деревьями, и они служат святилищами для почитания змей. Фотографии этих экспонатов и их описание приведены в книге С.А. Маретиной «Змея в индуистской мифологии (на материалах МАЭ)» [Маретина 2005: 18–21].

Остается лишь добавить, что почитание змей в разных формах и под разными именами — одна из самых ярких черт народного индуизма, а змеиные образы так глубоко укоренены в традиционной индийской культуре, что их с полным основанием можно причислить к фундаментальным и самым значи-

Рис. 2. Фигура человека для символического жертвоприношения (№ 3087-5)

мым для Индии культурным символам. Змеям придают сакральное значение и наделяют магическими функциями, приписывая им силу, которая будто бы могла переходить к людям. На племенном уровне эта сила, пожалуй, нагляднее всего проявлялась в соотношенности змей с водой. Змеи мыслились живущими рядом с водой и считались хранителями и покровителями водных источников жизни, а также тех символов и атрибутов, которые были связаны с жизнью, плодородием и бессмертием. Древней и универсальной является также роль змеи как хранительницы кладов [Альбедиль 2012: 152–153]. Примечательно, что святилища в виде изображений змей под деревом или рядом с деревьями известны в Индии по меньшей мере со времен протоиндийской цивилизации, т.е. с III–II тыс. до н.э. На печатях и оттисках того времени встречаются изображения змеи у платформы под деревом, а также змеи рядом с деревьями и мужскими и женскими персонажами [Кнорозов 1972: 19, 213].

По всей вероятности, почитание змей не в последнюю очередь связано с той опасностью, которую они представляют для человека, особенно в период муссонных дождей, когда им приходится покидать затопленные водой норы. Чувствуя приближение муссона, змеи покидают свои убежища, поэтому их поведение служит одной из примет приближения сезона дождей. Не случайно на четыре месяца сезона дождей приходится целый ряд праздников, связанных с почитанием змей. Из семи ежегодных праздников шесть приходятся на сезон дождей: 1) праздник богини змей Манасы в пятый день месяца *ашадха* (июнь-июль), 2) *нагапанчами* в пятый день месяца *шравана* (июль-август), 3) *ананта чатурдаши* и 4) *арандхана* в месяце *бхадрапада* (август-сентябрь), 5) *ананта чатурдаши* и 6) *арандхана* в месяце *ашвина* (сентябрь-октябрь) [Sharma 1978: 30–45].

Экспонаты № 9–11 изображают духов, известных под собирательным именем *бхута*. Так обычно называют демонов, злокозненных духов, в которых вселяются души насильственно умерших. Они насылают болезни и несчастья на людей, порчу — на скот, губят урожай и т.п. Бхуты коварно нападают на свои жертвы на перекрестках дорог, около кладбищ, мест преступлений и в других опасных местах. Для того чтобы их умиротворить, в таких местах ставят изображения бхут, подобные экспонатам описываемой коллекции, и приносят им жертвы. Как отмечают собиратели, чаще всего эти жертвы кровавые.

Иногда бхуты причисляются к демонической свите Шивы. Таковы и персонажи описываемой коллекции: № 9 держит в руках трезубец, атрибут Шивы, а на лбу у него знак шиваитского культа — три белые горизонтальные линии, как и двух других, № 10 и 11. Каждый бхута в коллекции отмечен индивидуальными чертами: № 9 под именем Ирулан имеет облик демона с мордой крокодила, № 10, известный как Сатхан, показан как черный демон с клыками и птичьим клювом вместо носа, а № 11, Мунджаппан, отличается красным цветом тела. На его синем одеянии красуется большое нагрудное украшение, а бедра обернуты прозрачной материей с золотыми полосками.

Экспонат № 12 представляет собой изображение одного из популярных обожествленных героев по имени *Виран*, «Герой», или *Мадурай-виран*, «Герой из Мадурая», который обычно сопровождает популярного дравидского бога

Айянара, одного из разряда богов-покровителей селений. Мадурай-виран показан верхом на лошади, на которой он объезжает охраняемую им деревню вместе со своим господином, божеством Айянаром. Поскольку Мадурай-виран считается добрым божеством, то и он, и его лошадь белого цвета. Фигуры всадника и его лошади богато украшены гирляндами и ожерельями.

Мадурай-виран популярен во всем Тамилнаде. В настоящее время он особенно прославился после выхода в свет фильма, в котором М.Г. Рамачандран, актер и в прошлом министр Тамилнада, сыграл роль Мадурай-вирана [Masilamani-Meyer 2004: 33–34]. Мадурай-вирана почитают представители разных каст, но, пожалуй, больше других — *чамары*, традиционно работающие с кожей.

Община этой касты провозгласила Мадурай-вирана своим кастовым и клановым божеством. Хотя касты в современной Индии отменены и не упоминаются в официальных документах, кастовые предписания по-прежнему играют большую роль в быту и в социальной жизни.

Связь Мадурай-вирана с чамарами объясняется в предании, согласно которому Мадурай-виран родился как царский сын. Но при появлении на свет он оказался опутан пуповиной, и астролог счел это плохим предзнаменованием, сулящим гибель царству, поэтому Мадурай-вирана оставили в лесу. Его выкормили дикие животные, он выжил, и его приютила супружеская пара из касты кожевников. В Мадурае он считается стражем и охранителем богини Минакши, одного из воплощений Дурги. Его святилище находится на восточной стороне огромного храмового комплекса, посвященного этой богине, которая почитается как покровительница Мадурая [Whiehead 1921: 25].

Еще с одним местным божеством, популярным в Тамилнаде и в некоторых районах Кералы, по имени Каруппан, «Черный», знакомят два экспоната коллекции: № 13 и 17 — глиняные фигуры черного цвета, первая — с клыкастым ртом. На обоих изображениях много украшений, они есть на груди, на руках и на ногах. Это местное дравидское божество, как и Мадурай-виран, относится к разряду богов-покровителей селений *кавал дейвам*. Бог известен в разных формах и под разными именами, которые отражаются в его иконографии: Большой Каруппан, Маленький Каруппан, Жемчужный Каруппан, Каруппан восемнадцати шагов и т.п. Обычно его изображают стоящим или коленопреклоненным. Но все иконографические варианты объединяет тем-

Рис. 3. Изображение злого духа
(№ 3087-9)

ный цвет кожи, вишнуитские знаки на лбу и оружие, чаще всего изогнутый кинжал и дубинка [Masilamani-Meyer 2004: 22–23].

Связанные с Каруппаном предания, легенды и мифы носят локальный характер и меняются от одного селения к другому. Согласно одной из легенд, этот бог приплыл по воде из Кералы. Главный герой легенды, брахман, был жрецом Каруппана и каждый день совершал в честь него жертвоприношение — *пуджу*. Обычно вместе с жрецом приходил его сын, который играл в храме. Но однажды мальчик пропал. Жрец решил, что сын остался в храме, но ему не хотелось идти за ним. Однако жена жреца настояла: он должен сейчас же привести сына! Жрец вернулся в храм и через окно увидел там сына. Каруппан сказал жрецу: «Оставь сына, я хочу с ним поиграть. Заберешь его завтра, когда придешь совершать пуджу». Но жрец не соглашался и требовал, чтобы бог немедленно вернул мальчика. Он силой попытался открыть дверь храма, но не смог и принялся ругать бога.

«Хорошо, — ответил тот, — я верну тебе сына». Он разорвал мальчика на куски и швырнул отцу ноги, руки и другие части его тела. Жрец разгневался и сделал то же самое с божеством. Он разбил статую бога, уложил осколки в корзину и пустил по реке со словами: «Иди, куда ты хочешь идти, и остановись там, где ты хочешь остановиться». Вот таким образом будто бы Каруппан и приплыл из Кералы в Тамилнад [Masilamani-Meyer 2004: 23]. Обычно святилища, посвященные Каруппану, располагаются на окраинах деревень. Они примечательны крупными статуями божеств, которые, как правило, изображены с оружием в руках. В таких святилищах служат местные жрецы, чаще всего из небрахманских каст. Из всех каст теснее всего с Каруппаном связаны касты воров и грабителей *калларов*, которые под разными именами известны во всей Индии.

Оба божества — покровители селений, Мадурай-виран и Каруппан вместе с несколькими другими мифологическими персонажами входят в свиту Айянара, «Господина», популярного деревенского божества — *грамадевата* в Южной Индии, связанного с земледелием и плодородием. При этом главным в его свите провозглашается Каруппан, по крайней мере для центральной части Тамилнада. В коллекции Айянара, точнее, его лошадь, представляет экспонат № 18. Местные жители верят, что на таких лошадях бог, точнее, его свита, объезжает по ночам подвластную ему деревню и охраняет ее от злокозненных демонов. Подобные изваяния лошадей, достигающие 10–15 метров высоты и видные издали, указывают на присутствие в селении храма божества.

Айянар обычно изображается с трезубцем или рогами на голове, что связывает его с шиваитским кругом божеств. Но он причастен и к вишнуитским божествам, поскольку считается сыном Шивы и Мохини, женской ипостаси Вишну (одно из имен Айянара — Харихарапутра, т.е. сын Вишну и Шивы). Он известен также под именем Шаста (Саттан), что значит «наставник», правитель». Под этим именем божество почитают преимущественно в южных частях Тамилнада и Кералы. Культ Айянара чрезвычайно древен. Допустимо предположить, что он восходит к протоиндийской эпохе, где его отдаленным прототипом мог служить бог-буйвол [Дубянский 1996: 45].

Айянар не только охраняет деревни и подвластные им территории, но и отвечает за сельские водоемы, предназначенные для орошения полей, а также за своевременный приход муссонных дождей. Возможно, причастностью Айянара к воде и водной стихии объясняется его связь с кастой рыбаков: именно рыбаки нередко оказываются жрецами культа этого бога, хотя ими могут быть и представители других каст, например горшечники [Masilamani-Meyer 2004: 21–22].

Айянара редко «появляется» в одиночестве. Обычно его сопровождают две спутницы: Пуранай — слева от него и Путкалай — справа. Иконографически они сходны, обе держат по цветку в той руке, которая ближе к их божественному супругу. Часто их высекают вместе с Айянаром из одного и того же камня, подчеркивая тем самым, что они втроем образуют единое целое. Иногда они различаются по цветовой гамме: Пуранай изображается с черным телом в желтой одежде, а Путкалай — с золотистым телом в белой одежде. Одни жрецы называют обеих спутниц супругами Айянара, другие — помощницами или служанками, а третьи — компаньонками, подругами. При этом его природа двойственная, и нередко он изображается женоненавистником и убежденным холостяком. Более того, в некоторых иконографических вариантах в его образе весьма заметны аскетические черты, например спутанные волосы [Masilamani-Meyer 2004: 19–20].

Еще три экспоната коллекции представляют малоизвестных сельских божеств — № 14–16. Все они сделаны из глины, имеют антропоморфный облик. Экспонат № 14, названный собирателями Анди, с телом белого цвета и обильными украшениями на руках и на ногах, отмечен шиваитским знаком на лбу. Два других персонажа желтого цвета имеют вишнуитские знаки, их имена и функции неизвестны.

Экспонат № 21 а, б, с передает образ архаического местного божества, который до сих пор встречается в глухих уголках дравидской Индии. Он представляет собой три камня трапецевидной формы с красной чертой на каждом из них и с красными пятнами над этой чертой и под ней. Они изображают лесное божество по имени Палиян, которое почитают в горах Пални, расположенных к северо-востоку от Мадурая. По замечанию собирателей, такие камни ставили в лесу под деревом и приносили им в жертву птиц.

Рис. 4. Изображение злого духа
(№ 3087-16)

Несомненный интерес представляет экспонат № 19, запечатлевший семь глиняных женских фигур, называемых *Сапта-канимар*, «Семь дев». Это древнее дравидское женское божество, популярное во всей Южной Индии, оно часто встречается в деревенских святилищах. Фигуры расположены в ряд, вплотную друг к другу. Индивидуально проработана только верхняя часть каждой фигуры, нижняя же часть дана сплошным массивом, на ней схематично обозначены то ли ноги персонажей, то ли концы поясов их одежды.

Култ семи богинь известен в Индии со времен протоиндийской цивилизации [Кнорозов 1972: 216]. Позже он был представлен практически во всех религиозных системах Индии начиная с ведийских времен, когда семь богинь отождествлялись с семьей апсарами, духами леса и вод. В брахманизме и индуизме этот култ воплотился в собирательном образе «Семи матерей», *Сапта-матрика*. Совершенно очевидно, что представления о семи богинях, как и о Мариамме, о которой написано выше, восходят к архаическому неарийскому культу богинь-матерей, связанных с силами плодородия природы.

Известны разные версии происхождения семи матерей, порой противоречащие друг другу. Согласно наиболее общепринятому варианту, изложенному в пуранах и агамах, этих богинь создал Шива, чтобы заручиться их поддержкой в борьбе с демонами-асурами. По другой версии, боги создали их для помощи богине-матери для сражений с асурами. В средневековом индуизме эти богини часто могут выступать как творческая энергия-*шакти* богов: Брахмани — шакти Брахмы, Махешвари — шакти Махешвары, Каумари — шакти Кумары-Сканды, Байшнави — шакти Вишну, Варахи — шакти Варахи, Индрани — шакти Индры, Чамунда — шакти Ямы. Иногда к этим семи богиням добавляют восьмую — Йогашвари. Набор богинь, как и их имена, может варьироваться. Обычно они изображаются в виде семи женских фигур, сидящих в ряд, с разными эмблемами в руках [Rao 1914: t. CXVIII].

Култ семи богинь-матерей с древности вплоть до настоящего времени распространен в Южной Индии чрезвычайно широко. Их рассматривают здесь чаще всего как жен или сестер Шивы, они связаны и со Скандой, сыном Шивы. Иногда богини ассоциируются с женами семерых риши-*саптариши*. Их изображения, каменные или глиняные, часто встречаются в южноиндийских храмах, особенно шиваитских. Культ у этих богинь посвящены и специальные святилища, их изображения можно увидеть и на домашних алтарях. В сезонные праздники семи богиням приносят жертвы, к ним обращаются и в случае болезней, когда хотят получить потомство и т.п. Култ богинь-матерей тесно связан с культом деревьев, поэтому их изображения нередко помещают под деревьями [Whiehead 1921: 29].

В коллекции содержится несколько ритуальных коромысел-*кавади*. Экспонаты № 22–29 представляют собой полные комплекты коромысел, а экспонаты № 30–32 и 50–63 — украшения к коромыслам. Собиратели дали в описи такое определение *кавади* — это «церемониальное коромысло, на котором паломники несут жертвоприношения (обычно вареный рис) из своей деревни в храм. Особенно это практикуется во время паломничеств в храм Шивы». Действительно, термин *кавади* этимологически восходит к общедравидско-

Рис. 5. Ритуальное коромысло (№ 3087-25)

му корню *ка-* со значением «коромысло, шест для ношения груза на плечах» [Альбедиль 1981: 93].

Все коромысла описываемой коллекции однотипны и отличаются только разной степенью отделки и орнаментами. Они состоят из четырех частей: первая часть представляет собой довольно длинный (около метра) шест, на обоих концах которого укрепляются поперечные доски — это, соответственно, вторая и третья части. На этих досках изображены божества шиваитского круга в соответствии с иконографическим канонem. Доски обычно орнаментированы или украшены резьбой. И, наконец, четвертая часть представляет собой арку, которая крепилась к коромыслу, когда его использовали в ритуальных целях. По свидетельству собирателей, ее делали из проволоки и бумаги или пальмовых листьев и украшали цветами и другими изделиями из бумаги, мишуры, дерева *sola* и т.п. Украшения также представлены в коллекции, но, к сожалению, они были сделаны из хрупких материалов и потому плохо сохранились. Самые интересные из них — украшения в форме царского зонта,

сделанные из белой бумаги и декорированные бумажными цветами и мишурой (экспонаты № 30–32).

Изображение божеств отсутствует только на одном коромысле — № 22. В этом экспонате на поперечных досках процарапаны орнаменты: три концентрических круга на одной доске, и раковина, закрученная вправо, — на другой. На других коромыслах изображены слогоголовый бог Ганеша верхом на крысе, своем традиционном ездовом животном-вахане, и Субраманья, известный на дравидском юге под именем Муруган, «Юный». Он показан сидящим верхом на своей вахане-павлине, на экспонате № 24 он изображен с шестью ликами и двенадцатью руками.

Видимо, в таких коромыслах иногда украшали и шест, как в экспонате № 29: на обоих концах вырезаны оскаленные львиные морды. Резьба и украшения кавади выполнены довольно примитивно, что указывает, по всей вероятности, на их применение в народной обрядности, поскольку храмовая утварь обычно отделяется весьма искусно и тщательно.

Нет никаких сомнений в том, что коромысло, казалось бы, обычный бытовой предмет, использовалось в ритуальных целях в качестве атрибута паломников, направлявшихся к святым местам, преимущественно к шиваитским святилищам [Diehl 1956: 25]. Подобные коромысла применяли и прорицатели, доводившие себя во время ритуальных плясок до экстатического состояния, в котором они предсказывали будущее [Ibid.: 223]. По всей вероятности, такие предметы служили эмблемой божества в ритуальной практике дравидов [Кхокар 1961: 78].

Сходные традиции ритуального употребления коромысла сохраняются в Южной Индии и сейчас. В полнолуние месяца тай по местному календарю (январь-февраль) в Тамилнаде отмечают праздник тайпусам, который представляет собой обряд почитания Муругана. Танец с кавади с шокирующими элементами самоистязания является его важной и очень выразительной составной частью. В основе праздника лежит воспоминание о мифологическом событии, согласно которому некогда Парвати будто бы передала популярному тамильскому божеству Муругану копье, и тот с помощью этого копья сумел одолеть демона Сурападмана, досаждавшего богам. Ритуальные пляски наряду с жертвоприношениями на дравидском юге издавна расценивались как преимущественные формы почитания божеств. Они описаны, например, в тамильском эпосе «Повесть о браслете», датируемом приблизительно V в. н.э. [Повесть о браслете 1966: 149–150].

Рис. 6. Фрагмент ритуального коромысла (№ 3087-29 а, б)

Примечательны и элементы декорирования коромысел. Некоторые из них представляют собой арку, которая делается из проволоки, бумаги или пальмовых листьев и украшается цветами. Как указали собиратели в описи, такая арка прикреплялась к коромыслу во время совершения того или иного обряда. По всей вероятности, это означало сакрализацию предмета, изменение его семиотического статуса. Индуистский иконографический канон предписывает помещать изображение божества в арке, символизирующей небесный свод. Стоит подчеркнуть, что наиболее устойчивым оказывается соотношение арок с божествами шиваитского круга. Столь же символичны и другие декоративные детали, которые, по всей вероятности, имеют глубокий символический смысл, истоки которого восходят к глубокой архаике [Альбедиль 1981: 99–101].

Некоторые экспонаты описываемой коллекции были собраны А. и Л. Мервартами не в Южной Индии, а на севере страны, в Бенгалии. К ним относятся три столба предков *питристамбха* из Бенгалии — № 33–35. Подобные деревянные столбы, изображающие человеческую фигуру, ставят перед домами в память об умершем члене семьи и приносят им жертвы. Из Северной Индии были привезены также несколько фрагментов древних изваяний, сделанных из песчаника, — № 36–44. В некоторых из них можно опознать торс мужской фигуры, изображение обнаженной богини, фрагмент руки с раковиной, голову мифического животного *макары*, но некоторые изображения идентифицировать уверенно невозможно.

Примечательно, что местные жители расценивали такие скульптурные фрагменты как изображения божеств *грамадевата*, хранителей деревни. По свидетельству собирателей, эти фрагменты были собраны в небольшой деревне Санкисса, расположенной на месте одной из древних буддийских святынь. Там находились монастыри и стояла колонна Ашоки, которой воздавались божественные почести. В земле находили множество обломков статуй и архитектурных сооружений, как буддийских, так и индуистских. Эти обломки

Рис. 7. Столб предков
(№ 3087-33)

складывают под деревьями или специально для них устраивают глиняные ниши и приносят им жертвы.

Таким образом, коллекция Л. и А. Мервартов, знакомящая с образцами мало известных не только на Западе, но и в самой Индии дравидских народных верований, может служить ценным этноисторическим и религиоведческим источником. Она подтверждает, что индуизм, как в настоящее время, так и в прошлом, существовал в разнообразных региональных формах, в которых народные культы, верования и образы богов и духов не совпадали с основными установлениями жреческой традиции.

Библиография

Альбедиль М.Ф. О южноиндийских ритуальных коромыслах // Материальная культура и мифология: Сб. статей. Л.: Наука, 1981. С. 93–102.

Альбедиль М.Ф. Змея в индийской традиционной культуре: совпадение противоположностей // Бестиарий П. Зооморфизмы Азии: движение во времени. СПб.: МАЭ РАН, 2012. С. 152–164.

Вигасин А.А. Изучение Индии в России (очерки и материалы). М.: МГУ имени М.В. Ломоносова; Институт стран Азии и Африки; Издатель Степаненко, 2008. 544 с.

Дубянский А.М. Айянар // Индуизм. Джайнизм. Сикхизм: Словарь / Под общ. ред. М.Ф. Альбедиль и А.М. Дубянского. М.: Республика, 1996. 576 с.

Кнорозов Ю.В. Формальное описание протоиндийских изображений // Сообщение об исследовании протоиндийских текстов. Proto Indica. 1972. М.: Наука. Вып. II. С. 178–245.

Кхокар М. О религиозном содержании индийских танцев // Индийский этнографический сборник. Л.: Наука, 1961. С. 66–79.

Маретина С.А. Змея в индуистской мифологии (на материалах МАЭ). СПб.: МАЭ РАН, 2005. 140 с.

Мерварт А. и Л. Отчет об этнографической экспедиции в Индию в 1914–1918 гг. Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1927. 24 с.

Повесть о браслете: Силаппадикарам. М.: Издательство восточной литературы, 1966. 221 с.

Beck B.E.F. The Goddess and the Demon: A Local South Indian Festival and it's Wider Context. University of British Columbia Press, 1979. P. 85–136.

Diehl C.G. Instrument and purpose. Studies on rites and rituals in South India. Lund: Gleerup, 1956. 235 p.

Masilamani-Meyer E. Guardians of Tamilnadu. Folk deities, folk religion, Hindu themes. Halle: Verlag der Franckeschen Stiftungen zu Halle, 2004. 280 S.

Rao G. Elements of Hindu Iconography. Madras: The Law Printing House, 1914. 296 p.

Sharma B.N. Festivals of India. New Delhi: Abhinav Publication, 1978. 156 p.

Whiehead H. The Village Gods of South India. Calcutta: Association Press, 1921. 178 p.

О.Н. Меренкова

**ВЫСТАВКА ЦЕЙЛОНСКИХ РЕМЕСЕЛ 1962 года
В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ
ЮЖНОАЗИАТСКИХ КОЛЛЕКЦИЙ МАЭ РАН
(по архивным иллюстративным материалам)**

Обращаясь к истории формирования южноазиатских (в частности, индийских) коллекций МАЭ РАН, отметим, что начало многим тематическим разделам было положено еще в XVII в. благодаря самым первым индийским коллекциям, поступившим в Кунсткамеру при Петре I. В каталогах начала XVIII в. указаны различные индийские сосуды, украшения, монеты, оружие, изделия из металла, слоновой кости и рога. Индийские вещи продолжали поступать в фонды музея и на протяжении XIX–XX вв. Их привозили представители знати, общественные деятели, врачи, художники, дипломаты, путешественники. В 1891 г. около 250 предметов индийского искусства и ремесла привез из своего путешествия на Восток цесаревич Николай Александрович, будущий император Николай II. Индийские коллекции МАЭ пополнялись и за счет обмена с европейскими музеями.

Первой тематической коллекцией по Индии и Непалу музей обязан основателю российской индологической школы Ивану Павловичу Минаеву (1840–1890), в 1870–1880-х годах посетившему Индию, Цейлон, Бирму и Непал. В состав его коллекции, привезенной из этих стран, входили преимущественно культовые предметы. Заметный вклад в пополнение индийских коллекций сделали индологи А. Сталь-Гольштейн и С.Ф. Ольденбург, ботаник В.И. Липский и географ-натуралист А.Н. Краснов, востоковеды А.Н. Козников и М.С. Андреев, этнографы В.В. Радлов и А.И. Иванов [Альбедиль, Кисляков, Ревуненкова 2012: 3].

В начале XX в. самым крупным пополнением фондов явились коллекции, собранные А.М. и Л.А. Мервартами во время их экспедиции 1914–1918 гг. в Индию и на Цейлон. В рамках этой экспедиции велся целенаправленный сбор коллекций именно по тематическим разделам. Благодаря полевым изысканиям А.М. и Л.А. Мервартов в фонды МАЭ поступило несколько тысяч этнографических предметов и фотографий. В последующие годы проводились регистрация и учет этих коллекций в книгах поступлений МАЭ и составление описей. Огромную часть работ выполнила сама Л.А. Мерварт. Некоторые из описей на привезенные коллекции снабжены прекрасными рисунками, которые дают неоценимую помощь при работе с предметами.

До середины XX в. индийские предметы продолжали поступать в фонды МАЭ, но число их было сравнительно невелико. Тем более значимым для истории формирования коллекций оказалось поступление предметов индийского искусства после выставки в Москве в 1955 г. С 1956 по 1959 г. МАЭ получил около 600 предметов. Важность этого поступления состоит не только в количественном значении, которое само по себе определяет его показательность, но и в том, что благодаря новым этнографическим предметам оказались существенно дополненными тематические разделы, иллюстрирующие культурные явления, быт и религиозные верования различных народов Индии и Цейлона.

Обратиться к истории формирования фонда МАЭ РАН по индийским коллекциям этого периода побудили найденные в процессе сверки иллюстративного фонда 2015 г. по разделу «Индия» любопытные фотографии, первоначально атрибутированные как безномерные. При более тщательном рассмотрении и анализе изображенных объектов стало очевидно, что данные материалы посвящены индийской экспозиции, расположенной не на втором этаже в зале № 11, где в настоящее время размещена экспозиция «Индия», а на первом этаже в зале № 4, где сейчас находится экспозиция «Япония».

При обращении в Архив МАЭ РАН было установлено, что найденные снимки сделаны в 1962 г. во время проведения временной выставки «Искусство Цейлона», которая проходила с 17 сентября по 25 ноября 1962 г. в Музее антропологии и этнографии. При дальнейшем рассмотрении обнаружилось архивное дело (ф. К-IV, оп. 8, д. 34), в котором хранится 64 снимка, иллюстрирующих тематические разделы выставки, а также копия книги отзывов, написанных посетителями после посещения временной экспозиции. Интересно рассмотреть тему организации выставки в историческом контексте, а именно с позиции пополнения фондов Музея антропологии и этнографии в 1955–1959 гг. В эти годы в рамках расширения культурных и экономических связей между Россией и Индией в нашей стране проводилось множество выставок, посвященных культуре и ремесленному искусству Индии.

Особое внимание следует уделить выставке кустарных изделий Индии, прошедшей в Москве в октябре–ноябре 1955 г. Она была организована по инициативе Совета искусств Индии с целью широкого показа произведений национального искусства в Советском Союзе и странах Европы. На выставке были представлены многие предметы, иллюстрировавшие богатство художественных ремесел и высокое мастерство индийских ремесленников: образ-

Рис. 1. Фотография выставки «Искусство Цейлона». 1962 г.
Архив МАЭ РАН. Ф. К-IV. Оп. 8. Д. 34

цы резьбы по камню, дереву, кости, металлические, тканые и плетеные изделия. Одним из многочисленных предметов, очаровавших посетителей выставки, оказалась каменная статуэтка, изображающая девушку с попугаем. Эта работа мастеров из индийского штата Орисса, которая точно воспроизводит в миниатюре скульптурную композицию, характерную для древних храмов и дворцов.

Трудно перечислить все виды ремесленных изделий, которыми славится Индия. Художественным ремеслом в этой стране с давних пор и по сей день занимаются миллионы людей, и обучаются этому профессионально.

Первоначально выставка кустарных изделий Индии экспонировалась в Москве, а уже затем в Ленинграде, в Музее антропологии и этнографии, причем здесь выстав-

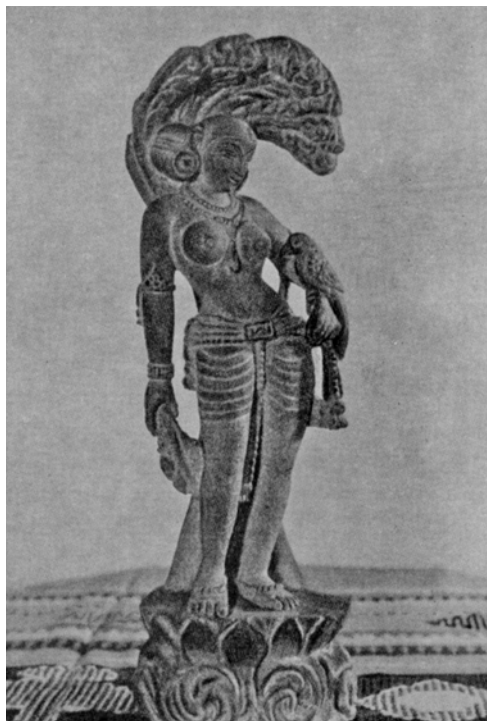

Рис. 2. Девушка с попугаем.
Открытка к выставке кустарных изделий
Индии. Москва, 1955 г.

ка была дополнена экспонатами, уже имевшимися в фондах музея. После проведения выставки кустарных изделий Индии в Москве в последующие годы от Министерства культуры СССР различные предметы поступили в фонды МАЭ через московский Государственный музей восточных культур, а также через московскую часть Института этнографии АН СССР. В 1956 г. в книге поступлений МАЭ были зарегистрированы десять коллекций по фонду «Индия» (№ 6206–6210, 6224–6226, 6255, 6256), состоящие из различных этнографических предметов, разделенных тематически (плетеные вещи, украшения, игрушки, статуэтки, представляющие типы населения) и по материалу изготовления (предметы из металла, кожи, ткани, дерева, слоновой кости и рога). Регистровала эти предметы Л.Б. Баславская в 1957 г. Общее число поступивших предметов, согласно книге поступлений МАЭ, составило 326 номеров, 394 единицы хранения.

В настоящее время на экспозиции «Индия» представлено более 30 предметов из перечисленных коллекций. Это удалось проследить частично благодаря фотопечатной продукции, посвященной выставке кустарных изделий 1955 г., в частности памятным открыткам. На них изображены предметы московской выставки, которые и сейчас можно видеть на современной экспозиции «Индия» в МАЭ. Например, удалось установить, что предметы, известные под номерами 6209-29 «Композиция: выезд за невестой на слоне», 6209-87 и 6209-88 «Манекены, изображающие жениха и невесту», прибыли в фонды МАЭ с московской выставки, причем одежда и украшения (входят в состав коллекции № 6209) на манекенах представлены почти в том же виде, что и в 1955 г.

Кроме того, при работе с документами по современной экспозиции «Индия» обнаружилось, что предметами с московской выставки были дополнены и другие тематические разделы. Например, в шкафу № 30 «Изделия из дерева» находятся образцы резьбы по дереву из коллекции 6207: изображение кобры (№ 6207-19), кинжал в резных ножнах (№ 6207-86а, б), набор небольших столиков (6207-82–84). Циновки из коллекции 6226 составляют раздел в шкафу № 9 «Ткани и ткачество», а также являются декоративными элементами для тематических разделов шкафов № 6 «Одежда крестьянина и предметы быта» (№ 6226-2) и № 7 «Традиционная индийская кухня» (№ 6226-31).

Рис. 3. Манекены, изображающие жениха и невесту. Открытка к выставке кустарных изделий Индии. Москва, 1955 г.

Разумеется, время постепенно оставляет свои следы на экспонатах: меняется состояние их сохранности, могут наблюдаться незначительные потери и сколы, например на предметах из дерева, потемнение и запыление красочного слоя. Однако эти предметы и по сей день не потеряли своей информативности и прекрасно существуют в современном выставочном пространстве экспозиции «Индия».

Возвращаясь к истории пополнения фондов МАЭ, следует отметить, что в 1958 г. от Министерства культуры СССР поступили еще две коллекции. Коллекция 6330 была собрана Всеиндийским управлением ремесел и передана в фонды МАЭ через Государственный музей восточных культур. В ее состав вошли изделия из металла, образцы тканей и украшения. Зарегистрирована она в декабре 1958 г. Л.Б. Баславской. Другая коллекция — 6332 «Маски театральные» — была передана от Ленинградского театрального государственного музея и зарегистрирована в 1959 г. С.А. Болдыревой. В общей сложности эти коллекции насчитывали 71 предмет, 71 единицу хранения.

Еще одним значимым поступлением в фонды МАЭ по разделу «Индия» в 1959 г. оказалась передача пяти коллекций (№ 6376–6380), зарегистрированных Л.Б. Баславской, от Министерства культуры СССР через Государственный музей восточных культур. Эти коллекции (169 номеров и единиц хранения) были собраны с целью представить искусство Цейлона на примере различных предметов, демонстрирующих высокое мастерство местных ремесленников.

Благодаря новым поступлениям, а также на материале, уже имевшемся в предметном фонде «Индия», исследователи и сотрудники музея Арсений Дмитриевич Авдеев и Георгий Адамович Гловацкий в 1962 г. приняли решение об организации временной выставки «Искусство Цейлона». Следует несколько слов сказать о самих авторах выставки, разработавших ее концепцию и осуществивших монтаж.

А.Д. Авдеев — специалист по истории первобытного общества. В сферу его научных интересов преимущественно входили происхождение и развитие театра в первобытную эпоху [Решетов 2012: 36], а также особое место в его исследованиях отводилось изучению масок¹.

Другой автор выставки — Г.А. Гловацкий — пришел на работу в МАЭ еще до Великой Отечественной войны, затем сражался на фронте и был награжден медалью «За оборону Ленинграда». Вернувшись с фронта, Г.А. Гловацкий снова приступил к работе в МАЭ в отделе Восточной и Южной Азии, где проработал более 40 лет, занимаясь ведением музейной работы [Кисляков 2008: 83–84].

¹ См., напр.: Маска (опыт типологической классификации по этнографическим материалам). Ст. 1 // Сборник Музея антропологии и этнографии [научные статьи] / Институт этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР; отв. ред. С.П. Толстов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957. Т. 17. С. 232–344; Алеутские маски в собраниях Музея антропологии и этнографии Академии наук СССР // Сборник Музея антропологии и этнографии: [научные статьи] / Институт этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР; отв. ред. С.П. Толстов. - М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. Т. 18. С. 279–304; Происхождение театра. М., 1959; Индонезийский театр «вайянг-кулит» // СЭ. 1966. № 5. С. 43–57.

Рис. 4. А.Д. Авдеев.
Фонд МАЭ РАН. Особая кладовая.
Ящик 584

В отличие от организаторов московской выставки кустарных ремесел Индии 1955 г., А.Д. Авдеев и Г.А. Гловацкий решили ограничить географические рамки и создать временную выставку «Искусство Цейлона». Их идею поддержал Совет искусств и Департамент культуры Цейлона.

Несмотря на то что рабочие материалы по концепции выставки не сохранились, о масштабах экспозиции, ее концепции и тематических разделах можно судить, проанализировав работы: Авдеев А.Д., Кочнев В.И. «Выставка искусства Цейлона в Музее антропологии и этнографии» и Краснодембская Н.Г. «Искусство «Львиного» острова». Общую картину также дополняют найденные в Архиве МАЭ снимки.

Выставка искусства Цейлона состояла из трех разделов. Первый раздел был посвящен настенной хра-

мовой живописи Цейлона V–XIX вв. Следует напомнить, что с самого возникновения и в дальнейшем искусство Цейлона было тесно связано с буддизмом, который возник в Индии в середине I тыс. до н.э., а в III в. до н.э. появился и на Цейлоне, где стал господствующей религией. Памятники ранней и средневековой архитектуры Цейлона представлены различными типами культовых сооружений буддизма. События легендарной жизни Будды, отдельные эпизоды из джатак послужили основой для сюжета настенных росписей буддийских храмов.

С давних времен в некоторых старых буддийских храмах в районе города Канди можно увидеть ткани с росписью, известные под названием *читра*, которые использовались в качестве пологов или храмовых занавесов. Расцвет искусства читры приходился на XVII–XVIII вв. Темы, выбранные художниками таких росписей, как правило, были связаны с историческими событиями и сценами из повседневной жизни кандийского государства. На выставке 1962 г. был представлен целый ряд таких тканей, например полотно «Кандийские танцы». Удивительно, насколько в данном изображении мастеру удалось передать динамичность действия и образы девушек, каждая из которых имеет свой отличительный вид и характер.

Также зрителю было представлено множество рисунков-копий древних памятников изобразительного искусства Цейлона, посвященных различным этапам жизни Будды. Эти рисунки были подготовлены индийскими художниками специально для выставки. В частности, копии художника Стенли Абейясингха знакомят зрителей с характером древних росписей V в. хра-

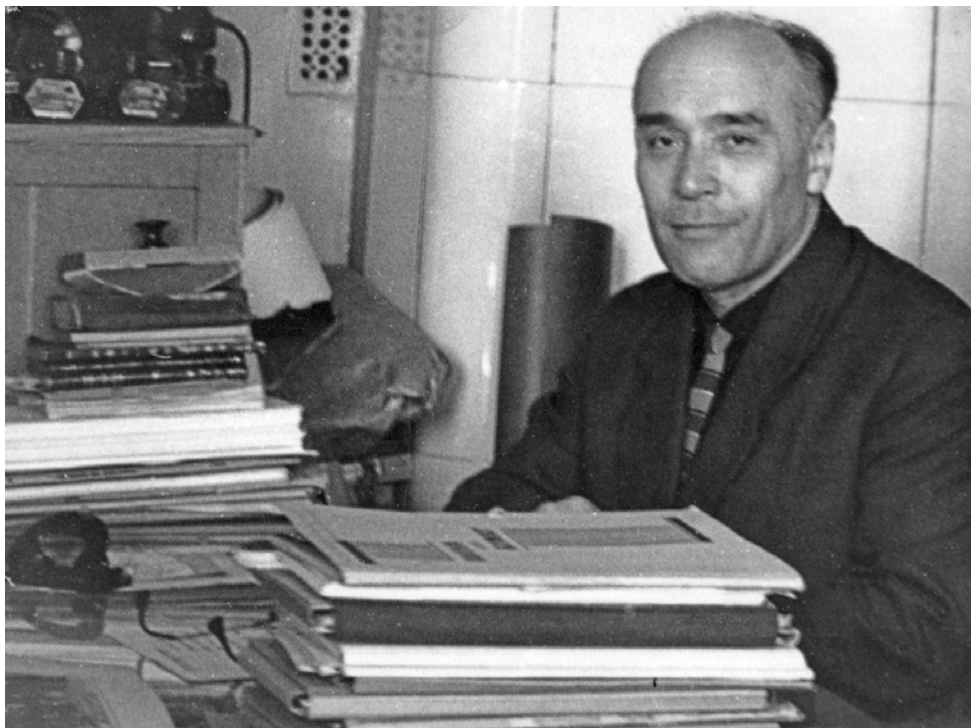

Рис 5. Г.А. Гловацкий. 1960-е годы. Фонд МАЭ РАН.
Особая кладовая. Ящик 584

ма Димбулгала, сюжеты которых заимствованы главным образом из джатак и посвящены Будде. Другой художник — Вималасена Диас — воспроизводит на большом панно росписи буддийского храма недалеко от Коломбо. Также этому художнику принадлежат несколько рисунков планетных богов для церемоний *бали*, которые связаны с изгнанием злого демона из больного. Эти ритуальные обряды восходят к далекому прошлому, когда цейлонцы за излечением обращались к разного рода заклинателям. Церемония бали основывается на представлении о том, что положение планет и созвездий во время рождения человека влияет на его судьбу. Основным моментом церемонии является создание в виде фантастического существа той или иной планеты, которая могла бы оказать положительное влияние на жизнь человека [Краснодембская 1963: 206].

На одном из представленных рисунков можно видеть изображение демона культа — четырехрукую кровожадную фигуру, впивающуюся в человеческое тело, держащую в руках диких зверей и подавляющую слона. По смазанной надписи на рисунке можно разобрать имя демона «Маханиланга Ракша Балия» («Великий Синетелый»). Вероятно, изображение этого демона в контексте культа бали соотносится с планетой Сатурн (атрибуция Н.Г. Краснодембской).

Второй раздел выставки был посвящен изделиям ремесленников и художественно-декоративному искусству. Тематически он подразделялся следующим образом: различные произведения ремесленного искусства из бронзы, латуни, стекла, декоративная и бытовая керамика, ювелирные изделия, образ-

Рис. 6. Кандийские танцы. 1962 г. Архив МАЭ РАН. Ф. К-IV. Оп. 8. Д. 34

Рис. 7. Демон. 1962 г.
Архив МАЭ РАН. Ф. К-IV. Оп. 8. Д. 34

Рис. 8. Витрина с плетеными изделиями. 1962 г.
Архив МАЭ РАН. Ф. К-IV. Оп. 8. Д. 34

цы резьбы по слоновой кости и черепаховых пластин [Краснодембская, Меренкова 2014: 115–128], а также резьба из ценных пород дерева. В витринах также были представлены плетеные изделия из растительных материалов и образцы традиционных ручных ткацких изделий. Выставлялись разнообразные циновки, сумочки, корзинки, шляпы и подставки. Для их изготовления

Рис. 9. Витрина с керамикой. Архив МАЭ РАН. Ф. К-IV. Оп. 8. Д. 34

применяются некоторые виды местного тростника и выкрашенных в различные цвета волокна растения «хана» [Краснодембская 1963: 207]. Характерным и для плетеных предметов, и для тканей ручной работы является простой геометрический узор или узор из стилизованных растений (лотосов) и животных: слонов, львов, павлинов и т.д.

Два больших шкафа были посвящены образцам цейлонской керамики. В одном экспонировалась декоративная керамика, а в другом — бытовая, хотя сами авторы выставки признали, что это деление условное [Авдеев, Кочнев 1963: 195]. К декоративной керамике изделия были отнесены по признаку более богатого орнамента — скорее всего, такие вещи редко использовались

Рис. 10. Витрина с бытовой керамикой и фигурками животных. 1962 г.
Архив МАЭ РАН. Ф. К-IV. Оп. 8. Д. 34

в быту, а чаще выполняли декоративную функцию. Здесь были представлены как простые глиняные сосуды без всякой росписи, так и кувшины и вазы с тонко выполненным рисунком, отличающиеся разнообразием и изяществом форм. Особое место занимала кандийская керамика, получившая свое имя по названию города Канди.

Для нанесения орнамента керамические изделия сначала покрывают несколькими слоями желтой краски, затем на этот фон наносят рисунок. Основным мотивом украшения таких изделий является растительный и геометрический орнамент, но иногда воспроизводятся фигурки животных и даже сцены, посвященные историческим или легендарным событиям.

Рис. 11. Витрина с гравированными изделиями из металла. 1962 г.
Архив МАЭ РАН. Ф. К-IV. Оп. 8. Д. 34

Интересно отметить, что на современной экспозиции «Индия» выставлены некоторые керамические изделия, поучаствовавшие в выставке 1962 г. Это предметы из коллекции 3069, собранной А.М. и Л.А. Мервартами во время их экспедиции 1914–1918 гг. в Индию и на Цейлон [Краснодембская 1973: 158]. Например, декоративный сосуд «буммедия» № 3069-25 с широким туловом, на ножке, с узким длинным горлом, а также праздничный сосуд «сембу» № 3069-7 с растительным орнаментом, представляющим желтые ветки

с красными цветами на черном фоне. Подробно о сингальской керамике в собраниях МАЭ писала Н.Г. Краснодембская [Краснодембская 1969].

Особую группу на выставке составили многочисленные терракотовые изделия, широко распространенные в настоящее время на Цейлоне. Это раскрашенные фигурки различных животных: льва, слона, собаки, оленя и т.д. Многие из них выполнены в виде копилочек.

Среди прочего на выставке были представлены разнообразные образцы чеканных и гравированных предметов утвари. Чеканка — древнее ремесло на Цейлоне, распространенное главным образом в районе города Канди, поэтому гравированные и чеканные предметы часто называют «кандийскими» [Авдеев, Кочнев 1963: 195]. В витринах были отобраны различные предметы (особенно широко представлены большие блюда и подносы) со сложнейшими узорами растительного и животного характера, по которым посетители музея могли получить наглядное представление о высокой технике и мастерстве цейлонских ремесленников.

Третий раздел выставки рассказывал о театральном искусстве. Значительную часть выставленных экспонатов занимали маски. Цейлонские маски настолько своеобразны по своему содержанию, цветовому решению и принципам орнаментики, что их трудно спутать с подобными произведениями других народов [Краснодембская 1963: 207]. На выставке были представлены зрителю маски анимистической шаманской церемонии *товил*, что значит «пляска дьяволов», а также многочисленные маски сингальского народного театра *колам*.

Маски *товил* наиболее древние. Многие сингалы до сих пор верят в то, что причиной всяческих болезней человека является злой демон, вселившийся в него и терзающий больного. Для изгнания демона приглашают особого специалиста — *каттадия*, который приходит на церемонию с помощником и различными масками. Эти маски называют *санниаку* — демоны различных болезней. На выставке можно было видеть как маску самого главного демона с его восемнадцатью спутниками-помощниками, так и маски, представляющие отдельных демонов болезней: паралич, слепоту, глухоту и т.д. Для изгнания демона болезни проводят сложный обряд, во время которого разыгрывают яркое театральное представление. Демону предлагают богатые дары: цветы, угощения и другое, чтобы он смилился и покинул тело больного. Маска демона 18-ти болезней — наиболее крупная по размерам, символизирующая мощь демонического персонажа. Этот предмет из коллекции 3106 в настоящее время представлен на постоянной экспозиции МАЭ.

Еще один любопытный предмет, участвующий в различных культовых церемониях, — изображение демона Гараяки (№ 6377-72). Гараяка — персонаж ланкийского демонического культа, хранитель благополучия дома. У двуполого демона мужское имя и женская атрибутика в костюме и поведении. У него два лица: мужское — грозное и женское — милосердное. Изображение демона используется в сингальских обрядах. Его носят перед свадьбой, а также во время буддийских торжеств в качестве защитника от злых духов. Этот предмет также представлен на современной экспозиции.

Рис. 12. Фото масок принцев. 1962 г.
Архив МАЭ РАН. Ф. К-IV. Оп. 8. Д. 34

Из различных культовых церемоний произошли на Цейлоне народные театральные представления *колам*, в которых все действующие персонажи выступают в масках. Маски делятся на три группы: маски людей (царей, слуг, шутов, торговцев, колонизаторов), сверхъестественных существ (богов и демонов) и маски животных. Главная часть *колам* представляет собой инсценировку одной или нескольких пьесок, содержанием которых служат сказания из древней и новой истории страны, а также повседневные сюжеты деревенской жизни [Авдеев, Кочнев 1963: 198].

Центральное место в представлении занимают маски королевского двора — короля, королевы, принца, шута и т.д. Эти маски довольно велики по размерам, в том числе благодаря высоким стилизованным головным уборам. Как правило, ни одна из масок «двора» не имеет ротового отверстия, поскольку придворные персонажи сами не разговаривают. Речевая часть представления исполняется чаще всего специальным человеком, а персонаж в маске выполняет сложную пантомиму и танец. Однако иногда в масках персонажей комического характера имеются речевые отверстия для самостоятельного произнесения речи актером. Всего на выставке «Искусство Цейлона» было представлено более 100 масок, поразивших зрителя своим многообразием, красочностью и высоким мастерством цейлонских мастеров.

Отдельного упоминания требует книга отзывов посетителей выставки, хранящаяся в архиве МАЭ РАН. Из нее можно узнать, что на выставке побывали ученики ленинградских школ, студенты ЛЭТИ, Института живописи, скульптуры и архитектуры имени И.Е. Репина и других вузов, ученые-востоковеды, рабочие и служащие ленинградских фабрик и заводов и даже гости из Калькутты. В большинстве отзывов говорится о том, что выставка была чрезвычайно интересна и хорошо оформлена. «Выставка искусства Цейлона поражает прежде всего своей народностью, колоритностью народных талантов. Большое эстетическое наслаждение приносят изделия из кости, мрамора, пластинок черепахи. Поистине современно отображает выставка настроение народа Цейлона», — так писал один из посетителей выставки В. Козулин в октябре 1962 г. [АМАЭ: Книга отзывов]. Посетители также выражали огромную благодарность организаторам за возможность ознакомления с интереснейшими экспонатами.

О выставке «Искусство Цейлона» 1962 г. в Музее антропологии и этнографии писали и в новостных печатных изданиях того периода. Например, в газете «Ленинградская правда» были опубликованы две заметки — от 18.11.1962 и 28.11.1962, оповещавшие ленинградцев об открытии выставки. Также упоминания о выставке найдены в вырезках газет «Вечерний Ленинград» № 251 от 23.10.62 и «Ленинградский университет» № 62 от 4.12.1962.

Инициированная Департаментом культуры Цейлона и организованная сотрудниками Музея антропологии и этнографии выставка «Искусство Цейлона» в 1962 г. дала уникальную возможность показать посетителям на примере имевшихся к тому времени в фондах МАЭ и вновь обретенных предметах, поступивших после прошедшей в Москве выставки кустарных ремесел 1955 г., все разнообразие народного творчества и огромного культурного наследия Цейлона. Общее число выставленных экспонатов составило около 600 предметов. Некоторые предметы оказались настолько репрезентативными (например, некоторые маски и образцы керамики), что и в наше время украшают собой современную экспозицию «Индия» МАЭ РАН.

Источники

АМАЭ: Книга отзывов // Архив МАЭ РАН. К-IV. Оп. 8. Д. 34. 64 шт.

АМАЭ: Фотографии с выставки «Искусство Цейлона. 1962 г.» // Архив МАЭ РАН. К-IV. Оп. 8. Д. 34. 64 шт.

Встреча с далеким островом // Ленинградская правда. 18.11.1962.

Искусство древней и молодой страны // Ленинградская правда. 28.11.1962.

Искусство «Львиного» острова // Ленинградский университет. 04.12.1962.

Библиография

Авдеев А.Д., Кочнев В.И. Выставка искусства Цейлона в Музее антропологии и этнографии // Советская этнография. 1963. № 3. С. 193–199.

Альбедиль М.Ф., Кисляков В.Н., Ревуненкова Е.В. Индия. Индонезия: Путеводитель / Под ред. К.А. Носовской, Ю.А. Купиной, Ю.К. Чистова. СПб.: МАЭ РАН, 2012.

Кисляков В.Н. Об одной китайской коллекции из фондов МАЭ РАН (к 95-летию со дня рождения Г.А. Гловацкого) // Кюнеровский сборник. Материалы восточноазиатских и юго-восточных исследований: этнография, фольклор, искусство, история, археология, музееведение, 2005–2006. Вып. 5 / Под ред. А.М. Решетова. СПб.: МАЭ РАН, 2008. С. 83–88.

Краснодембская Н.Г. Искусство «Львиного» острова // Нева. 1963. № 7. С. 204–207.

Краснодембская Н.Г. Расписная сингальская керамика в собраниях МАЭ // Культура народов зарубежной Азии и Океании / Отв. ред. Л.П. Потапов, Р.Ф. Итс. Л.: Наука, 1969. С. 195–212. (Сб. МАЭ. Т. XXV).

Краснодембская Н.Г., Меренкова О.Н. Шри Ланка: изделия из черепахового панциря в прошлом и настоящем (по материалам коллекции А.М. и Л.А. Мервартов) // Бестиарий III. Зооморфизмы в традиционном универсуме. СПб.: МАЭ РАН, 2014. С. 115–128.

Краснодембская Н.Г. Цейлонская коллекция МАЭ. Экспедиция Академии наук 1914–1918 гг. // Культура народов Зарубежной Азии / Отв. ред. Л.П. Потапов, Р.Ф. Итс. Л.: Наука, 1973. С. 158–171. (Сб. МАЭ. Т. XXIX).

Решетов А.М. Материалы к биобиблиографическому словарю российских этнографов и антропологов XX век. СПб.: МАЭ РАН, 2012. (Кунсткамера. Архив. Т. V).

М.В. Хартанович

**ПО СЛЕДАМ КОЛЛЕКЦИЙ ЕГИПЕТСКОГО МУЗЕЯ
ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
В СОБРАНИИ МУЗЕЯ АНТРОПОЛОГИИ
И ЭТНОГРАФИИ ИМ. ПЕТРА ВЕЛИКОГО
(КУНСТКАМЕРЫ) РАН**

Зоя Леонидовна Пугач, видя интерес автора статьи к истории музея, предложила тогда еще начинающему сотруднику Кунсткамеры заняться историей Египетского музея, в стенах которого находится родной отдел Зои Леонидовны. Прошло почти десятилетие, и в том числе с «благословения» Зои Леонидовны была подготовлена эта статья.

Кунсткамера Императорской Академии наук в Санкт-Петербурге — первый в России государственный музей, основанный царем Петром I в 1714 г. В 1724 г. была учреждена Императорская Академия наук в Санкт-Петербурге. Универсальное музейное собрание императора Петра I, включавшее научные приборы и инструменты, естественнонаучные коллекции, произведения прикладного искусства, было передано в пользование профессоров Академии наук как научно-исследовательская база. Петр I издавал указы о пополнении музея редкостями рукотворными и природными. Еще при жизни Петра началось строительство специального здания для размещения Кунсткамеры. Оно было открыто уже при Петре II, внуке императора Петра I, в 1728 г., где и поныне размещается Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук — наследник и преемник Кунсткамеры Петра I. Собрания Кунсткамеры развивались за счет правитель-

ственных указов о пополнении музея Академии наук, экспедиций по физико-географическому и экономико-географическому описанию различных территорий Российской империи, кругосветных плаваний, покупок и даров частных лиц. Поступали предметы по анатомии, зоологии, ботанике, минералогии, палеонтологии, археологии, нумизматике и этнографии. Изначально формирование коллекций Кунсткамеры Академии наук XVIII в. отражало принцип универсальности способов организации знаний. В конце XVIII — первой половине XIX в. происходит разделение науки на различные дисциплины. Развитие науки этого периода и рост отечественной экономики требовали реорганизации Кунсткамеры из универсального музея в дисциплинарно организованные музеи с отдельными бюджетами. Это требование нашло свое максимальное выражение в Уставе Санкт-Петербургской академии наук 1836 г., преобразовавшего Кунсткамеру в ряд отдельных музеев: «Сохранению и управлению Академииверяются следующие заведения и ученые принадлежности: кабинет Петра Великого <...> музеи: минералогический, ботанический, зоологический и зоотомический с их лабораториями, ботанический сад, нумизматический кабинет, собрание азиатских и египетских древностей и этнографический кабинет» [Уставы Академии наук СССР 1974: 111].

В здании современного Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамеры) РАН с 1825 по 1862 г. располагался Египетский музей Императорской Академии наук. В современном отделе антропологии МАЭ РАН хранятся экспонаты, входившие в корпус Египетского музея академии. В настоящей статье предпринимается попытка обозначить вехи пребывания коллекций этого музея в стенах МАЭ РАН.

Египетский музей Императорской Академии наук был организован в связи с покупкой коллекции египетских древностей офицера австрийской армии дворянина из Милана Франсуа де Кастильоне [Материалы 1865: 158]. Он прибыл в Санкт-Петербург из Александрии на шведском корабле «София Мария» в конце 1824 г. В Петербурге у него были знакомые, встречавшие его еще в Египте, где Кастильоне занимался раскопками погребений в Мемфисе и Фивах [Северная пчела 1825]. С кем именно был знаком де Кастильоне в Санкт-Петербурге, а также достоверные причины, побудившие его показать свою коллекцию именно в российской столице и предложить ее именно российскому правительству, пока остаются невыясненными. Можно предположить, что некие влиятельные особы были заинтересованы в приобретении Российским государством крупного собрания предметов по материальной и духовной культуре Древнего Египта и становлении египтологии в России. Современник событий востоковед Осип Сенковский писал в газете «Северная пчела»: «Мы должны даже благодарить г. Кастильоне за привезение в нашу столицу прекрасного собрания его египетских древностей, которое, оставшись в нашем крае (мы имеем причины надеяться этого) прославит без сомнения не одно русское имя» [Там же].

Собрание Франсуа де Кастильоне насчитывало более 1200 номеров предметов. Известно, что император Александр I купил из его коллекции скарабеев для Императорского Эрмитажа. Предварительно собрание де Кастильоне осмотрел хранитель Императорского Эрмитажа Е.Е. Кёллер. Он

счел коллекцию скарабеев единственной группой памятников в собрании Кастильоне, которая могла бы быть принята в Эрмитаж, в Кабинет резных камней. Все прочие вещи, по мнению Кёллера, имели скорее историческую и филологическую ценность, нежели художественную [Воробьева 2006: 150–151].

Остальная часть коллекции египетских древностей Франсуа де Кастильоне была куплена Академией наук в сентябре 1825 г. за 40 000 руб. Причем 10 000 руб. были выплачены сразу же, остальная часть выплачивалась по 10 000 в три года без процентов. Переписка о покупке коллекции для Императорской Академии наук велась министром народного просвещения адмиралом А.С. Шишковым с президентом Академии наук С.С. Уваровым [РГИА. Ф. 733. Оп. 12. Д. 294].

22 октября 1825 г. президент Академии наук С.С. Уваров известил Комитет правления академии о покупке коллекции египетских древностей и предлагал комитету дать распоряжение о приеме коллекции в музей академии [СПФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 (1825), Л. 3–3 об]. В ответ Комитет правления сообщил Уварову о том, что в академическом музее на тот момент не было «главного смотрителя»: академик Н.Я. Озерецковский был слаб здоровьем, его помощник академик А.Ф. Севастьянов скончался, экстраординарный академик Х.И. Пандер находился в отпуске [СПФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 (1825). Л. 6]. В итоге египетская коллекция была поручена в ведение академика Ф.Б. Грефе, а в его отсутствие — помощнику библиотекаря Л.А. Шардиусу [СПФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 (1825). Л. 8]. 10 ноября 1825 г. Комитет правления Академии наук приказал бухгалтеру Бекману записать египетские древности по каталогу, составленному Шардиусом, в отдельную шнуровую книгу, «заведенную для вновь учрежденного при Академии египетского музеума» [СПФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 (1825). Л. 9–9 об; Станюкович 1953: 215].

Итак, в Египетский музей Академии наук поступили мумии в саркофагах, статуи, барельефы, скульптурные изображения божеств, рукописи и папирусы, вазы, сосуды. В документах второй половины XIX в. находим, в частности, перечень мумий в саркофагах: 1) мумия мужчины в маске коричневого цвета, при мумии — связка из бус, один скарабей и 4 скульптуры божеств; 2) мумия женщины «в чехле из полотна, украшенном живописью»; 3) мумия ребенка в маске и сапожках; 4) голова от мумии, в полотне, с волосами; 5) голова от мумии, с которой частично снято полотно; описание шестой мумии — неразборчиво [Опись коллекции № 5611].

В Кунсткамере Императорской Академии наук уже хранились немногочисленные египетские древности. В 1767 г. в Кунсткамеру были переданы «в подземных пещерах в катакомбах около северного Каира в расстоянии нескольких миль от Египетских пирамид:

1) найденный деревянный небольшой гробок и в нем мумия от недоноска;

2) деревянный размалеванный идол наподобие балясины с продолговатой бородою;

3) идолы египетские бирюзового цвета наподобие пелененых младенцев» [Летопись Кунсткамеры 2014: 305].

Упоминание некоторых предметов из вышеприведенного списка находим в путеводителе по музею Осипа Беляева «Кабинет Петра Великого» [Беляев 1800: 242–243].

Для Египетского музея в здании Кунсткамеры отвели два помещения на первом этаже. Стены помещений были отделаны живописной росписью по египетским мотивам. Оформлением занимался живописец Рихтер, взяв за основу “*Prisse d’Avannes Histoire de L’art egyptien d’après les monuments atlas*” [Станюкович 1953: 215]. Настенная живопись сохранилась поныне.

Русский писатель и журналист Н.И. Греч, путешествовавший по Германии в 1825 г., сравнивал берлинский и петербургский египетские музеи: «Еще достоин внимания египетский музей, во дворце Монбизу, но для меня в нем не было ничего нового: мне кажется, что египетский музей нашей Академии наук не уступает берлинскому» [Греч 1855: 133].

По Уставу Императорской Академии наук 1836 г. для содержания Египетского музея назначалось 142 руб. 80 коп. серебром. Таких средств было недостаточно для приобретения дорогих, редких в продаже и модных египетских древностей, кроме того, ни в Академии наук, ни в России вообще на тот момент не было ни одного египтолога. В последующие годы поступления в Египетский музей были незначительны [Материалы 1865: 158]. В декабре 1821 г. от французского археолога, директора Лувра графа Луи Николя Филиппа Огюста де Форбена в музей была передана мумия кошки [Летопись Кунсткамеры 2014: 502]. А в декабре 1827 г. купец I гильдии Анастас Аверов преподнес в дар три мумии в саркофагах [Станюкович 1953: 216–217].

21 ноября 1861 г. президенту Академии наук Д.Н. Блудову из Министерства императорского двора поступило предложение передать в Эрмитаж имеющиеся в академии египетские древности для пополнения раздела Эрмитажа, посвященного древним культурам. В письме упоминалось, что в Эрмитаже египетские древности были бы более доступны для публики, нежели в музее Академии наук. Также в письме ссылались на распоряжение императора Александра II предварительно снести с президентом Академии наук на предмет, «может ли означенное предположение быть исполнено без неудобства» [СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1–1861. Л. 1–2]. В ответе, последовавшем 30 января 1862 г., было изложено решение Историко-филологического отделения Академии наук. Сообщалось, что «большая часть предметов <...> принадлежит ко временам Птоломеев и римских императоров, т.е. к той эпохе, когда Египет был под влиянием греческих и римских идей, посему очень многие из сих предметов, как, например, надписи хотя происходят из Египта, но в действительности суть произведения греческие и римские. Таким образом <...> имеющийся при Академии так называемый Египетский музей не может представлять для изучения именно Египта и его истории достаточного пособия, ибо состоит из предметов лишь второстепенной важности в сем именно отношении». Кроме того, по мнению Историко-филологического отделения, египетские древности в стенах Академии наук служили расширению полезных для человечества знаний, а не простому удовлетворению любопытства [СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 — 1861. Л. 6–6 об].

22 мая 1862 г. президента Академии наук известили о том, что император Александр II пригласил для осмотра египетских коллекций академии директора картинной галереи Берлинского музея проф. Г.Ф. Вагена и заведующего Императорской Археологической комиссией в Риме С.А. Геденова [СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 — 1861. Л. 7–7 об]. 13 июня 1862 г. министр императорского двора В.Ф. Адлерберг информировал вице-президента Академии наук С.И. Давыдова о том, что император, учитывая мнение комиссии, повелел имеющееся в академии собрание египетских древностей, за исключением мумий, передать в Эрмитаж. Так как в 1825 г. Академия наук заплатила за египетскую коллекцию де Кастильоне из собственных средств, император предлагал возместить уступку коллекции дублетами монет и медалей Эрмитажа или другим способом на усмотрение академии [СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 — 1861. Л. 10–11 об].

21 июня 1862 г. вице-президент Академии наук С.И. Давыдов дал заведующему Египетским музеем Э.Д. Гриму распоряжение передать египетское собрание в Императорский Эрмитаж по описи, кроме мумий [СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 — 1861, Л. 12; Лапис, Матье 1969; Лившиц 1969].

Комиссия Академии наук по делу о собрании египетских древностей, состоявшая из академиков М.И. Броссе, А.А. Куника и В.В. Вельяминова-Зернова, представила заключение о способе вознаграждения за уступку Египетского музея. Предлагалось запросить сумму в размере 12 тыс. руб. серебром (эквивалент суммы, уплаченной в 1825 г.) на финансирование ряда научных работ, к которым из-за недостатка средств не могли приступить в Академии наук. В первую очередь предполагалось издать словари «татарских наречий», на которых говорят в пределах Российской империи и в Средней Азии. Такие словари ранее не составлялись и могли иметь не только научную, но и практическую ценность. Затем предлагалось издать географический словарь арабского ученого Йакута («Муджам-ал-булдан») и энциклопедию наук («Фигрист-ал-улум») сирийского ученого Абу-ль-Фараджа [СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 — 1861. Л. 15–17].

21 января 1863 г. императором были назначены 11 тыс. 500 руб. серебром с уплатой в течение трех лет начиная с 1864 г [СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 — 1861. Л. 41].

Из оставшихся немногочисленных предметов Египетского музея, собраний нумизматического кабинета и археологических экспонатов был создан Музей классической археологии, просуществовавший до 1890-х годов [Станюкович 1964: 45].

21 января 1881 г. директор Эрмитажа А.А. Васильчиков просил непрямого секретаря Академии наук К.С. Веселовского выдать В.С. Голенищеву оставшиеся в Академии наук из-за неимения в Эрмитаже в 1862 г. египтолога египетские древности. Таким образом, воля императора Александра II о передаче египетских коллекций Академии наук (кроме мумий) в Императорский Эрмитаж была бы исполнена полностью [СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 — 1861. Л. 43–43 об]. 31 января 1881 г. Конференция Академии наук поручила академику Л.Э. Стефани отобрать в музеях академии египетские предметы и передать их в Эрмитаж, исключая мумии, на которые распоряжение императора

не распространялось [СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 — 1861. Л. 44]. 10 марта 1881 г. во исполнение распоряжения императора Александра II от 13 июня 1862 г. в Эрмитаж были направлены следующие предметы:

«Из музея классической археологии:

- 1) шесть папирусных свитков, в том числе два поддельные, с приклеенными кусками папируса;
- 2) пятнадцать небольших статуэток богов, амулетов и фрагментов из смальты;
- 3) статуэтка бога Тума из бронзы;
- 4) золотой гриф с эмалью клуазоне;
- 5) одна сандалия;
- 6) несколько отрывков материи;
- 7) раскрашенная деревянная крыша саркофага;
- 8) статуя скорчившегося человека из песчаника;
- 9) верхняя часть гробницы из известняка.

Из музея по антропологии и этнографии:

- 1) первый саркофаг Петисис, с крышкой;
- 2) второй саркофаг Петисис с крышкой;
- 3) четырехугольный саркофаг Ата;
- 4) саркофаг пророка богов Шуи и Тефнут, Джофар;
- 5) первый саркофаг Пакеш, жреца Амона;
- 6) первый саркофаг женщины Баба;
- 7) второй, сломанный саркофаг женщины Баба;
- 8) саркофаг с именем Аменхотепа I» [СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 — 1861. Л. 48–49].

В последующие годы в Музее антропологии и этнографии продолжали храниться египетские мумии и египетские предметы из корпуса даров цесаревичу Николаю Александровичу во время его путешествия на Восток (1890–1891):

«1. Антропоидный чехол для мумии бубастидской эпохи из так называемой египетской папки, с обернутой мумией внутри (дар д-ра В.В. Юнкера в 1879 г. 1 м 68 см, 1 м 14 см в обхвате).

2. Кроме того, в том же музее находятся чехлы и мумии, саркофаги которых переданы большей частью в Императорский Эрмитаж и описаны В.С. Голенищевым в его *Inventaire* [Голенищев 1891]. К их числу относится прежде всего № 772 по каталогу Эрмитажа (с. 102) — мумия и чехол покойницы На-ирис.

3. Третий чехол не упомянут в *Invent*. Помещается в том же шкафу, что и пожертвованный доктором В.В. Юнкером, пострадал от времени. Имеет общий тип эпохи и подобен во многом описанным; на шее, между концами прически — две ленты крест на крест. На груди голова овна с солнечным диском и распущенными крыльями; в лапах — печати.

4. Деревянный гроб. Зеленоватая штукатурка отвалилась, равно и большая часть изображения.

Кроме того, в том же музее имеются:

5–7. Три мумии взрослых, упомянутых в инвентаре В.С. Голенищева, снабженные м.пр. обычной сеткой из голубых бус с нагрудником и статуэтками гениев.

8–9. Две детские мумии; одна из них с рисованной маской 0,78 м.д.

10. Копия с Зодиака в Дендера.

11–13. Ушибти из голубой глазури, без надписей. 0,049, 0,056 и 0,058 м.д. (№ 308¹ 7/3 инвент).

14. Скарабей из зеленой глазури с именем царя Mn-mi-R, Mry-Imn 0,016 м.д., № 308 (8).

15. Лягушка из синей глазури. На обратной стороне пьедестала правое магическое око. 0,011 м.д. (308–9).

16. Бес, в обычном голубом уборе. 0,017 ш. (308–10).

17. Эгида: богиня с головой льва и солнцем (308–11).

18. Лежащий лев из голубой глазури (308–12).

19. Четырехугольная пластинка.

20–21. Два золотых браслета в виде змей (308 4/2).

22. Золотой перстень александрийской работы (308–6).

№ 11–22 происходят из коллекции, собранной Его Императорским Высочеством во время путешествия по Востоку» [Тураев 1899: 116–120].

В 1928 г. в Военно-медицинской академии было проведено первое рентгенографическое исследование хранившихся в музее мумий. Работы выполнялись с целью изучения аномалий развития человека в разные исторические периоды [Михайловский 1929: 225–240].

В 1930 г. в Музей антропологии и этнографии был направлен запрос хранителя отделения классического Востока В.В. Струве о передаче из Академии наук в отделение классического Востока Эрмитажа египетских мумий. Это объяснялось стремлением сконцентрировать в пределах одного музея всего материала, относящегося к одной и той же культуре, а также намерением вернуть мумии в комплекс египетской коллекции, из которой мумии были изъяты при передаче собрания из Музея антропологии и этнографии в Эрмитаж. Кроме того, мумии планировали использовать на готовящейся Антирелигиозной выставке в Эрмитаже, в части, посвященной христианскому верованию в воскрешение плоти. Предполагалось сопоставить египетские мумии с нетленными мощами святых православной церкви². Весной 1930 г. из Музея антропологии и этнографии в Эрмитаж были отданы три египетские мумии [Опись коллекции 5611]. А в июне 1938 г. по распоряжению Президиума Академии наук СССР в Азербайджанский филиал Академии наук была передана мумия ребенка [Там же].

Тем не менее сегодня в отделе антропологии МАЭ РАН продолжают храниться египетские мумии, в том числе из коллекции Франсуа де Кастильоне: мумия взрослого, к которой приложена записка с именем собственным под

¹ Коллекция 308 МАЭ РАН, из которой ряд предметов были переданы в Государственный Эрмитаж.

² Заявление хранителя отделения классического Востока В.В. Струве от 03.02.1930 г. [Опись коллекции 5611].

знаком вопроса «Петисис»³, мумия ребенка, четыре головы египетских мумий, две из которых принадлежат к корпусу коллекции де Кастильоне [Опись коллекции 4483].

Библиография

Беляев О. Кабинет Петра Великого. СПб.: Издано по Высочайшему повелению, Императорской Академии наук, 1800. Отделение 1–3. Ч. II. 287 с.

Воробьева Н.Н. Предпосылки создания Египетского музея Императорской Академии наук (по архивным документам) // *Собор лиц: Сб. статей / Под ред. М.Б. Пиотровского и А.А. Никоновой.* СПб.; СПбГУ; ГЭ, 2006. С. 144–155.

[Греч Н.И.] Сочинения Николая Греча. СПб.: Изд-е Александра Смирдина, 1855. Т. 3. 484 с.

Ланис И.А., Матве М.Э. Древнеегипетская скульптура в собрании Государственного Эрмитажа. М., 1969. 242 с.

Летопись Кунсткамеры. 1714–1836 / Авт.-сост. М.Ф. Хартанович, М.В. Хартанович; отв. ред. Н.П. Копанева, Ю.К. Чистов. СПб.: МАЭ РАН, 2014. 740 с.

Ливиц И.Г. Росписи и надписи на саркофаге египтянки 'It дочери Ij // *Africana (Африканский этнографический сборник) VII.* Л.: Наука, 1969. С. 12–108. (Труды института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Т. 93).

Материалы для новаго устава императорской Академии наук и состоящих при ней музеев // *Журнал Министерства народного просвещения.* СПб.: В типографии Роговского и Ко, 1865. Ч. СХХV. 560 с.

Михайловский Б.Г. Опыт рентгенологического исследования египетских мумий // *Сб. МАЭ. Т. VIII.* Л.: Изд-во АН СССР, 1929. С. 225–240.

Северная пчела. СПб., 1825. Январь, 20. № 9.

Станюкович Т.В. Кунсткамера Петербургской Академии наук. М.; Л.: Наука, 1953. 240 с.

Станюкович Т.В. Музей антропологии и этнографии за 250 лет // 250 лет Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого. М.; Л.: Наука, 1964. С. 5–150. (Сборник МАЭ. Т. XXII).

Тураев Б. Описание египетских памятников в Русских музеях и собраниях // *Записки Восточного отделения императорского Русского археологического общества.* СПб.: Типография Императорской академии наук, 1899. Т. XI. Вып. I–IV. С. 115–164.

Уставы Академии наук СССР. М.: Наука, 1974. 208 с.

³ См. выше список саркофагов, переданных из Музея антропологии и этнографии императорской Академии наук в императорский Эрмитаж в 1881 г.

В.А. Прищепова

ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ РАБОТА А.Н. КОНДАУРОВА В ТАДЖИКИСТАНЕ

В 1930-е годы отдел Передней и Средней Азии МАЭ пополнился молодыми специалистами, которые после обучения часто уезжали на несколько лет к народам, избранным ими для изучения. В их числе был А.Н. Кондауров, научные интересы которого были связаны с культурой и бытом малых ираноязычных народов Памира, куда он неоднократно выезжал. В полевой работе А.Н. Кондаурову в значительной степени помогало знание восточных языков. Еще со времен Л.Я. Штернберга и В.Г. Богораза отличительной особенностью ленинградской этнографической школы 1920-х годов было изучение местных языков. В этот период главным направлением деятельности отдела Передней и Средней Азии стала разработка теоретических проблем этнографии. Увеличение объема исследовательских работ сотрудников было связано с созданием в 1933 г. Института антропологии и этнографии АН СССР.

В 1932 г. в Таджикистане работала Таджикско-Памирская комплексная экспедиция АН СССР, состоящая из двух отрядов. С.М. Абрамзон, будущий крупнейший специалист по кочевым народам, был начальником восточного отряда, в который кроме него вошли этнограф Е.В. Крючков, филолог А.З. Розенфельд и антрополог В.В. Гинзбург. Южная группа в составе Д.С. Комиссарова (руководитель), А.Н. Кондаурова, Х. Межеричкой, А.К. Смирнова и Гулямжанова (инициалы неизвестны) работала среди таджиков, узбеков, туркмен и казахов в южных районах Таджикистана.

Задачей экспедиции было всестороннее изучение отдельных окраин Гармской области — Каратегина, Вахио, Дарваза. В течение четырех месяцев участники экспедиции собирали материалы, в том числе в архивах, занима-

лись изучением родовых, социально-экономических отношений Восточной Бухары (восточные районы Таджикистана), национально-культурного строительства, истории басмачества, мелкой кустарной промышленности, труда и быта женщин, социально-гигиенической и антропологической характеристик таджикского населения.

А.Н. Кондауров собирал полевой материал об истории возникновения колхозного движения в таджикских, узбекских, туркменских и казахских селениях, по организации труда в колхозах, описывал сельскохозяйственные процессы, связанные с хлопководством, фиксировал наблюдения о положении женщины, материалы о типах жилищ, этнографические данные по арабам, цыганам и локайцам, о чем свидетельствуют его записи [Архив МАЭ. Ф. 9. Оп. 1. Д. 15].

Участнику отряда Таджикской экспедиции 1932 г. И.Н. Винникову, ученику И.Ю. Крачковского, В.В. Бартольда и Л.Я. Штернберга, в дальнейшем видному советскому арабисту, удалось собрать в районе Сарай-Камар некоторые сведения о времени появления здесь арабов. С этой немногочисленной группой населения встретился и А.Н. Кондауров. Из разговоров с арабами он узнал, что прежде они жили в другом районе. В период Гражданской войны и басмачества они ушли в Афганистан, а затем вернулись и поселились в нынешних местах.

Для Таджикской экспедиции было характерно обращение к современности. В 1929–1933 гг. в Таджикистане проходил первый этап коллективизации сельского хозяйства, прежде всего хлопкосеющих областей. В кишлаках южных районов республики, где сказывалось влияние патриархального уклада жизни, и в горных изолированных районах этот процесс протекал труднее и медленнее, чем в центре. На страницах полевых дневников А.Н. Кондаурова содержатся описания попыток советской администрации провести социально-экономические и культурные преобразования, борьбу с «пережитками прошлого» в сельских условиях Средней Азии. Например, на снимке показана бригада мужчин за жатвой ячменя.

Для формирования личности нового типа в Таджикистане, согласно программе советской власти, наряду с коллективизацией, необходимо было проведение культурных преобразований. Первоочередной задачей стала организация светского просвещения, ликвидация массовой безграмотности народа. Создавались такие новые для Таджикистана виды культурно-просветительских учреждений, как красные чайханы. На фотографиях А.Н. Кондаурова тех лет запечатлена красная чайхана в Кургантюбе. Мужчины сидят на берегу пруда в тени развесистого дерева на фоне мазанкового строения.

Одним из социальных проектов первых лет установления советской власти было проведение эмансипации женщин, в том числе в Таджикистане. В экспедиционной работе А.Н. Кондауров уделял значительное место сбору фактов именно по этому вопросу. В 1932–1933 гг. он даже написал статью «Труд и быт женщины в южных районах Таджикистана» [Архив МАЭ. Ф. 9. Оп. 1. Д. 22]. На снимках женская бригада занимается окучкой хлопка, женщины-активистки на колхозном слете. Группа женщин, некоторые вместе с детьми, сидят под деревьями, кутаясь в большие платки, явно без на-

Рис. 1. Бригада мужчин за жатвой ячменя. А.Н. Кондауров. 1932 г. Таджикистан. Таджикская комплексная экспедиция. Негатив. 9×12 см. МАЭ РАН. Колл. № И-73-18

Рис. 2. Красная чайхана. А.Н. Кондауров. 1932 г. Таджикистан. Таджикская комплексная экспедиция. Негатив. 9×12 см. МАЭ РАН. Колл. № И-73-62

Рис. 3. Женщины за полкой. А.Н. Кондауров. 1932 г. Таджикистан.
Таджикская комплексная экспедиция. Негатив. 9×12 см.
МАЭ РАН. Колл. № И-73-112

Рис. 4. Уход за детьми на полевых работах. А.Н. Кондауров. 1932 г.
Таджикистан. Таджикская комплексная экспедиция. Негатив. 9×12 см.
МАЭ РАН. Колл. № И-73-114

строения позирующие перед камерой. На других кадрах показаны женщины, согнувшиеся за прополкой. Одна из них держит рукой грудного ребенка, рядом с другой работницей пытается устоять малыш постарше. На фотографии

«Уход за детьми на полевых работах» видны несколько укрытий от солнца, шалашей, в которых сидят уставшие женщины в обнимку с детьми.

Фотографии, а также полевые записи А.Н. Кондаурова свидетельствуют о неудачах, сильном сопротивлении населения в первые годы становления советской власти решению женского вопроса, изменению положения женщины в обществе, привлечению ее к производственной работе в условиях патриархальных сельских отношений.

Участники Таджикской экспедиции выполнили фотографии, а также фотонаучные записи песен таджиков, язгулемцев, туркмен, узбеков, афганцев и киргизов. В конце октября отряд возвратился в Ленинград. Результатом работ явилась серия публикаций ее участников. Однако не все материалы, собранные в Таджикистане, были изданы (как, например, статья А.З. Розенфельд «Женщина горного Таджикистана в первые годы советской власти», написанная на основе впечатлений автора и содержащая немало интересных сведений о социальных отношениях горных таджиков, сохранявших еще во многом черты архаики).

Основные материалы, собранные А.Н. Кондауровым в долине реки Ягноб, он суммировал в статье «Некоторые материалы по этнографии ягнобцев» [Кондауров 1935], а также в монографии «Патриархальная домашняя община и общинные дома у ягнобцев» [Кондауров 1940]. Не все полевые сведения вошли в его опубликованные работы. А.Н. Кондауров предполагал продолжить исследования жилища таджиков, по которым им было подготовлено к печати несколько статей.

Александр Николаевич Кондауров родился в Петербурге в 1906 г. в семье служащих. В том же году умерла его мать, и он воспитывался до 1926 г. у дяди и бабушки. Учился А.Н. Кондауров сначала в гимназии, затем в школе г. Боровичи Новгородской губернии. В 1926 г. он поступил в Ленинградский государственный университет на факультет языкознания и истории материальной культуры. Позже перевелся на этнографическое отделение географического факультета по специальности «этнография народов Средней Азии».

Будучи студентом второго курса, А.Н. Кондауров проходил этнографическую практику в Карелии, работая по теме «Селение». Собранные во время экспедиции материалы он сдал в Петрозаводский краеведческий музей. На третьем курсе, в 1929 г., А.Н. Кондауров проходил практику в колхозе Курган-Тюбинского района Таджикистана, где проработал около двух месяцев заместителем председателя колхоза. Результатом этой поездки стали сделанные им доклады и его первая статья географо-экономического характера с некоторыми этнографическими наблюдениями, опубликованная в 1931 г.

В 1931 г. после окончания учебы А.Н. Кондаурова направили на работу в Сталинабад в Таджикский научно-исследовательский институт. Однако по приезду на место его назначили секретарем секретной части Народного комиссариата просвещения Таджикской ССР. В Сталинабаде А.Н. Кондауров провел около двух месяцев и еще столько же — в отряде по борьбе с басмачеством в одном из селений Локай-Таджикского района. Осенью 1931 г. он вернулся в Ленинград и вскоре поступил в аспирантуру Института народов Севера, затем оставил аспирантуру и с конца 1931 г. стал научным сотрудни-

Рис. 5. Общий вид долины р. Ягноб. А.Н. Кондауров. 1934 г. Таджикистан. Захматабадский район, долина р. Ягноб. Средний Ягноб. Негатив. 9×12 см. МАЭ РАН. Колл. № И-605-2

ком Института по изучению народов, реорганизованный в 1933 г. в Институт антропологии и этнографии АН СССР, где трудился до конца своих дней¹.

Работу по изучению населения Таджикистана, начатую в 1932 г. в Таджикской комплексной экспедиции, А.Н. Кондауров продолжил и в последующие годы. Так, в 1934 и 1936 гг. он совершил самостоятельные поездки в Таджикистан в долину среднего течения р. Ягноб и соседние с ней районы к ягнобцам и горным таджикам.

Осенью 1934 г. А.Н. Кондауров зафиксировал полевые наблюдения по самым разнообразным темам традиционной культуры ягнобцев кишлака Номиткан Захматабадского района: характеристика местности и жилища, сельскохозяйственные работы и домашние занятия, термины родства и семейные отношения, обычай гостеприимства и функции домов для гостей. Иллюстрацией к экспедиционным записям стала коллекция фотоснимков (колл. И-605), в которой содержатся виды долины реки Ягноб, селения Номиткан, типы мужчин, жилые и хозяйственные постройки, кадры, связанные с историей коллективизации в условиях горной изолированности Таджикистана.

¹ Современный МАЭ возник на основе Ленинградской части Института антропологии и этнографии АН СССР. Институт антропологии и этнографии АН СССР был создан в 1933 г. на базе Института по изучению народов СССР (ИПИИ), организованного в конце 1929 г. взамен КИПС (Комиссии по изучению племенного состава при АН СССР), возникшей в 1917 г. (ее задачей было составление этнографических карт страны с объяснительными записками).

Рис. 6. Селение Номиткан. А.Н. Кондауров. 1934 г. Таджикистан.
Захматабадский район, долина р. Ягноб. Средний Ягноб. Негатив. 9×12 см.
МАЭ РАН. Колл. № И-605-3

Рис. 7. Группа дехкан на перевыборном собрании. А.Н. Кондауров. 1934 г.
Таджикистан. Захматабадский район, долина р. Ягноб. Средний Ягноб.
Негатив. 9×12 см. МАЭ РАН. Колл. № И-605-21

В 1935 г. А. Н. Кондауров уезжает на четыре месяца в долину реки Ягноб и в Варзобский район Таджикистана, в следующем году — на полгода в Ягноб, на Памир, в район реки Хорга и в долину реки Шахдарья, в южную Киргизию, в район г. Оша.

Летом 1936 г. А.Н. Кондауров проездом в Ягноб посетил область верхнего течения р. Варзоб и долину левого притока р. Зидди. Эти две долины разделяли цепи гор Гиссарского хребта. В 1937 г. А.Н. Кондауров проанализировал собранные экспедиционные материалы в статье «Некоторые этнографические особенности населения верхнего бассейна р. Варзоб» [АМАЭ. Ф. 9. Оп. 1. Д. 22].

Целью поездки в Варзоб было знакомство с кишлаками ягнобцев — потомков выходцев из соседней долины р. Ягноб. К началу исследовательских работ А.Н. Кондаурова ягнобцы были малоизученным этносом: «Ягнобцы — один из древнейших иранских народов Средней Азии, говорят на особом ягнобском языке, отличном от наречий и диалектов таджикского населения смежных районов. Данные лингвистики свидетельствуют о том, что ягнобцы сохранили в своей живой речи отдельные фрагменты древнего согдийского языка. Согласно этим данным, предками современных обитателей долины Ягноб следует считать согдийцев. Согдиана, как известно из истории, одно из древнейших в Средней Азии государственных образований, существовавших еще в эпоху арабских завоеваний в VII и VIII вв. н.э. Вследствие этого лингвистическое и историко-этнографическое изучение ягнобцев представляет большой интерес», — писал в своих дневниках ученый [Архив МАЭ. Ф. 9. Оп. 1. Д. 22. Л. 2–3].

Поездка А.Н. Кондаурова в Варзоб давала возможность собрать и изучить этнографические материалы об особенностях быта и заимствованиях в языке и культуре варзобских ягнобцев, живших в таджикском окружении. Эти сведения исследователь сравнивал со своими более ранними полевыми данными. Экспедиция в Варзоб выявила некоторые характерные этнографические особенности населения этого района, что представляло для А.Н. Кондаурова самостоятельный интерес.

Для более глубокого изучения вопроса об истории заселения Варзоба А.Н. Кондауров записал предания таджиков и ягнобцев. Например, согласно расспросному материалу, собранному среди таджиков, выяснилось, что они считали себя потомками таджиков, пришедших сюда из различных районов Таджикистана. Предками зиддинцев, таджиков долины реки Зидди, считались выходцы из Каратегина и Дарваза.

А.Н. Кондауров собрал обширный и содержательный материал, главным образом по жилищу зиддинцев, ягнобцев, варзоцев, пережиткам патриархальной семьи и сельской общины, по сельскому хозяйству (земледелию и скотоводству, включая данные о количестве кишлаков и переселенцах-ягнобцах).

Дневники А.Н. Кондаурова передают климатические условия жизни горцев (в настоящее время изменивших традиционный уклад), воссоздают атмосферу экспедиционной жизни. В полевых дневниках А.Н. Кондауров писал о трудностях пешеходного перехода через перевал, длившийся пять дней. Из разговоров с проводниками он записал, что зимы в горах Ягноба бывают на-

столько суровы, что, случается, жители из верхних кишлаков переселяются в кишлаки ниже, где зима мягче.

После перехода через перевал перед А.Н. Кондауровым предстала долина реки Ягноб с горными ландшафтами, где он должен был работать, каньоны с живописными пейзажами: «Ягноб не представляет собой долины в полном смысле слова. Скорее это ущелье, на дне которого протекает Ягноб-Дарья. Все кишлаки расположены на высоте, также и поля. Почти отсутствуют ровные площадки. Поэтому все земли с большим уклоном. Иногда пашни идут, поднимаясь вверх небольшими террасами, разделяясь сложенными каменными грядами. Почвы крайне тяжелы для обработки, с массой мелких каменных осколков <...> Кишлаки небольшие, в несколько десятков дворов, на большой высоте группируются 3, 4, 5 между полями. Жилища и помещения для скота расположены друг над другом, причем совершенно отсутствуют глинобитные или каменные кладки, разделяющие жилище. Крыша одного дома как бы служит двором для другого <...> Строительный материал — каменные плитки и цементирующая глина. Изнутри стены оглажены глиной. Дерево в качестве строительного материала употребляется крайне мало, лишь для балок, для двери, иногда для ставен окон» [АМАЭ. Ф. 9. Оп. 1. Д. 14. Л. 3–4].

Небольшие селения ягнобцев долины реки Ягноб располагались на высоте около двух-трех тысяч метров. Сейчас ягнобцы общаются на двух языках — ягнобском, относящемся к восточно-иранской группе, и таджикском. В конце 1960-х годов жители Ягноба были переселены в долины для того, чтобы заниматься там хлопководством. После распада Советского Союза ягнобцы стали возвращаться для постоянного проживания в родные места.

Традиционные жилища строились из сланцевых плит и состояли из многочисленных жилых и хозяйственных помещений, часто объединенных под одной крышей, где хранились запасы топлива и корма для скота. Потолок поддерживали резные балки, в стенах были устроены ниши для домашних вещей. Все жилые помещения отапливались печами и каминами.

С искренней симпатией отмечал А.Н. Кондауров гостеприимство ягнобцев: «Путник находит ночлег и пищу, как ягнобец из другого кишлака, так и принадлежащий к другой национальности или району. Для прибывшего готовят чай, приносят лепешки и съедают вместе с ним за совместной беседой» [АМАЭ. Ф. 9. Оп. 1. Д. 14. Л. 11]. Эту запись исследователь сделал в ноябре 1934 г. в кишлаке Номиткан Захматабадского района Таджикистана, когда связь с другими кишлаками была затруднена из-за зимы, переход через перевал не использовался и купить что-либо из еды было чрезвычайно трудно.

А.Н. Кондауров записал эпизод, когда пришлось отложить устройство традиционного туя по случаю свадьбы по причине отсутствия риса для обязательного плова. Позже праздник все-таки состоялся. Вместо плова принесли лепешки, в которые добавили гороховую муку, горячее молоко, и все это превратили в подобие каши.

Вообще, говоря о традиционной пище ягнобцев, А.Н. Кондауров отмечал, что до недавнего времени важнейшей земледельческой культурой был ячмень, один из основных продуктов питания населения и корм для скота. От количества производимого ячменя зависело благосостояние хозяйства. Пшеницу

сеяли только в зажиточных хозяйствах. Обычным питанием для большинства были лепешки из ячменя в смеси с гороховой мукой и чай. Мясо употреблялось в редких случаях. Часто варили горячую похлебку из пшеничной муки с добавлением красного стручкового перца и бараньего жира. С лепешками пили коровье молоко, а также кислое обезжиренное, которое образовывалось после получения масла. В качестве лакомства поджаривали без масла зерна пшеницы.

По наблюдениям А.Н. Кондаурова, местное население питалось три раза в день. Обычно завтракали рано, до восхода солнца, чаем с лепешками, ячменными, чаще гороховыми. Днем, когда солнце стоит низко над горами, ели горячую пищу или жидкую, во многих случаях это была похлебка на молоке без мяса. На третий раз поздно вечером, после захода солнца, приходилась наиболее сытная пища, горячая, с чаем и лепешками [АМАЭ. Ф. 9. Оп. 1. Д. 14. Л. 13, 36].

Годы, когда А.Н. Кондауров работал в горных труднодоступных районах Таджикистана, были не только тяжелыми в продовольственном отношении. Эти поездки были и крайне опасными, ибо вплоть до 1933 г., по словам А.Н. Кондаурова, в Ягнобе держалось басмачество, которое «вербовалось из самого же населения Ягноба под агитацией мулл и бекства о необходимости борьбы с советской властью. Убийства советских работников, грабежи кооперативов и даже мирных дехкан селений. В настоящее время из среды бывших басмачей иногда организуются шайки человек по 7–15, которые вооружаются отбираемыми ими у дехкан охотничьими ружьями, большими палками и производят грабежи» [АМАЭ. Ф. 9. Оп. 1. Д. 14. Л. 31].

Полевые записи А.Н. Кондаурова изложены интересно и читаются без труда. Полевые дневники он вел аккуратно, свои наблюдения записывал чернилами либо карандашом. Вызывает сожаление, что его архивные материалы не используются исследователями, несмотря на то что этнографические наблюдения, собранные А.Н. Кондауровым почти век тому назад, уникальны, фиксируют многие черты традиционной этнографии, особенно ягнобцев, в большинстве своем уже изменивших свой образ жизни, переселенных в другие, более благоприятные в климатическом и бытовом отношении районы.

В процессе изучения местного жилища А.Н. Кондауров начертил довольно большое количество планов жилищ разных типов. Обследуя и описывая дома ягнобцев, он сопоставлял свои наблюдения с данными о постройках, собранными Г.Г. Гульбиным во время экспедиционных поездок 1926–1927 гг. А.Н. Кондауров изучал и аккуратно записывал местные термины, относившиеся к жилищу и семейным отношениям, собирал данные по домашней и по общественной жизни, наблюдал проведение собрания односельчан в доме для гостей — *михмонхоне*, записывал обычаи гостеприимства.

А.Н. Кондауров подчеркивал, что в отличие от таджиков, у которых в каждом доме была комната для гостей, у ягнобцев существовал общественный дом для гостей. Он отмечал, что, по рассказам населения, такие дома уже не строят, но в прошлом они находились в каждом селении, и даже по несколько, по числу кварталов, их сооружали и ремонтировали сообща. В дальнейшем

Рис. 8. Общественная *михмонхона*. А.Н. Кондауров. 1934 г. Таджикистан. Захматабадский район, долина р. Ягноб. Средний Ягноб. Негатив 9×12 см. МАЭ РАН. Колл. № И-606-19

появились частные дома для гостей, «в некоторых селениях ту же роль играли мечети» [Кондауров 1940: 22].

Общественная *михмонхона* у ягнобцев была местом, где собирались мужчины-односельчане для решения совместных дел, беседовали, слушали выступления местных музыкантов, певцов, сказочников, осенними или зимними вечерами вскладчину трапезничали, здесь же оказывали гостеприимство путнику.

Из экспедиции 1936 г. А.Н. Кондауров привез две коллекции негативов. Одна из них была сделана среди ягнобцев, другая — среди таджиков Варзобского района. В ягнобских кишлаках исследователь зафиксировал пейзажи, стационарные селения и летовки, жилища, их внутреннее устройство, общественные *михмонхоны*, а также развалины старинных крепостей. В фотоколлекцию по таджикам вошли снимки кишлаков и построек, жилых и хозяйственных.

Отправляясь в экспедиции, А. Н. Кондауров не только собирал этнографический материал по интересовавшей его тематике, но и, являясь представителем центрального научного учреждения, играл значительную роль в местной жизни. Например, он некоторое время провел в глухих местах Таджикистана, будучи сотрудником Комиссии по борьбе с бандитизмом, способствовал, как и остальные сотрудники отдела, установлению культурных и научных контактов центральных районов страны с национальной интеллигенцией.

Сохранившиеся документы свидетельствуют, что на фоне происходившего в 1920–1930-е годы подъема местного краеведения ленинградские исследователи оказывали поддержку представителям культуры разных национальностей, литераторам, собирателям фольклора, помогали в создании профессиональной науки, искусства.

Так, из одной поездки А.Н. Кондауров привез в качестве образцов памирской поэзии стихи Давлета Шо Хушвахтова, поэта и в те времена общественного деятеля Рушана и Шугнана, в 1938 г. работавшего директором Гостеатра в г. Хороге. По словам А.Н. Кондаурова о творчестве Д.Ш. Хушвахтова положительно отзывался и народный поэт Таджикистана А. Лахути. А.Н. Кондауров ходатайствовал о переводе на русский язык и о публикации его произведений, считая, что эти материалы могли бы быть использованы в работе в качестве дополнительного источника: «Творчество Хушвахтова насыщено богатым материалом, знанием быта и истории своего народа, отражает быт в прошлом и настоящем, достижения социализма, сдвиги в сознании населения, а также некоторые моменты из прошлой истории, в частности эпоху полунезависимых княжеств и положение рабов, институт нукерства, исмаилистские обычаи и др.» [АМАЭ. Ф. К-І. Оп. 1. Д. 410. Л. 1].

В 1935 г. в рамках Института антропологии и этнографии действовал своего рода семинар, который назывался Этнографической секцией, объединявшей различные региональные кабинеты. Так, кабинет (как в этот период назывались отделы) Передней и Средней Азии на своих заседаниях в рамках этого семинара заслушал доклад А.Н. Кондаурова «Жилище горных иранцев», в котором разбирались вопросы происхождения современных таджикских построек. А.Н. Кондауров рассчитывал продолжить работу по этой теме, которая в дальнейшем намечалась к диссертационной защите в следующем 1936 г.

В 1938 г. в связи с подготовкой сборника «Народы СССР» А.Н. Кондауров посетил на Памире Горно-Бадахшанскую автономную область Таджикистана, где собирал материал главным образом по современному сельскому жилищу и общественной жизни. В Мургабском районе и в районе г. Оша он зафиксировал современное и традиционное жилище оседлых узбеков и киргизов. Кроме того, он сделал снимки и планы современных равнинных жилищ в Киргизии. Иллюстрациями к полевым записям А.Н. Кондаурова служат фотографии, которыми он пополнил среднеазиатские фонды МАЭ. На основании материалов поездки появилась его статья «Припамирские народности», написанная для сборника «Народы СССР». Там же должна была быть напечатана еще одна статья А.Н. Кондаурова «Ягнобцы» [АМАЭ. Ф. К-І. Оп. 1. Д. 80].

В 1939–1940 гг. сотрудники отдела подготовили к изданию том серии «Народы СССР» — «Этнографический обзор народов СССР. Народы Средней Азии и Казахстана» [АМАЭ. Ф. К-І. Оп. 1. Д. 80]. Авторами глав были сотрудники отдела, в том числе А.Н. Кондауров, который должен был писать о киргизах, туркменах, а также о припамирских народах, шугнанцах, ваханцах, ишкашимцах, ягнобцах.

В 1940 г. вышла в свет монография А.Н. Кондаурова «Патриархальная домашняя община и общинные дома у ягнобцев», в которой предметом исследо-

вания стало развитие жилищной архитектуры одной из древнейших иранских народностей Средней Азии — ягнобцев [Кондауров 1940].

В конце 1940 г. Институт этнографии планировал создать коллективную монографию «Таджики». В состав редколлегии, кроме Н.А. Кислякова и А.Л. Троицкой, входил С.М. Абрамзон, в качестве консультанта привлекали известного ираниста профессора И.И. Зарубина. В подготовке книги принимал участие также А.Н. Кондауров. Ему поручили разделы «Хозяйственная деятельность», «Средства сообщения», «Селение и жилище», «Заключение». К 1941 г. он подготовил первые варианты разделов «Хозяйственная деятельность», «Основные занятия горных таджиков», «Скотоводство», «Селения и жилища таджиков», «Прочие занятия горных таджиков».

Осуществлению дальнейших научных планов А.Н. Кондаурова помешала война и начавшаяся вскоре блокада Ленинграда. В блокадные дни, кроме работы, связанной с охраной коллекций и зданий МАЭ, сотрудники продолжали научно-исследовательскую и музейную деятельность, несмотря на то что из всего состава отдела в Ленинграде оставалось четверо человек. Об этом свидетельствует «План работы отдела на ноябрь-декабрь 1941 г.». С каждым днем жизнь в городе становилась труднее, однако, судя по этому документу, объем работы не снижался и планировался без учета блокадных условий: «I. Продолжение работы по подготовке монографии “Таджики”. 1. Общее руководство работой и редактирование законченных глав монографии. Исполнитель — зав. отд. проф. И.И. Зарубин. 2. Окончательное оформление раздела “Хозяйство равнинных таджиков” для рецензирования и обсуждения на заседании отдела. Срок — 31/XI. Исполнитель — м.н.с. А.Н. Кондауров. 3. Подготовка и представление раздела “Хозяйство равнинных таджиков” для рецензирования и обсуждения на заседании отдела. Срок — 31/XII. Исполнитель — А.Н. Кондауров. 4. Подбор иллюстраций для монографии (с последующим окончательным отбором совместно с редактором и авторами). Срок — 31/XII. Исполнитель — А.Н. Кондауров» [АМАЭ. Ф. 9. Оп. 1. Д. 31].

На Ученом совете филфака ЛГУ 16 декабря 1941 г. А.Н. Кондауров защитил в качестве диссертации на звание кандидата филологических наук по специальности «этнография» монографию «Патриархальная домашняя община и общинные дома ягнобцев». Однако вскоре он заболел и в феврале 1942 г. умер от голода в блокадном Ленинграде.

Библиография

Кондауров А.Н. Некоторые материалы по этнографии ягнобцев // Советская этнография. 1935. № 6. С. 80-108.

Кондауров А.Н. Патриархальная домашняя община и общинные дома у ягнобцев // ТИЭ. 1940. Т. III. Вып. I. 80 с.

Е.Б. Толмачева

**СЮЖЕТНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ
ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ ФОТОГРАФИИ:
ВИЗУАЛЬНАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ НИЩЕНСТВА
В КОЛЛЕКЦИИ МАЭ РАН**

Количество сюжетов, которое может предоставить фотография для этнографического исследования, обширно. Одни темы, фиксируемые исследователями, становятся хрестоматийными и встречаются почти в каждой фотоколлекции, другие реже попадают в объектив камеры. Есть и вовсе уникальные материалы, которые можно увидеть у отдельных собирателей, а то и единожды. Тематическое разнообразие в этнографической фотографии почти не имеет границ. Это дает исследователям большой срез визуальных данных для изучения культур, однако и поднимает множество вопросов, связанных с интерпретацией и достоверностью источника.

Для первых десятилетий развития научной фотографии, до 1890-х годов, характерна однообразность сюжетов. Материал часто представлен статическим тематическим набором с большой долей художественной составляющей. Связано это во многом с тем, что первым и основным жанром этнографической фотографии становится портрет со всеми характерными для изобразительного искусства условностями, техниками и смыслами. Здесь сказывается то, что этнография как наука о человеке в неразрывной связи с его культурой репрезентируется в основном через ее носителя. И несмотря на то что ни один портрет, изготовленный как в студии, так и в культурном контексте, не может дать полноценный образ культуры, он всегда присутствует в материалах большинства исследователей и нередко становится основным жанром,

представленным в коллекциях. Именно через портретные материалы реализуется образ нищего в этот период. Таким образом, часто человек становится основным и даже единственным объектом полевой фотофиксации. Через него стараются передать очень многие стороны жизни. Однако когда коллекция ограничена только таким видом данных, визуальный документ о культуре получается односторонним и однообразным. Такой подбор изображений нередко говорит о поверхностном знакомстве с культурой, которая либо не позволила зафиксировать другие стороны быта, либо же сам исследователь не увидел данных для визуальной документации. Этнографическая фотография в большей мере функционирует в рамках регистрации публичной культуры. Очень немногим исследователям удается перейти рамки публичности и зафиксировать более интимные стороны жизни.

Бесспорно, любой портрет имеет множество градаций от просто зафиксированного лица до портрета в полный рост и в традиционной одежде или от группового портрета до материалов, которые можно охарактеризовать как жанровые сцены. Нередко градация тем остается на уровне личных ощущений зрителя, так как четких критериев и набора сюжетов, на основании которых можно было бы определить точный жанр таких изображений, почти не существует.

Постепенно, с развитием методики научной фотографии и большего вовлечения специалистов в полевые исследования, изображения становятся более разнообразными и тематически выверенными. Исчезает откровенная постановочность сюжетов, развивается репортажная работа. Это позволяет зафиксировать контекст бытования явлений. Объекты съемки менее вырваны из окружающего мира, что позволяет создавать серии данных и неполностью сконструированные образы. Все больше появляется жанровых сцен, на которых можно проследить взаимодействие людей друг с другом и распределение окружающего пространства.

При наличии значительной фотоколлекции можно проследить материалы во временном контексте, выявить наиболее популярные в определенное время сюжеты и повторяемость их в различных регионах мира. Изучение пространственных тематик позволяет проследить развитие способа и техники фиксации в историческом/этнографическом фотодокументе. Типичные образы прослеживаются посредством штампов, с помощью которых представляли народы, социальные слои общества, культурные особенности. Этнографическая фотография давала множество возможностей донести информацию и суждения о различных бытовых особенностях, уровне развития народов и их интеграции в европейскую культуру.

Надо понимать, что в любой, даже очень крупной коллекции материалы собраны неравномерно, одни регионы представлены широко, другие — совсем незначительно. Часть тем и сюжетов встречаются постоянно, другие — реже. Как всегда и бывает, одно явление вызывает интерес, другое считается рядовым в любой культуре. Здесь прослеживается прямая корреляция между регионами и зафиксированными сторонами быта. Одно и то же явление или разные стороны его бытования могут быть в одной стране зафиксированы чаще, чем в другой, однако это не всегда является показателем его распро-

странности и важности для культуры. Здесь в большей мере можно наблюдать интерес каждого конкретного исследователя/фотографа к определенным сторонам жизни общества.

Обращаясь к проблематике изображения нищих в этнографической фотографии, нужно отметить, что данный сюжет не является самым распространенным. Однако он систематически попадает среди материалов фотокolleкций начиная от самых ранних и прослеживается вплоть до 1950-х годов. Эта тематика является сквозной, в целом тему нищенства нельзя назвать очень популярной у исследователей. В большинстве случаев можно наблюдать одну-две случайные фотографии в отдельных коллекциях. Тем не менее эти сюжеты имеют общие тенденции в изобразительных средствах, содержании и построении композиции.

Среди массива фотокolleкций МАЭ РАН можно выделить несколько типичных групп нищих. Это, как правило, некие маргинальные сообщества, представляющие различные социальные группы и по-разному вписанные в культурные аспекты. Нищие стоят особняком в своих правилах жизни и занимают особое положение в обществе. Соответственно, и сами общества относятся к ним по-разному. Нищие представляют собой довольно яркие, хоть и не всегда приятные образы.

Нищенство в коллекции МАЭ оказалось представлено в фотографии через стандартные сюжеты:

- 1) религиозное нищенство (как правило, дервишизм);
- 2) нищенство, связанное с физическим недостатком, чаще всего со слепотой;
- 3) нищенство, вызванное бедностью.

В коллекции музея изображения, отразившие тематику нищенства, представлены из нескольких регионов. Так, религиозное нищенство зафиксировано яркими образами в Центральной Азии и на Ближнем Востоке. Отдельные снимки представляют Кавказ, Индию, Китай. Тогда как фотографии слепых нищих в основном охватывают материалы европейской части Российской империи и только отдельные данные представляют Японию и Среднюю Азию. Интересно, что тема бедности и бездомности представлена, как правило, в фотоматериалах с Дальнего Востока и из Ирана. Незначительное количество снимков, зафиксировавших нищенство, найдено среди сибирских и североафриканских фотографий. Как уже отмечалось, все три сюжета представлены у фотографов довольно однообразно.

В музейной коллекции почти отсутствует ряд очень характерных как для изобразительного искусства XIX — начала XX в., так и для фотохудожников сюжетов. Например, нищий, просящий милостыню, нищий на паперти христианской церкви. Можно предположить, что эта тема воспринималась собирателями как особое явление, которое не соответствует понятию об этнографическом сюжете. При этом существует довольно много изображений людей, просящих милостыню у мечети. Таким образом, можно предполагать осмысленный отбор материала для научного собирания и для распространения в коммерческих целях, а также заимствование и стандартизацию сюжетов.

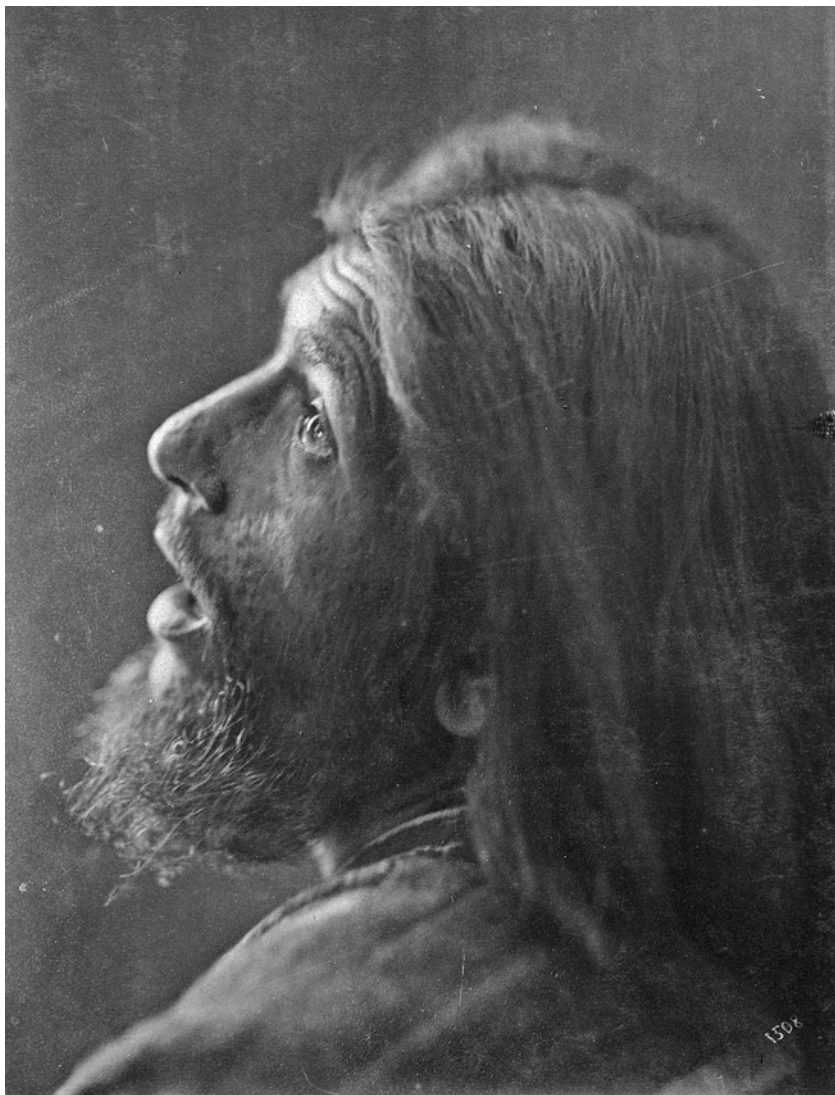

Рис. 1. Портрет дервиша. Иранцы (персы), Иран (Персия). Начало XX в.
Фотограф А.В. Севрюгин. Поступила от А. Тер-Оганесяна

Бесспорно, фотографов привлекало интересное, необычное явление — религиозное нищенство, в основном дервишизм. Оно проявлялось ярко, самобытно и имело широкое распространение. Сама проблематика скитаний, отказа от собственности и колоритность представителей приводили к их визуализации в романтизированном виде. В восприятии некоторых исследователей/фотографов, воспитанных в христианской культуре, возникало равенство между дервишем и христианским святым. Таким образом, осознание особенностей мусульманской культуры через культовые подтексты христианства создавало отсылки к стандартным формам в религиозном изобразительном искусстве. Апофеозом таких ассоциаций можно считать фотографию, зафиксировавшую голову дервиша в соответствии с образцами классического ис-

Рис. 2. Дервиши. Иранцы (персы), Иран (Персия). Начало XX в.
Фотограф А.В. Севрюгин. Поступила от А.А. Ромаскевича

кусства (рис. 1). Этот образ прослеживается настолько ярко, что без специального пояснения зрителю может показаться, что он видит изображение святого и, возможно, самого Иисуса Христа. Здесь нужно особо отметить фотографа А.В. Севрюгина, много лет проработавшего в Иране и создавшего целую галерею таких сюжетов. Пожалуй, именно его работы в большей мере послужили созданию романтизированного образа религиозного нищенства. Своей художественностью, философией и высоким качеством исполнения они затмили изображения всех остальных нищенствующих орденов разных религий.

Нередко дервиши изображались группами, или их фиксировали в несколько кадров. Такие съемки позволяли представить их специфический наряд и инструментарий. Образ дервиша невозможно перепутать ни с каким другим, фотографы использовали весь арсенал маркирующих средств фиксации образов. Несмотря на грязную поношенную одежду, дервиша всегда можно отличить от простого нищего через предметы, головные уборы, позы, взгляды (рис. 2).

Другие формы явления не вызвали столь широкого интереса. Среди представленных в коллекции групп нужно еще отметить странствующих буддистских монахов и религиозных нищих Индии.

Нищие-инвалиды имели свои особенности в репрезентации. Чаще всего в объектив фотографов попадали именно слепые. Не совсем понятно, почему не вызывало интерес у исследователей то, как функционируют в сообществе люди, имеющие другие физические недостатки. Возможно, это также связано с романтизацией образа слепого. Не случайно, одно из самых распространен-

Рис. 3. Слепой кобзарь с поводырем. Украинцы.
Украина, Черниговская обл. (Черниговская губ.). Начало XX в.
Поступила от Н.М. Могилянського

ных изображений слепого нищего в качестве музыканта (рис. 3). По-видимому, в жизни это действительно был самый простой способ заработка для человека с таким физическим недостатком. Чаще всего слепые музыканты зафиксированы в момент игры (или ее имитации) на музыкальных инструментах, причем обычно струнных. Только в нескольких случаях можно наблюдать игру на духовом инструменте среди изображений, изготовленных в Японии. Иногда слепцы фиксировались просто стоя или в момент движения по дороге, поэтому такие изображения особенно ассоциируются с бесконечностью постоянного путешествия. У них всегда есть сопровождающий-поводырь. Как правило, это мальчик или подросток. Стандартным атрибутом любого нищего является палка-посох — символ странника.

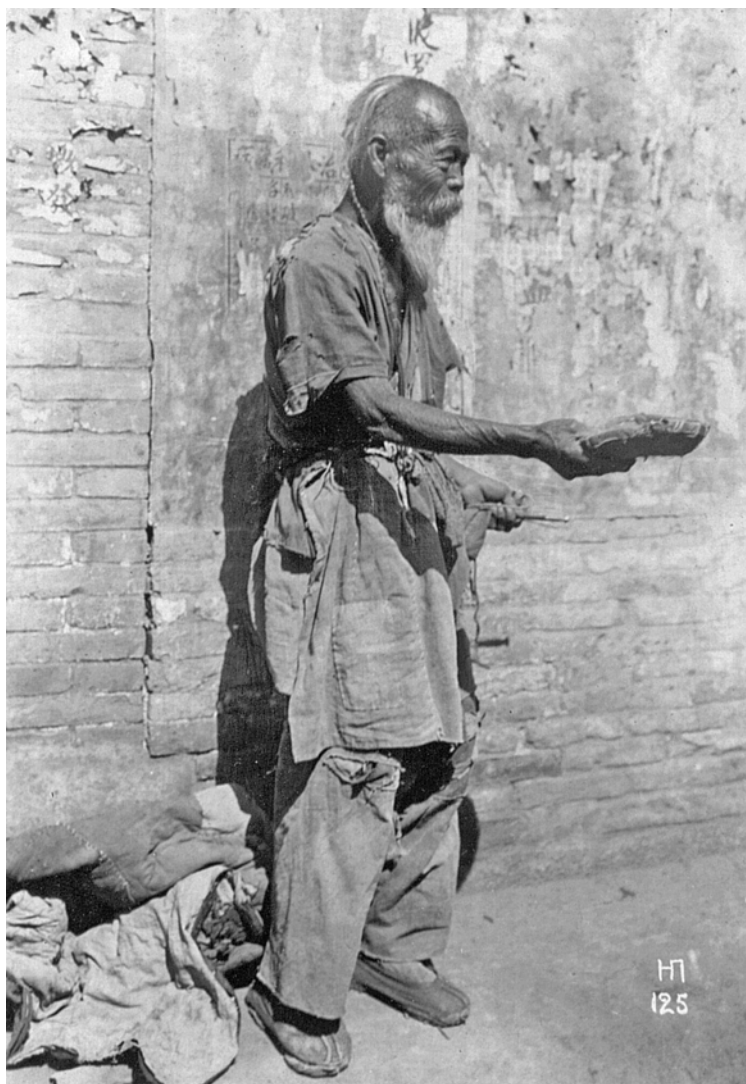

Рис. 4. Пекинский нищий. Поступила от Базарова в 1935 г.

Интересно то, что в коллекционных фотографиях в основном представлены слепые мужчины. Если предположить, что визуальный материал в определенной мере довольно точно фиксировал имеющиеся реалии, то напрашивается вывод, что слепые женщины были более вписаны в обязанности традиционного общества. Хождение за подаянием в данном случае было именно мужской необходимостью, единственной возможностью заработать.

Несколько иначе изображались нищие бедняки. Они часто зафиксированы в сидячих позах, или валяжно лежат и спят на земле. Это люди в грязной рваной одежде, у них нет жилья, они ночуют под открытым небом у костра. Они реже вызывают жалость и сочувствие, позитивное отношение к себе, несмотря на наличие большого количества детских образов. Для Дальнего Востока они часто ставятся на один уровень с преступниками, где нередко правона-

Рис. 5. Нищенка. Тегеран, Иран (Персия).
Изготовлена в 1889–1890-е годы. Фотограф А.В. Севрюгин

рушители превращались в нищих, так как были вынуждены жить подаянием. В таких материалах нищие зафиксированы совместно с преступниками, т.е. в некоторой степени были уравнены с ними в социальном статусе. Здесь нет идеализации образа, как у представителей религиозных орденов, или некоего благородства слепых музыкантов, зарабатывающих своим трудом. И в основном представлены именно мужские образы (рис. 4). Женщины в репрезентации нищих — редкий объект (рис. 5). Интересно, что изображение нищенок представлено в основном среди китайских фотоматериалов. Этот факт немного удивляет, так как использование детей — распространенный способ собирания денег. Возможно, он также не представлял этнографического интереса

для исследователей, как и многие другие стороны рассматриваемого явления. Ведь очень часто изображения, на которых представлены нищие, случайны. Основным объектом съемки мог быть другой сюжет.

Нужно помнить, что большая часть материалов XIX в. носит откровенно постановочный характер и, значит, заранее срежессирована. Таким образом, нельзя быть уверенным в том, что фотоматериалы отражают реальную ситуацию. Интерес к религиозному нищенству привел к появлению значительного количества изображений, перевешивающих многие не менее значимые аспекты культуры, таким образом, сложно оценить распространенность этого явления. Интересно то, что по фотографиям не всегда просто отделить нищего от обычного бедняка, так как старая, рваная, грязная одежда не является специфическим показателем этой группы. Здесь значимую роль играет подпись фотографа/собираателя. Однако возникает вопрос, насколько сам исследователь мог провести это разделение в ходе фотоработы.

Трансформация образа нищего прослеживается по визуальному изображению из разных коллекций. Чем менее постановочными становятся съемки, переходя в репортаж, тем менее привлекателен образ нищего. Он уже не выглядит благородным страдальцем, олицетворяющим нечто возвышенное. Он не стоит особняком от остальных через свою отстраненность от мира обычных людей.

Постепенно к 1920-м годам в коллекционных материалах исчезает образ религиозного нищего. Появившиеся в это время серии снимков позволяют представить реальные условия существования бродяг. Это больше не вырванные из контекста находящиеся в одиночестве даже посреди народа фигуры. Материалы, претендующие на репортаж, иначе вписаны в окружающий контекст: реализм таких изображений в расслабленных, жизненных позах, выражениях лиц, окружающей обстановке.

Подводя итог, нужно отметить, что изучение фотособрания с точки зрения представленных в нем тем позволит провести классификацию наиболее популярных сюжетов во временном развитии. Можно проследить изменение тематических интересов исследователей, которые ориентировались на собирание данных в определенном ракурсе. Смена методик фотоработы позволяла создавать изображения, шире представлявшие культурный контекст, и, соответственно, дала возможность современному исследователю увидеть общую картину быта. Бесспорно, такой источник, как фотодокумент, в силу своей неоднозначности должен быть подкреплён другими данными, несмотря на то что фотоматериал фиксирует культуру значительно шире, чем текст, сохраняя то, что попало в кадр, и в меньшей мере подвержен авторской трактовке фактов. Наличие в коллекции рассмотренных выше сюжетов позволяет оценить их бытование в разных культурах, составить некоторое представление о явлении и понять, как менялись взгляды исследователей в отношении данной проблематики.

О.В. Кондакова

ОПЫТ СРАВНИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА ДВУХ КАТЕГОРИЙ ИЛЛЮСТРАТИВНЫХ ИСТОЧНИКОВ (по материалам МАЭ РАН)

В статье рассматриваются иллюстративные материалы, имеющие отношение к коллекции мексиканской керамики, которая хранится в фонде отдела Америки Музея антропологии и этнографии (Кунсткамеры) РАН под номером 2015.

Коллекция была зарегистрирована заведующим отделом Центральной и Южной Америки Карлом Карловичем Гильзеном в октябре 1912 г., однако учетная документация свидетельствует о том, что она поступила в музей 2 июня 1783 г. [Опись колл. 2015], т.е. значительно раньше времени ее последующей регистрации. Таким образом, речь идет о первом американском приобретении музея со времен пожара 1747 г.

Первоначально коллекция состояла из 20 единиц хранения. Это были расписные керамические сосуды (чаши, кружки, кувшин, биконические и орнитоморфные сосуды) и фигурки (башмаки, черепаха, ящерица, кит, собака, скрипки). При составлении первого списка 1783 г. они были организованы как 18 отдельных предметов. Пара башмаков значилась под единым номером 2015-12/1–2, а сосуд № 2015-18 в списке отсутствовал. Его место занимала одна из двух скрипок, которые впоследствии были объединены под номером 2015-17/1–2. Сосуд в конце списка появляется лишь в «гильзеновской» описи. О его происхождении ничего не известно. Либо он входил в первичный состав коллекции, но по каким-то причинам не был включен в первый список, либо оказался в составе коллекции позднее. Форма и декор этого сосуда не

имеют прямых аналогий среди других сосудов коллекции, но цвет росписи и некоторые элементы орнамента напоминают те, что покрывают керамические фигурки под № 2015-15 и 2015-16.

В 1917 г. сотрудник МАЭ Самуил Мартынович Дудин занес в книгу поступлений иллюстративную коллекцию из 36 негативов с фотоснимками предметов отделов Дальнего Востока, Океании и Южной Америки [Опись колл. 2661]. Среди них находились семь негативов с изображениями шести предметов коллекции 2015. В настоящее время они хранятся в Особой кладовой МАЭ РАН и стали одним из двух видов изобразительных источников, которые легли в основу нашего исследования.

Другой источник представлен 18-ю цветными рисунками, сделанными на картонных карточках для картотеки по американским коллекциям МАЭ. Карточки были зарегистрированы в 1934 г. заведующей отделом Центральной и Южной Америки Нозми Григорьевной Шпринцин и помимо рисунка содержат размеры и краткое описание предмета. В отличие от негативов рисунки не являются коллекционными. Они выполнены карандашом и акварельными красками. Контурные некоторых из них выделены чернилами черного цвета. Составитель карточки не оставил подробного словесного описания предмета. В редких случаях делалось замечание относительно характера орнамента. Например, на карточке предмета № 2015-1: «Изображение птиц и цветов. На дне (с внутренней стороны) изображение черепахи», — или на карточке предмета № 2015-3: «Растительный». Информация о внешнем виде предмета передавалась изобразительными средствами. Такие карточки играли роль сопутствующих материалов при вещевых коллекциях и облегчали работу с предметами.

Рассуждая о специфике анализируемых рисунков, следует учитывать, что они не претендуют на статус художественных произведений. Изображения предназначались для передачи информации о внешнем виде предмета и должны были по возможности точно соответствовать облику оригинала.

Вышеупомянутые иллюстративные материалы приобретают первостепенное значение ввиду того, что коллекция понесла невосполнимые потери в 1936 г. во время пожара на экспозиции. С этого момента фотографии и рисунки, сделанные сотрудниками МАЭ, превращаются из вспомогательных учетных материалов в ключевые источники, дающие представление о внешнем виде утраченных и поврежденных предметов.

Основной задачей нашей работы является попредметное сопоставление нарисованных экспонатов с соответствующими фотоизображениями (при условии их наличия). Большинство предметов сохранилось только на рисунках, поэтому важно установить, насколько технически правильно и достоверно были выполнены прорисовки предметов и в особенности орнамента. Это необходимо для понимания того, в какой степени мы можем доверять этому источнику визуальной информации. Выявление особенностей исполнения рисунков делает возможной их критическую оценку.

Описание каждого предмета будет начинаться с порядкового номера, коллекционного номера, наименования предмета и указания доступных источников, на основе которых оно составляется.

* * *

1. № 2015-1. Сосуд. Рисунок

Чаша № 2015-1. Рисунок

На рисунке вид сверху чаши с двумя ручками. Контур венчика обозначен волнистой линией. Внутренняя поверхность чаши расписана красным и синим цветом по кремовому фону. На дне — изображение черепахи, которое в описи Гильзена характеризуется как рельефное. Рисунок не отображает эту особенность. Черепаха заключена в кайму из концентрических кругов — волнистая линия красного цвета, светло-красная линия и две линии синего цвета, разделенные свободным пространством. Стенки сосуда покрыты замкнутым по кругу линейным орнаментом, оформленным в виде четырех полей. Поля с профильным изображением птицы колибри, пьющей нектар из цветка, чередуются с полями сетчатого орнамента (ромбовидные ячейки на красном фоне). Узкие стороны полей с колибри декорированы бордюром из волнистой (сложенной из смежных дуг) и прямой линий с поперечной штриховкой между ними. Различаются два варианта такого бордюра, когда 1) концы смежных дуг волнистой линии замыкаются на прямой линии или 2) концы смежных дуг волнистой линии не достигают прямой линии.

От края венчика орнамент отделен двумя полосами синего цвета. Контур венчика и внешняя часть ручек покрыты синей краской.

На стенке сосуда графитовым карандашом нанесены вертикальные полосы штриховки. Можно предположить, что таким способом автор пытался передать рельефность стенок.

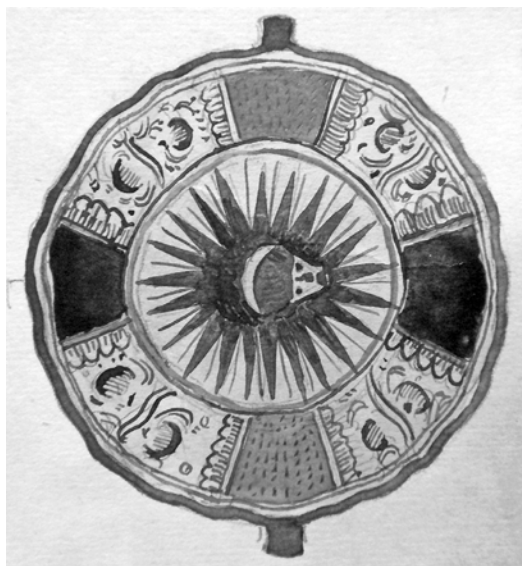
2. № 2015-2. Сосуд. Рисунок и две фотографии в разных ракурсах (негативы № 2661-5 и 2661-7)

На рисунке чаша показана в том же ракурсе, что и предыдущая, и имеет сходную с ней форму. По фотографиям становится понятно, что это полусфе-

рический сосуд на расширяющейся у основания ножке. Ручки расположены у края венчика. Стенки чаши изогнуты в виде волнистой линии.

На внутренней части дна изображено нечто похожее на антропоморфную «личину» с радиально расходящимися конусовидными лучами, которые чередуются с линиями. На фотографии, дающей вид сверху, заметно, что центр композиции (собственно «личина») выполнен в рельефной технике. Рисунок не отображает эту особенность. На фотографии линии между лучами завершаются завитками, в то время как на рисунке они показаны прямыми. Центральная композиция окаймлена концентрическими кругами красного и синего цветов.

Замкнутый по кругу линейный орнамент внутренней поверхности стенок разделен на восемь орнаментальных полей. Поля однотипного стилизованного растительного орнамента чередуются с полями, заполненными красным или синим цветом. Поверх полей красного цвета нанесены вертикальные ряды точечного орнамента (на рисунке точки сделаны графитовым карандашом). Поля геометрического орнамента окаймлены бордюрами из прямой и волнистой линий с поперечной штриховкой между ними (двух описанных под № 2015-1 разновидностей). Стилизованный растительный орнамент заключен в трапецевидное поле, пересеченное по центру двойной S-образной линией. По сторонам от нее в зеркальной симметрии расположены разнообразные за-

Чаша № 2015-2. Рисунок

Чаша № 2015-2. Фотография (вид сверху)

Чаша № 2015-2. Фотография (вид сбоку)

витки. От краев венчика линейный орнамент отделен двумя полосами синего цвета. Контур венчика и внешняя часть ручек покрыты синей краской.

Передача деталей растительного орнамента на рисунке довольно условна. Одна из S-образных линий имеет 3-образную форму, что не соответствует фотографии. Завитки не доведены до конца, мелкие детали в виде кругов, завитков и точек отсутствуют или прорисованы нечетко.

3. № 2015-3. Сосуд. Рисунок и фотография (негатив № 2661-10)

Рисунок и фотография показывают предмет в одном ракурсе, таким образом, что видна часть дальней внутренней стенки кружки в виде горизонтально вытянутого приплюснутого овала с волнообразными контурами. Стенки изогнуты в виде волнистой линии. В основании — низкий поддон.

Внешняя поверхность стенок расписана красным и синим цветом по кремовому фону. Линейный орнамент занимает верхние 2/3 стенок сосуда и разделен на два яруса. Центральным элементом верхнего яруса является растительный мотив миндалевидной формы со стеблями и листьями на концах. Стебли расходятся в разные стороны от вершины миндалевидной сердцевинки. Внутренняя часть листьев заполнена сетчатым орнаментом. У основания сердцевинки расположены два продолговатых листка с окрашенной внутренней частью. По центру миндалины проходит продольная косая штриховка. От нижних листьев до верхних стеблей миндалевидный элемент обрамлен двумя волнистыми линиями (по одной с каждой стороны). Пространство между линиями и элементом заполнено поперечной штриховкой, скошенной по направлению к центру. Орнаментальное поле верхнего яруса ограничено по бокам бордюром из волнистой и прямой линий с поперечной штриховкой между ними и широкой вертикальной линией красного цвета, поверх которой нанесена волнистая синяя линия.

Кружка № 2015-3. Рисунок

Кружка № 2015-3. Фотография

На рисунке нарушены пропорции центрального мотива — он удлиннен по направлению вверх. Точки и спирали, заполняющие свободное пространство орнаментального поля, на рисунке заменены на штриховку, которая обозначает волнистость стенок сосуда.

Верхний ярус орнамента отделен от нижнего двумя полосами — широкой и узкой. На рисунке показана только широкая полоса синего цвета. Орнамент нижнего яруса составлен из цепочки смежных дуг. Дуги синего и красного цвета чередуются между собой. Внутренняя часть синих дуг закрашена лишь частично, в то время как внутренняя часть красных дуг закрашена целиком и дополнена вертикальной штриховкой. В нижней части этот ярус окаймлен двумя полосами синего цвета и одной полосой красного цвета.

Поддон выделен красной краской. Внешний изгиб ручек окрашен в синий цвет.

Венчик декорирован одной широкой и двумя узкими полосами. На фотографии заметно, что широкая полоса составлена из двух линий либо разного цвета, либо двух оттенков одного цвета. На рисунке это не отражено.

Тени на рисунке показаны штриховкой графитовым карандашом. Блеск лощеной поверхности сосуда передан белой краской в виде прерывистых вертикальных полос на ребрах тулова и горизонтальной полосы по краю венчика. Контур рисунка выделены чернилами черного цвета.

4. № 2015-4. Сосуд. Рисунок

Кружка № 2015-4. Рисунок

На рисунке изображена кружка на поддоне. Две ручки расположены у края венчика. В средней части стенки сосуда имеют поперечный изгиб. Внешняя поверхность стенок расписана красным и синим цветом по кремовому фону. В верхней половине по центру расположен орнаментальный мотив в виде фигуры, заостренной на одном конце и расширяющейся на другом.

Широкий конец делится на три части. Левая часть завершается тремя завитками. Длинная средняя часть заострена на конце. Промежуток между средней и правой частями заполнен штриховкой с исходящим из него завитком. По бокам от центрального мотива — два бесформенных пятна красного цвета. Слева орнаментальное поле окаймлено волнистой линией (показана косой штриховкой) и штриховкой.

Сверху и снизу орнаментальное поле ограничено широкими и узкими полосами синего цвета. По центру нижней части стенок проходит полоса красного цвета. Поддон также окрашен в красный цвет. Внешний изгиб ручек выделен синим цветом.

Тени показаны штриховкой графитовым карандашом. Контуры кружки выделены чернилами черного цвета.

5. № 2015-5. Сосуд. Рисунок

Кружка № 2015-5. Рисунок

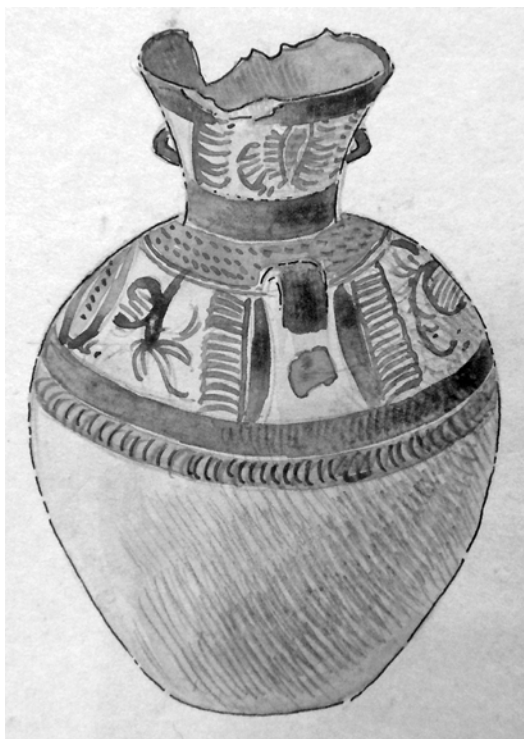
На рисунке изображена кружка на поддоне. Две ручки расположены у края венчика. В средней части стенки сосуда имеют поперечный изгиб. Внешняя поверхность сосуда расписана красным и синим цветом по кремовому фону. В верхней половине стенок по центру размещен орнаментальный мотив растительного происхождения. Из единой точки в левом нижнем углу расходятся продолговатые лепестки разной длины. Между лепестками изображены завитки. Справа и слева от центрального мотива расположены два бесформенных пятна красного цвета. По бокам орнаментальное поле окаймлено бордюром из вертикальных волнистых линий с горизонтальной штриховкой. Сверху оно ограничено двумя тонкими линиями синего цвета, снизу — полосы синего и красного цветов. Поддон выделен красной краской. Венчик окрашен в синий цвет. Ручки покрыты краской синего цвета.

Тени показаны штриховкой графитовым карандашом. Контуры кружки выделены чернилами черного цвета.

6. № 2015-6. Сосуд. Рисунок и фотография (негатив № 2661-4)

Сосуд с округлым туловом и узким горлом, переходящим в венчик раструба. Фотография и рисунок дают изображение сосуда в двух разных ракурсах, благодаря чему мы можем видеть различные части орнаментальной композиции.

Роспись красной и синей красками по кремовому фону покрывает верхнюю половину внешней поверхности стенок сосуда. Линейный орнамент состоит из двух ярусов. Верхний ярус занимает пространство от венчика до горла. Декоративные ручки делят его по вертикали на два орнаментальных поля. Рисунок показывает центральную часть орнаментального поля с растительным узором, напоминающим мотив с миндалевидной сердцевинкой. Точнее определить невозможно,

Сосуд № 2015-6. Рисунок

так как прорисовка дана схематично, а на фотографии эта часть композиции скрыта. Фотография четко демонстрирует только бордюры в виде волнистой и прямой линий с поперечной штриховкой. Параллельно прямой линии ближе к ручке проведена еще одна линия неравномерной ширины. На рисунке бордюры выполнены небрежно — волнистая линия прерывается, штриховка недостаточно частая, линия неравномерной ширины не показана. Верхний ярус орнамента отделен от нижнего широкой синей полосой, широкой красной полосой с тремя рядами точек и двумя узкими линиями синего цвета.

Нижний ярус также разделен двумя ручками на два орнаментальных поля. Ручки расположены на уровне плечиков сосуда, а их размер и форма отличаются от ручек верхнего яруса. Чуть ниже этих ручек по максимальному диаметру тулова проходит ряд ручек, идентичных ручкам верхнего яруса. На фотографии мы можем видеть целую ручку и сколы на месте, где находилась еще одна ручка. Если предположить, что ручки нижнего ряда расположены симметрично друг другу, то их количество должно равняться четырем — по две ручки в каждом орнаментальном поле.

Фотография дает полное изображение одного из двух орнаментальных полей нижнего яруса. По центру композиции вертикально проходит широ-

кая плавная Z-образная линия. Ее центр выделен красным цветом с поперечной штриховкой, по бокам — полосы синей краски. С двух сторон от Z-образной линии в центральной симметрии расположены два завитка с заштрихованной внутренней частью. Остальная поверхность поля заполнена стилизованными изображениями веточек с листьями. Для сопоставления изобразительных источников по этой части композиции мы можем использовать только рисунок правой половины орнаментального поля. Сравнение показывает, что пропорции и взаимное расположение деталей орнамента не соблюдены. Местоположение веточек на рисунке не соответствует действительности. Листочки отсутствуют. Волнистая линия бордюра передана прерывисто. Снизу ярус ограничен широкой синей полосой и широкой красной полосой с поперечной штриховкой.

Венчик и внешние поверхности ручек выделены краской синего цвета. Под ручкой среднего уровня — пятно красного цвета.

Тени на рисунке показаны штриховкой графитовым карандашом. Контур выделены чернилами черного цвета.

И фотография, и рисунок зафиксировали два крупных скола на венчике сосуда.

Сосуд № 2015-6. Фотография

7. № 2015-7. Сосуд. Рисунок

На рисунке изображена чаша с ручками и ножкой на круглом основании. В плане стенки чаши имеют форму четырехугольника. Волнистость стенок сосуда показана волнистыми контурами венчика и вертикальными полосами штриховки.

Росписью красным и синим цветом по кремовому фону покрыта как внешняя, так и внутренняя поверхность стенок. Внешняя поверхность декорирована линейным орнаментом. Узор прорисован условно, но в целом его можно определить как растительный. По центру расположен мотив шестилепестковой розетки с заштрихованной внутренней частью. По бокам от розетки находятся узоры, похожие на ветки с листьями. Боковые бордюры показаны в виде сетчатого орнамента. Снизу орнаментальное поле ограничено двумя узкими полосами синего цвета, сверху — широкой полосой синего цвета, проходя-

Чаша № 2015-7. Рисунок

щей по краю венчика. Полоса красного цвета опоясывает основание ножки. Внешняя поверхность ручек выделена синим цветом.

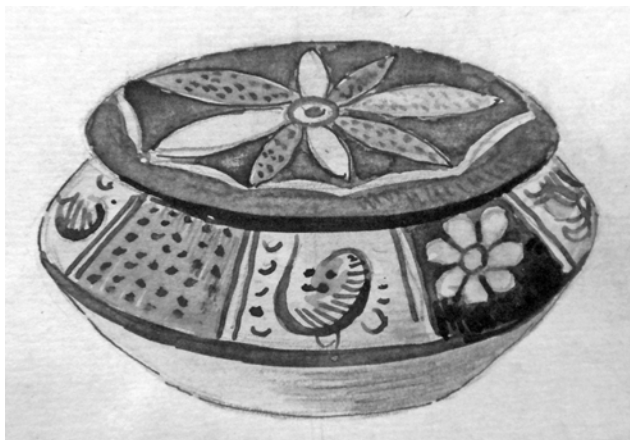
На декоре внутренней поверхности восьмилепестковые розетки синего цвета чередуются с кругами, заполненными красным цветом и точками (одна в центре, другие вокруг нее).

Тени на рисунке показаны штриховкой графитовым карандашом. Контуры выделены чернилами черного цвета.

8. № 2015-8. Сосуд. Предмет и рисунок

На рисунке изображен биконический сосуд с круглой крышкой. Роспись красной и синей красками по кремовому фону покрывает верхнюю половину внешней поверхности сосуда. Линейный орнамент доступной для обозрения части разделен на пять секций. Рассмотрим орнаментальные мотивы каждой секции в направлении слева направо. Внутри первой секции просматривается завиток с заштрихованной внутренней частью. От следующей эта секция отделена двумя узкими полосами. Вторая секция заполнена шестью вертикальными рядами точек синего цвета на красном фоне. Далее тот же бордюр в виде двух узких полос. В центре третьей секции — завиток с заштрихованной внутренней частью и пятном красного цвета с четырьмя точками. Слева от завитка — вертикальный ряд из пяти закругленных черточек. В правом нижнем углу секции — две черточки и завиток. Справа — бордюр в виде тонкой синей линии, не доведенной до нижнего края поля. По центру четвертой секции расположена семилепестковая розетка кремового цвета на синем поле. Справа — бордюр в виде тонкой синей линии. Орнамент пятой секции прорисован схематично, различимы лишь кривые линии синего цвета и красное пятно.

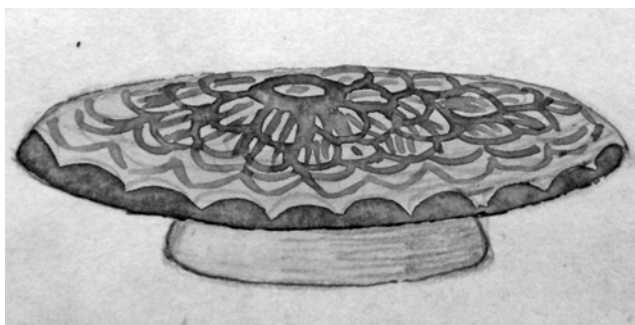
Крышка также декорирована росписью. В центре внешней поверхности находится восьмилепестковая розетка. Лепестки миндалевидной формы радиально расходятся от точки в круге. Лепестки красного цвета с точками и кремового цвета чередуются между собой. Вершины лепестков соединены дугообразными линиями бежевого цвета. Фон синего цвета.

Биконический сосуд с крышкой № 2015-8. Рисунок

К настоящему времени сохранился только сосуд. Его поверхность приобрела угольно-черный цвет. Часть точечного орнамента второй секции проявляется в виде выпуклых точек на поверхности.

9. № 2015-9. Крышка. Рисунок

Крышка от биконического сосуда № 2015-9. Рисунок

Крышка круглой формы на подставке. Роспись внешней поверхности выполнена синей краской по кремовому фону. От центра, обозначенного точкой в круге, радиально расходятся заштрихованные лепестки наподобие орнаментального мотива «рыбья чешуя». По краю проходит пояс смежных дуг, заполненных синей краской.

Крышка поступила в музей в комплекте с сосудом, но к моменту регистрации в 1912 г. сосуд был утрачен.

10. № 2015-10. Сосуд. Рисунок и фотография

И фото, и рисунок демонстрируют вид на левую боковую половину сосуда. Фотография сделана с более низкого уровня, чем ракурс на рисунке.

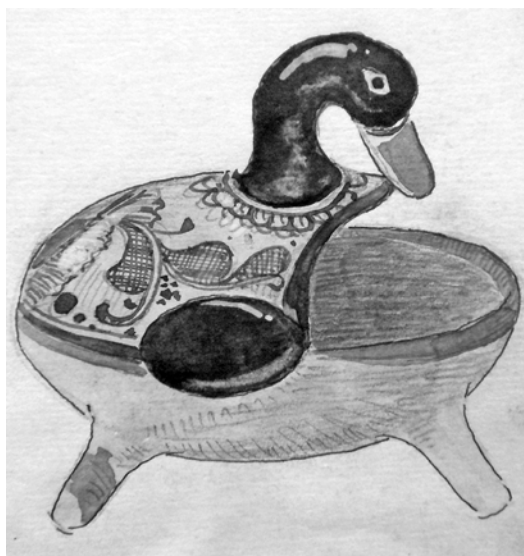
На рисунке изображен сосуд в форме утки на трех ножках. Горловое отверстие находится в задней верхней части туловища птицы. Росписью синим

и красным цветом по кремовому фону покрыта верхняя половина сосуда. Центральным мотивом композиции на груди утки является растительный орнамент с миндалевидной сердцевинкой. Стебель, уходящий вправо от верхнего края сердцевинки, делится на две ветви с тремя листьями, заполненными сетчатым орнаментом (два листка слева и один справа). Справа от сердцевинки проведена волнистая линия. Пространство между линией и сердцевинкой заполнено поперечной штриховкой. Снизу орнаментальное поле ограничено горизонтальными линиями: узкая и широкая линии синего цвета, широкая линия красного цвета. Свободное пространство орнаментального поля заполнено точками и спиралями. Сравнение этой части орнамента с фотографией показывает, что мелкие детали росписи на рисунке выполнены неточно. Некоторые элементы либо отсутствуют (например, две спирали, вырастающие из боковой части миндалевидной сердцевинки), либо расположены не на своих местах (например, группа точек между спиралями находится значительно ниже, чем это видно на фотографии).

Голова и шея утки окрашены в синий цвет. Основание шеи окаймлено полосой орнамента в виде прямой линии и пояса смежных дуг, заполненных поперечной штриховкой. Верхняя часть клюва окрашена краской красного цвета.

Сверху край горла отмечен полосой синего цвета, снизу — полосой красного цвета. На передних ножках — широкие полосы красного цвета.

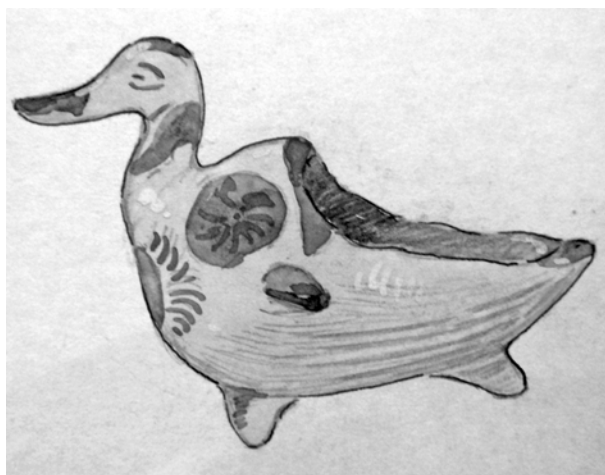
Тени на рисунке показаны штриховкой графитовым карандашом. Контуры выделены чернилами черного цвета. Блеск лощеной поверхности передан мазками белой краски.

Орнитоморфный сосуд № 2015-10. Рисунок

Орнитоморфный сосуд № 2015-10.
Фотография

11. № 2015-11. Сосуд. Рисунок

Орнитоморфный сосуд № 2015-11. Рисунок

На рисунке изображен сосуд в форме утки на ножках. Горловое отверстие находится в задней верхней части туловища птицы. Поверхность покрыта росписью серым, желтым и красным цветом по кремовому фону. На груди птицы видна лишь часть центрального мотива в виде серого пятна с исходящими от него изогнутыми черточками желтого цвета. Над центральным мотивом с правой стороны расположено округлое пятно серого цвета, на фоне которого изображен узор в виде черточек желтого цвета, расходящихся из одной точки. Справа под пятном — овальная область серого цвета с двумя полосками темно-серого и желтого цвета.

Шея окрашена серой краской, пятна серого цвета на клюве и макушке, желтое пятно на кончике клюва. Глаз отмечен двумя дугами с короткой черточкой между ними.

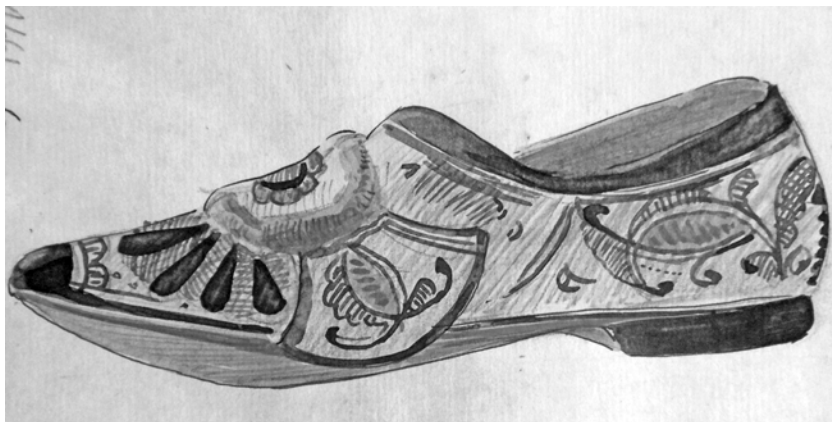
Нижняя часть венчика отколота, верхняя — отмечена полосой красного цвета.

Тени на рисунке показаны штриховкой графитовым карандашом. Контур выделен чернилами черного цвета. Блеск лощеной поверхности передан мазками белой краски.

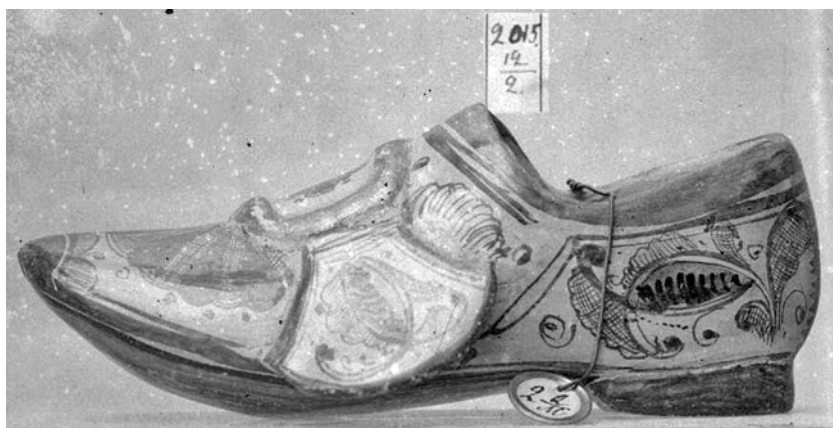
12. № 2015-12/1. Предмет, фотография, рисунок

Глиняный башмак, который в настоящий момент значится под номером 2015-12/1, до пожара числился под номером 2015-12/2. Этот же башмак запечатлен на фотографии и изображен на рисунке. Вероятно, башмаки поменяли местами уже после того, как они обгорели.

На рисунке изображен башмак на левую ногу, на каблучке и с пряжкой. Роспись синей, красной и желтой красками по кремовому фону покрывает внешнюю поверхность башмака. На носке помещен мотив полурозетки с сердцевинной и расходящимися из нее заштрихованными лепестками. Штриховка на фотографии более частая, чем на рисунке. Кроме того, на рисунке отсутствует завиток между лепестками.

Башмак № 2015-12/1. Рисунок

Башмак № 2015-12/1. Фотография

Под пряжкой по направлению к носку разворачивается более крупный мотив полурозетки без сердцевинки с продолговатыми лепестками. Между собой чередуются лепестки, заполненные синей краской, и лепестки, покрытые сетчатым орнаментом. Синие лепестки перекрывают сетчатые. На рисунке границы сетчатых лепестков изображены размыто, в то время как на фотографии они четкие и подчеркнуты двойной линией. Завитки, расположенные у межлепестковых впадин, на рисунке либо отсутствуют, либо изображены неявно.

Контуры пряжки выделены краской желтого цвета. В центре пряжки изображена розетка. На рисунке видна часть сердцевинки, обведенная синим цветом с внутренней штриховкой, и четыре округлых лепестка красного цвета с красными точками. На фотографии в центре пряжки различается только темное пятно.

В центре расширяющегося ремня с округлым краем помещен растительный мотив миндалевидной формы с двумя стеблями, расходящимися в разные стороны от нижнего конца. С левой стороны от верхнего края миндалевидной

сердцевины к нижнему проведена волнистая линия. Пространство между линией и контуром сердцевины заполнено поперечной штриховкой. На рисунке штриховка менее частая, чем на фотографии. Отсутствуют мелкие детали заполнения свободного пространства вокруг центрального мотива — точки, завитки. Изображение в этой части фотографии расплывчато, но справа от миндалевидной сердцевины различается тень от отсутствующей на рисунке детали узора. Контур ремешка обведен линиями синего цвета. На берце башмака справа от ремешка изображен узор в виде ряда вертикальных линий, соединенных между собой загибающимися кончиками. На фотографии он располагается отдельно от других элементов орнамента, а на рисунке частично перекрыт полосами синего цвета, которые проходят по канту башмака.

Задник башмака орнаментирован мотивом с миндалевидной сердцевинной и стеблями. Это более сложная разновидность мотива, когда основной элемент словно прорастает между двумя заполненными сетчатым орнаментом листьями и склоняется влево. Пространство между стеблями заполнено сетчатым орнаментом, окаймленным волнистой линией. На рисунке сетчатый орнамент заменен штриховкой, а спираль слева от него изображена неверно.

Тени на рисунке показаны штриховкой графитовым карандашом. Контур выделен чернилами черного цвета.

Роспись на сохранившемся башмаке полностью утрачена, поверхность приобрела угольно-черный цвет.

12. № 2015-12/2. Башмак. Предмет

Башмак № 2015-12/2. Современная фотография

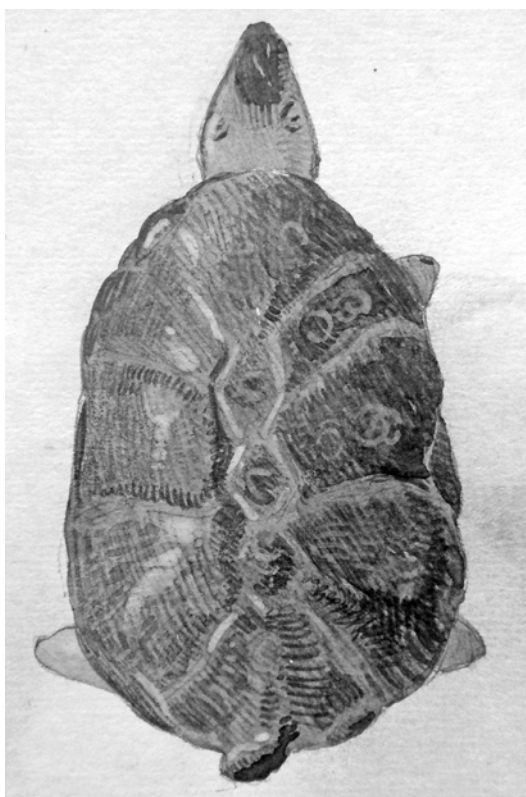
Башмак пострадал во время пожара, но под потемневшей поверхностью можно разглядеть роспись. В основных чертах она сходна с той, что покрывает предыдущий башмак. На носке — мотив полурозетки с сердцевинной и расходящимися из нее заштрихованными лепестками. Под пряжкой по направлению к носку разворачивается более крупный мотив полурозетки без сердцевины с продолговатыми лепестками. Между собой чередуются лепестки, заполненные одним цветом, и лепестки, покрытые сетчатым орнамен-

том. Сплошные лепестки перекрывают сетчатые. Контур пряжки обведены краской. В центре пряжки изображена шестилучевая розетка. Ее сердцевина подчеркнута широкой линией и заполнена сетчатым орнаментом. Лепестки закрашены краской. Между лепестками изображены завитки. По центру расширяющегося ремня с округлым краем помещен растительный орнамент миндалевидной формы со стеблями, расходящимися в разные стороны от нижнего конца. По бокам от сердцевины располагаются листья, заполненные сетчатым орнаментом. Контур ремешка выделены линиями. На берце башмака слева от ремешка изображена крупная точка, окаймленная с одной стороны рядом вертикальных линий, соединенных между собой загибающимися кончиками. Задник орнаментирован миндалевидной сердцевинкой и стеблями.

13. № 2015-13. Фигурка черепахи. Предмет и рисунок

На рисунке вид черепахи сверху. Голова и лапы покрыты краской бежевого цвета. На панцире — роспись бежевой и желтой красками по серо-синему фону. Узор состоит из кругов, завитков и штриховки. Кончик носа выделен коричневой краской. Блеск лощеной поверхности передан мазками белой краски.

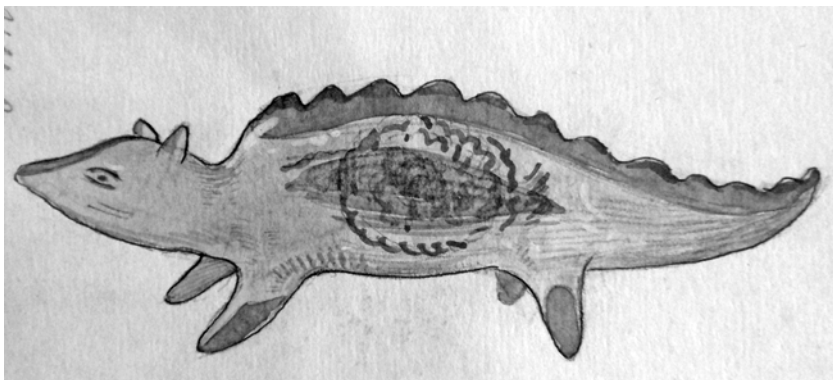
Фигурка черепахи сохранилась лучше, чем остальные предметы коллекции. На ней почти нет следов пожара, за исключением темных пятен на правой части головы, правой лапе и внутренней поверхности панциря. Черепаха лишилась нижней части панциря, о чем свидетельствуют следы соединения на внутренней поверхности верхней части панциря. Хвост и левая передняя лапа отреставрированы. Рисунок был сделан до реставрации, так как восстановленные лапа и хвост на нем отсутствуют.

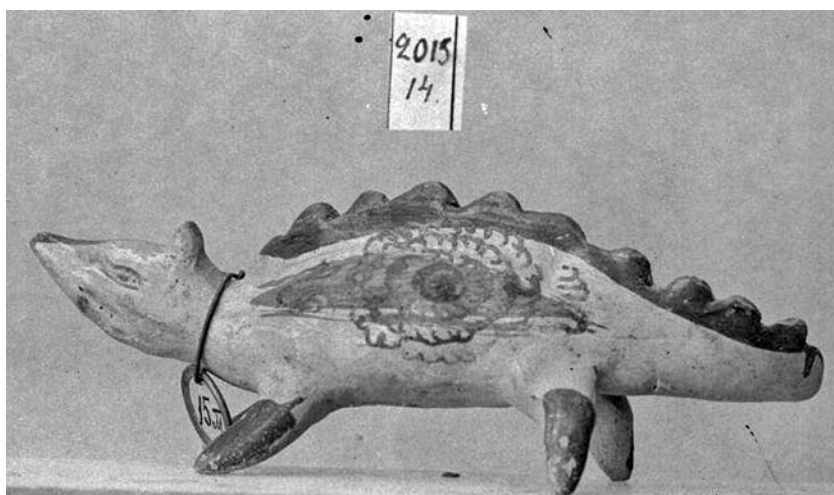
Фигурка черепахи № 2015-13. Рисунок

Судя по состоянию сохранности предмета, роспись на панцире черепахи сохранила свои первоначальные цвета. Благодаря этому мы видим, что автор рисунка пренебрегает точностью передачи цветовой гаммы, так как орнамент на панцире нанесен черной краской по темно-коричневому фону. Детали орнамента прорисованы условно.

14. № 2015-14. Фигурка ящерицы. Предмет, фотография и рисунок

Фигурка ящерицы № 2015-14. Рисунок

Фигурка ящерицы № 2015-14. Фотография

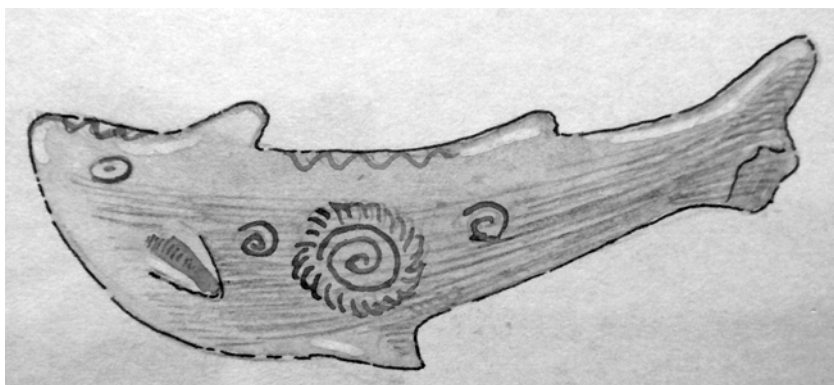
И на фотографии, и на рисунке отражен боковой вид слева, но на фотографии ракурс смещен чуть правее.

Роспись выполнена красной, серой и коричневой красками по кремовому фону. Красным цветом выделены гребень и внешняя поверхность лап. От макушки к кончику мордочки проведена линия. По центру туловища нанесен орнамент в виде плоско-выпуклой линзы, поверх которой изображена точка в круге с расходящимися от нее тремя концентрическими кругами, составленными из смежных дуг. На рисунке этот мотив передан схематично. Фигура плоско-выпуклой линзы стремится к двояковыпуклой форме. На фотографии дуги концентрических кругов следуют непрерывно, в то время как на рисунке они разрываются, линии располагаются беспорядочно. На фотографии не видно кончика хвоста, возможно, вследствие того что он круто загибается вправо. На рисунке изгиб хвоста показан, но он имеет плавные очертания.

Контур рисунка выделены чернилами черного цвета. Блеск лощеной поверхности передан мазками белой краски.

По сохранившимся остаткам предмета сложно судить о его первоначальном облике. Ящерица лишилась головы, лап, хвоста, одного из зубцов на сохранившейся части спинного гребня. После пожара фигурка приобрела угольно-черный цвет. На глянцевой поверхности проявляется матовая роспись.

15. № 2015-15. Фигурка кита. Предмет и рисунок

Фигурка кита № 2015-15. Рисунок

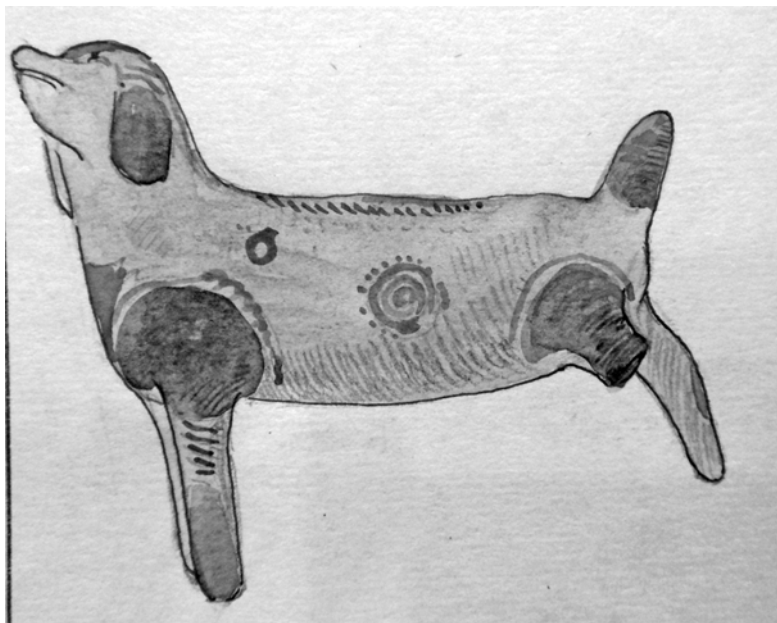
Рисунок показывает вид слева на фигурку морского животного. В списке XVIII в. и в описании Гильзена фигурка определяется как кит, но по строению плавников она больше походит на акулу. Роспись нанесена коричневой краской по кремовому фону. В центре боковой части фигурки узор в виде спирали окружен поясом из коротких изогнутых линий. По бокам от центрального элемента — две спирали меньшего размера. В верхней части морды и между двумя спинными плавниками проведена волнистая линия. На переднем боковом плавнике — продольная полоса.

Контур рисунка выделены чернилами черного цвета. Блеск лощеной поверхности передан мазками белой краски. Изображение заштриховано карандашом вдоль туловища.

На рисунке показано, что нижняя часть хвостового плавника отломана. Об этом же говорит подпись на карточке — «Часть хвоста отломана». Судя по почерку и чернилам, можно сказать, что подпись была сделана в момент составления карточки. К настоящему времени хвостовая часть сохранилась еще меньше. Верхняя часть хвостового плавника также отсутствует. Отломлена часть левого бокового плавника. После пожара фигурка приобрела угольно-черный цвет. На глянцевой поверхности проявляется матовая роспись.

16. № 2015-16. Фигурка собаки. Рисунок

Рисунок показывает вид слева на фигурку. Собака изображена стоящей прямо на четырех лапах, с поднятым хвостом и задранной вверх удлиненной мордой. Уши висят. Целиком показаны только левая передняя и правая задняя лапы. Правая передняя лапа скрыта за левой передней. Левая задняя лапа отломана. Роспись нанесена синей, красной и желтой красками по кремовому фону. Верхняя часть левой передней лапы выделена синим цветом с

Фигурка собаки № 2015-16. Рисунок

желтой штриховкой поверх него. Нижняя часть закрашена красным. Между ними пять поперечных штрихов синего цвета. Вокруг синего пятна проведена полоса синей краской. Верхняя часть левой задней лапы расписана аналогично верхней части левой передней лапы. В средней части правой задней лапы — пятно красного цвета. Синим и желтым отмечены уши и хвост. Грудь и верхняя часть головы окрашены в красный цвет. В центральной части левого бока собаки коричневой краской нанесен узор — три concentрических круга, окаймленные полосой из точек. Над передней лапой — круг коричневого цвета. Вдоль спины — штрихи синего цвета.

Контур рисунка выделены чернилами черного цвета. Тени показаны штриховкой графитовым карандашом.

17. № 2015-17/1–2. Скрипка. Рисунок и предмет

В первоначальном списке предметов коллекции было две глиняных скрипки, но до наших дней дошло изображение только одной из них.

На рисунке вид сверху верхней деки. Роспись выполнена синей и красной красками по серому фону. На деке под грифом помещен растительный мотив миндалевидной формы со стеблями, расходящимися в разные стороны от верхнего края. Пространство между расходящимися стеблями заполнено вставкой сетчатого орнамента. Область внутри левого усика покрыта точечным орнаментом. От нижнего края миндалевидного элемента также расходятся изогнутые линии (пять слева и четыре справа). Пространство между полосами и миндалевидной сердцевинкой заполнено штриховкой. Справа штриховка ограничена вставкой сетчатого орнамента, слева — волнистой линией. Миндалевидная сердцевина выделена красным цветом. Ниже этого мо-

тива изображены резонаторные отверстия в виде изогнутых линий. Под отверстиями помещен мотив в виде семилепестковой розетки, центр которой обозначен тремя концентрическими кругами. Лепестки продольно заштрихованы. Вдоль грифа проведена волнистая линия. Периметр деки и грифа обведен линией синего цвета.

По рисунку видно, что головка грифа скрипки была сколота. Завиток уходит вправо под углом.

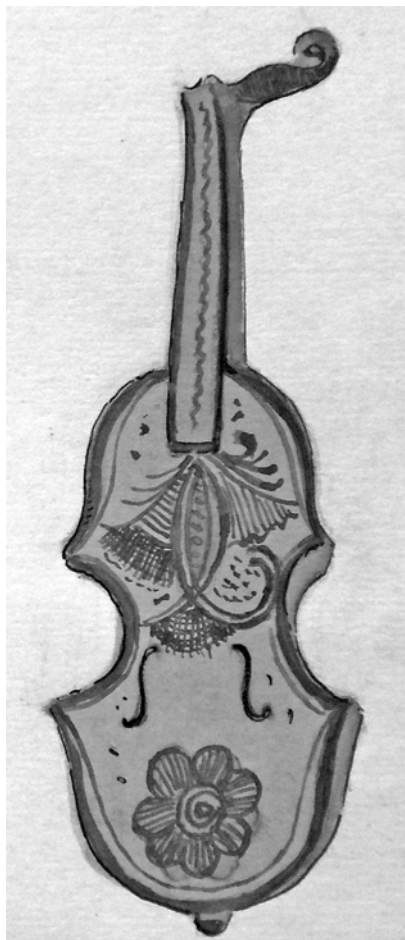
Контуры рисунка выделены чернилами черного цвета.

Поверхность сохранившейся скрипки приобрела угольно-черный цвет, из-под которого едва заметно проявляются отдельные элементы росписи. Гриф отколот до места соединения с декой. Резонаторные отверстия сквозные.

18. № 2015-18. Сосуд. Рисунок

На рисунке изображена чаша с ручками на поддоне. Округлое тулово слегка сужается в направлении венчика. Две ручки расположены у края венчика. Роспись выполнена коричневым цветом по кремовому фону. Линейный орнамент покрывает большую часть внешней поверхности тулова под венчиком. Поддон и нижняя четвертая часть стенок чаши не орнаментированы. Узор выполнен схематично: различаются кривые и точечные линии, спирали. Центральное место занимает мотив с точкой в круге и радиально расходящимися от него изогнутыми лучами. Орнаментальная полоса ограничена прямыми горизонтальными линиями (две — сверху, одна — снизу).

Контуры рисунка выделены чернилами черного цвета. Тени показаны штриховкой графитовым карандашом.

Скрипка № 2015-17/1. Рисунок

* * *

Сравнение изобразительных источников показало, что автор рисунков допускает ряд неточностей в передаче элементов орнамента. Отдельные мотивы изображены схематично, встречаются искажения форм и пропорций. На фотографиях мы видим, что свободное от основного узора пространство орнаментального поля заполняется всевозможными мелкими деталями —

Чаша № 2015-18. Рисунок

точками, завитками, спиралями, линиями, т.е. второстепенными элементами декора, которые автор рисунков игнорирует. Он показывает рельеф стенок в виде вертикальных штрихованных линий, но делает это не для всех сосудов с волнистым туловом. Рельефность центрального мотива двух первых сосудов на рисунках не отражена. В целом рисунок может служить источником для создания общего представления о характере орнамента, но не претендует на его доскональное воспроизведение.

Что касается цвета декора, то здесь рисунки выступают основным источником, поскольку фотографии черно-белые. Корректность выбора цвета автором рисунков подтверждается отдельными замечаниями на этот счет из описи К.К. Гильзена. Хотя, следует признать, что роспись единственного сохранившегося, как представляется, оригинальный цвет керамического образца (фигурка черепахи) не соответствует использованному на рисунке.

Анализ декора позволил выделить ряд орнаментальных приемов, отличающих рассматриваемую керамическую традицию. Во-первых, большинство образцов подчиняется общей цветовой гамме — роспись синей и красной красками по кремовому фону. Во-вторых, маркирующими признаками могут стать как отдельные мотивы, так и их сочетания. К первым относятся растительный узор миндалевидной формы и его разновидности, несколько вариантов розеток, сетчатый, штрихованный и точечный орнаменты в заполнении отдельных элементов, бордюр с волнистой и прямой линиями, точки, завитки и спирали в свободном пространстве. Последние представлены линейной организацией расписного декора, чередованием полей изобразительного и неизобразительного орнаментов.

Вышеперечисленные характеристики отличают керамику, которая с середины XVII в. изготавливалась в пригороде Гвадалахары (штат Халиско, Мексика). По наименованию населенного пункта она получила название лощеная Тонала. В археологической литературе встречается и другой термин — полихромная Гвадалахара. Это традиция, в которой слились воедино европейские, американские и азиатские гончарные технологии и эстетика. В XVII–

XVIII вв. керамика из Тоналы экспортировалась не только в американские колонии Испании, но и в метрополию, откуда попадала в частные и музейные коллекции других европейских стран (Франции, Британии, Германии). Образцы этой керамики оказались и на территории Российской империи, при дворе Екатерины II. Именно российская императрица указана в качестве дарителя коллекции 2015.

Коллекция в первоначальном своем виде была утрачена, но сохранившиеся иллюстративные материалы делают возможным изучение предметов. Благодаря рисункам и фотографиям мы знаем о формах изделий и особенностях орнаментации. Эта информация, наравне с изучением аналогичных экспонатов из собраний других музеев, позволит нам рассмотреть мексиканскую керамику МАЭ РАН в контексте европейского музейного коллекционирования XVIII в. В перспективе подобные исследования дадут ключ к пониманию специфики экспортного гончарного производства колониального времени в ремесленном центре Тонала.

В отделе Америки хранится карточный каталог по большинству американских коллекций МАЭ РАН. Часть карточек содержит нарисованные изображения предметов. Случай коллекции 2015 показал заложенную в рисунках музейную и научную ценность. Будем надеяться, что они никогда не станут основными источниками по составу вещевых коллекций, но их роль в учетно-хранительской деятельности музея нельзя недооценивать.

Источники

Опись коллекции 2015 // МАЭ РАН. Л. 3.

Опись коллекции 2661 // МАЭ РАН. Л. 3.

АННОТАЦИИ

Вспоминая Зою Леонидовну Пугач: к истории отдела Африки и африканского собрания МАЭ РАН (Калиновская К.П., Турьинская Х.М.)

Статья посвящена памяти нашей коллеги Зои Леонидовны Пугач, старейшего сотрудника отдела Африки МАЭ РАН, видного специалиста по этнографии Африки и музееведа-практика. К.П. Калиновская, в те годы сотрудник музея и отдела, очевидец и участник событий, происходивших в ленинградской африканистике, рассказывает о научной и музейной деятельности З.Л. Пугач в Кунсткамере начиная с середины XX в. Автор раскрывает роль Д.А. Ольдерогге в организации работы ученых-африканистов и музееведов в МАЭ РАН и, в частности, Зои Леонидовны, трудившейся в словарной, а затем в музейной группе сектора Африки и выполнившей ценнейшее исследование хранящихся в МАЭ РАН коллекций В.В. Юнкера, на материалах его путешествий в Центральнаяфриканский регион.

Х.М. Турьинская обращается к опыту старшей коллеги — З.Л. Пугач — в музейном описании и изучении африканских коллекций. Исследуя камерунские коллекции Кунсткамеры, автор фиксирует внимание на фигуре собирателя — Альфреда Мансфельда. Изучение обстоятельств, сопровождавших коллекционирование, а также исторического контекста формирования музейных собраний, — необходимое условие для научного труда по истории материальной культуры.

Ключевые слова: З.Л. Пугач, МАЭ РАН, камерунские коллекции, А. Мансфельд.

Желтов А.Ю. О последних пополнениях африканской коллекции МАЭ РАН, собранных в ходе экспедиций в Нигерию (2012 г.) и Танзанию (2013 г.)

Статья посвящена современным полевым исследованиям в Африке, проводимым российскими учеными. Наряду с выполнением специальных научных задач, в ходе таких поездок приобретает также интересный этнографический материал с целью пополнения фондов Африки МАЭ РАН. В Нигерии, куда ездили работать сотрудники кафедры африканистики СПбГУ, традиционные практики находятся в тени ислама уже несколько столетий, поэтому поиск аутентичных предметов, конечно, затруднен. Сложности этого процесса и атрибуция привезенных вещей описаны зав. отделом этнографии Африки доктором филологических наук А.Ю. Желтовым.

Ключевые слова: Нигерия, Адамауа, Танзания, новые поступления, традиция, артефакты.

Куценков П.А. Опыт сбора коллекции в стране догонов (Республика Мали, 2015–2016 гг.)

На основании опыта полевой работы в Мали в 2015 и 2016 гг. автор утверждает, что современное искусство догонов вовсе не существует исключительно «для туристов». Такие виды и жанры декоративно-прикладного искусства, как дверные засовы, двери зернохранилищ и домов, пользуются большим спросом прежде всего среди самих догонов. За десятилетия общения с туристами догоны образовали параллельный рынок произведений традиционного искусства — рынок «для своих». Следует отметить, что наличие спроса со стороны туристов способствовало сохранению тра-

дий, хотя в ряде случаев и приводило к утрате художественного качества. То, что предназначено «для своих», обычным туристам, как правило, не предлагают и даже не показывают. Ни в коем случае не следует преувеличивать значение полученных из литературы теоретических знаний о культуре и искусстве догонов: из десяти скульптур две поставят вас в тупик, поскольку не будут соответствовать хрестоматийным представлениям об искусстве догонов.

Ключевые слова: Догоны, Мали, современное искусство, жанр, традиция, скульптура.

Шарова А.С., Семенова В.Н. Скульптура догонов — обязательная составляющая музейных коллекций по африканскому искусству

Догоны — народ, проживающий на территории плато Бандиагара на юге Республики Мали. Одним из видов их искусства является скульптура, пользующаяся особой популярностью среди коллекционеров всего мира. На развитие скульптуры оказали влияние теллем. Статуэтки общества плато Бандиагара можно подразделить на антропоморфные и зооморфные. Они изображают персонажей мифологических сюжетов, а также обычных людей. Самыми распространенными являются скульптуры божества Номмо. Главным материалом служит дерево. Готовое произведение смазывается жертвенной смесью, состоящей из крови и рисового отвара, или маслом. Скульптура догонов — важный источник для изучения не только их искусства, но и религии, мифологии, традиций, быта.

Ключевые слова: Марсель Гриоль, догоны, скульптура, искусство.

Ляхович А.В. Искусство хауса в фондах Кунсткамеры: форма и содержание

В Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамере) хранятся предметы, выставочный потенциал которых еще только предстоит оценить. Речь идет, в частности, об экспонатах, относящихся к культуре народа хауса. Коллекция хаусанских предметов поступила в МАЭ в 1909 г. Сто тридцать семь предметов из Нигерии, Того и Камеруна были переданы через купца Е.И. Александра в рамках обмена с Лейпцигским музеем народоведения. Эти артефакты дают представление о разных сферах хаусанской культуры. Хорошо представлена в данной коллекции сфера, связанная с производством тканей и изготовлением одежды. Однако внимание автора привлекли в том числе оружие и металлические украшения, которые очень сложно идентифицировать, поскольку довольно затруднительно найти какую-либо информацию о них.

Ключевые слова: искусство хауса, ислам, коллекция, Нигерия.

Сиим (Москвитина) А.Ю., Добронравин Н.А. Письменная культура хауса в экспозиции и фондах МАЭ РАН

Зоя Леонидовна Пугач на протяжении многих лет была хранителем африканской экспозиции МАЭ при ЛЧ ИЭ им. Н.Н. Миклухо-Маклая, а впоследствии — МАЭ им. Петра Великого (Кунсткамеры) РАН, была знатоком всей африканской части фондов музея. Ее книга «Культура народов верховьев Нила (по материалам путешествий В.В. Юнкера)», опубликованная в 1985 г., посвящена материальной культуре динка, шиллук, нуэр и ряда других этнических групп, населяющих Верховья Нила. Однако изначально — по своему образованию и специфике деятельности в ранний период работы в музее — З.Л. Пугач была специалистом по языку и культуре хауса и в частности автором очерка истории изучения языка хауса. Биография З.Л. Пугач во многом

отражает эволюцию приоритетов отечественной африканистики в целом и научно-исследовательского института и музея, а также собственно сектора Африки.

Ключевые слова: Зоя Леонидовна Пугач, язык и культура хауса, научно-исследовательский институт, музейные коллекции.

Французов С.А. Петербургские списки эфиопского догматического сборника *Керэллос*: кодикологические и текстологические особенности

Основополагающим для богословия Эфиопской церкви является догматический сборник на языке геэз, включающий в себя произведения патристики антинесторианской направленности, по преимуществу св. Кирилла Александрийского, по имени которого данный сборник и получил название *Керэллос*, а также других отцов Церкви и видных церковных мыслителей, чья деятельность была связана с III Вселенским собором (Эфесским, 431 г.). В связи с тем, что рукописей этого сборника, переписанных до XVIII в., насчитывается менее десятка, особую ценность приобретает список Эф. 74 (= Орлов 4) из собрания Института восточных рукописей РАН, датируемый по косвенным данным XVII в. Второй список *Керэллоса* в ИВР РАН, Эф. 11 (= Кориандер 3), меньше по формату и скромнее по оформлению, хотя и восходит ко второй половине XIX в., также представляет известный интерес благодаря содержанию заключительной, третьей, части сборника. Оба списка следует учесть при подготовке будущего нового критического издания *Керэллоса*.

Ключевые слова: эфиопские рукописи, Эфиопская церковь, теология, Третий Вселенский Собор, Кирилл Александрийский, эфиопская коллекция списков Керэллоса в Санкт-Петербурге.

Гусарова Е.В. Эфиопские рукописи — наследство экспедиции Н.И. Ашинова в Абиссинию

Статья посвящена экспедиционной деятельности Н.И. Ашинова в Абиссинии в 80-е годы XIX в. В наследство от ашиновской миссии Россия приобрела пять эфиопских рукописей. Три из них привез Н.И. Ашинов, одна попала в Москву и две в Петербург. Две бережно хранил до самой смерти архимандрит отец Паисий, духовный наставник его миссии. Они также остались в Петербурге. Благодаря стараниям Н.И. Ашинова и других энтузиастов российско-абиссинского сближения петербургские коллекции пополнились значительным числом ценных эфиопских рукописных книг, и сегодня в Петербурге хранятся крупнейшие в стране собрания эфиопского рукописного наследия.

Ключевые слова: эфиопские рукописи, Н. И. Ашинов, экспедиция, история Эфиопии, русско-эфиопские дипломатические отношения.

Васильков Я.В. Об индийских «штиглицевских» коллекциях МАЭ РАН и об их собирателе

Индийские коллекции 3166–3170 из собрания МАЭ РАН были получены, как известно, в 1925 г. из бывшего Музея барона А.Л. Штиглица, а туда были доставлены в 1883 г. из Южно-Кенсингтонского музея (ЮКМ) в Лондоне. Отсутствие описей и информации о том, как эти предметы попали из Индии в ЮКМ, осложняло работу с коллекциями. Удалось, однако, установить, что они были собраны в Индии специально для Музея Штиглица молодым архитектором К.П. Кларком, в 1880–1883 гг. по заданию ЮКМ находившимся с закупочной миссией в Индии. Дубликаты прислан-

ных в Петербург изделий хранятся в Музее Виктории и Альберта (МВиА), консультации с сотрудниками которого позволили прояснить ряд возникавших при работе с коллекциями вопросов. Широта эрудиции, талант исследователя и художественный вкус, проявленные К.П. Кларком при сборе материала, были оценены по достоинству, что стало началом его карьеры от хранителя индийских коллекций ЮКМ до директора ЮКМ и МВиА, а затем и музея Метрополитен в Нью-Йорке.

Ключевые слова: индийские художественные ремесла, индийские коллекции МАЭ РАН, «Музей барона Штиглица», Южно-Кенсингтонский музей, Музей Виктории и Альберта, Музей Метрополитэн, Каспар Пэрдон Кларк.

Котин И.Ю. А.М. Мерварт — создатель и хранитель индийского отдела МАЭ, автор первого путеводителя по индийской экспозиции

В статье дается очерк жизни и деятельности А.М. Мерварта — создателя и первого хранителя индийского отдела МАЭ, анализируется текст путеводителя по экспозиции в сравнении с другими известными нам текстами, в частности программами учебных дисциплин по истории и этнографии Индии, подготовленными А.М. Мервартом. В статье отмечается огромный личный полевой опыт А.М. Мерварта, знание им индийских коллекций в европейских индологических музеях, знакомство с коллекциями этнографических музеев Цейлона и Индии, позволившее создать одну из самых богатых и совершенных экспозиций по этнографии Индии.

Ключевые слова: Музей антропологии и этнографии, Александр Мерварт, экспедиция в Индию, путеводитель по индийской экспозиции.

Альбедиль М.Ф. Образы народных верований в Южной Индии по материалам коллекции 3087

Статья посвящена описанию коллекции 3087, которую привезли в Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН супруги А.М. и Л.А. Мерварты из экспедиции в Индию, продолжавшейся с 1914 по 1918 г. В коллекции содержится более 60 экспонатов, дающих представление о народных верованиях и культах дравидского юга Индии. Они особенно тесно связаны с местными культами сельских богов — хранителей селений. В начале XX в. эта часть страны, чрезвычайно интересная с этнографической точки зрения, была совершенно не исследована. Между тем на дравидском юге индуизм сохранился в более цельном и ортодоксальном виде, чем на севере, где он был «размыт» во время иноземных нашествий. Экспонаты коллекции являются ценным источником для изучения народного индуизма, который всегда отличался от жреческой традиции.

Ключевые слова: коллекция, индуизм, дравидская Южная Индия, сельские боги, божества-хранители, местные культы.

Меренкова О.Н. Выставка цейлонских ремесел 1962 г. в контексте формирования южноазиатских коллекций МАЭ РАН (по архивным иллюстративным материалам)

В процессе сверки иллюстративного фонда 2015 г. по разделу «Индия» автором были обнаружены любопытные фотографии, первоначально атрибутированные как безномерные. Работа с архивами и тщательный анализ изображенных объектов показали, что найденные снимки сделаны во время проведения временной выставки «Искусство Цейлона», которая проходила с 17 сентября по 25 ноября 1962 г. в Музее

антропологии и этнографии на первом этаже в зале № 4, где сейчас находится экспозиция «Япония». Статья посвящена организации этой выставки в историческом контексте — с позиции пополнения фондов Музея антропологии и этнографии с 1955 по 1959 г.

Ключевые слова: Музей антропологии и этнографии (МАЭ РАН), искусство Цейлона, выставка, коллекции, иллюстративный материал.

Хартанович М.В. По следам коллекций Египетского музея императорской Академии наук в собрании Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамеры) РАН

В здании современного Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамеры) РАН с 1825 по 1862 г. располагался Египетский музей Императорской Академии наук. В современном отделе антропологии Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого хранятся экспонаты, входившие в корпус Египетского музея. В настоящей статье на основе архивного материала удалось обозначить вехи пребывания коллекции этого музея в стенах Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамеры).

Ключевые слова: Императорская Академия наук, Египетский Музей, египетские коллекции, Франсуа де Кастильоне.

Прищепова В.А. Этнографическая работа А.Н. Кондаурова в Таджикистане

В статье рассматриваются экспедиционные материалы, архивные и фотоколлекционные, одного из сотрудников МАЭ — А.Н. Кондаурова, выпускника этнографического отделения географического факультета ЛГУ. Его научные интересы были связаны с культурой и бытом малых ираноязычных народов Памира, куда он неоднократно выезжал. В 1932 г. в Таджикистане работала Таджикско-Памирская комплексная экспедиция АН СССР, для которой было характерно обращение к современности. В 1934–1936 гг. А.Н. Кондауров работал в горных труднодоступных районах Таджикистана, вел полевые наблюдения по разнообразным темам традиционной культуры ягнобцев. Иллюстрациями к полевым записям А.Н. Кондаурова служат фотографии, которыми он пополнил среднеазиатские фонды МАЭ. Основные материалы, собранные А.Н. Кондауровым в долине реки Ягноб, он суммировал в статье и монографии. До настоящего времени полевые материалы А.Н. Кондаурова не использовались исследователями, несмотря на то что этнографические наблюдения, собранные им почти век тому назад, уникальны, фиксируют многие черты традиционной этнографии, особенно ягнобцев, в большинстве своем уже изменивших свой образ жизни.

Ключевые слова: Памир, ягнобцы, полевые материалы, этнография, экспедиция, Таджикистан, фотографии.

Толмачева Е.Б. Сюжетная составляющая этнографической фотографии. Визуальная репрезентация нищенства в коллекции МАЭ РАН

Трансформация образа нищего прослеживается по визуальному изображению из разных коллекций МАЭ РАН. Нищенство в коллекции музея оказалось представлено в фотографии через стандартные сюжеты: 1) религиозное нищенство (как правило, дервишизм); 2) нищенство, связанное с физическим недостатком, чаще всего со слепотой; 3) нищенство, вызванное бедностью. Изучение фотоколлекций позволяет проследить изменение тематических интересов исследователей, которые ориентиро-

вались на соби́рание данных в определенном ракурсе. Смена методик фотоработы позволяла создавать изображения, шире представлявшие культурный контекст, и, соответственно, дала возможность современному исследователю увидеть общую картину быта.

Ключевые слова: Визуальная антропология, фотография, фотофиксация, музейная коллекция, нищенство.

Кондакова О.В. Опыт сравнительного анализа двух категорий иллюстративных источников (по материалам МАЭ РАН)

Статья основана на сравнительном анализе двух категорий иллюстративных источников — фотографий и рисунков предметов коллекции 2015. После пожара 1936 г. на экспозиции Латинской Америки эти материалы превратились в ключевые источники по внешнему облику утраченных вещей. Попредметное сопоставление фотоизображений и рисунков позволило критически оценить последние с точки зрения достоверности их прорисовки. Необходимость этой работы объясняется тем, что большинство предметов сохранилось только на рисунках. В первоначальном своем виде коллекция более не существует, однако иллюстративные материалы, созданные сотрудниками музея, делают возможной атрибуцию предметов.

Ключевые слова: иллюстративные источники, мексиканская керамика, лощеная Тонала.

ABSTRACTS

Kalinovskaya Klara P., Turinskaya Khristina M. Remembering Zoya Leonidovna Pugach: On the History of the Department of Africa and African collections of MAE RAS

The paper is dedicated to the memory of our colleague Zoya Leonidovna Pugach, who was the eldest staff member of the Department of Africa in the Museum of Anthropology and Ethnography, Russian Academy of Sciences. She was a renowned expert in African cultures and a practical museum worker. Former MAE staff member and Zoya Pugach's coworker Klara Petrovna Kalinovskaya recollects the research activity in Kunstkamera in which Z.L. Pugach participated since the mid-twentieth century. The author highlights the organizing role of Dmitry Alexeevich Olderogge in the scientific and museum work in the Department of Africa. In the second section of the article Khristina Turinskaya draws attention to Zoya Leonidovna Pugach's experience in the description and study of ethnographic materials from Africa. The author takes a look at the MAE artifacts from Cameroon and their collector Alfred Mansfeld, since the research of the field and museum work context is crucial for the history of material culture.

Keywords: Z.L. Pugach, MAE RAS, Cameroonian collections, A. Mansfeld.

Zheltoy Alexander Yu. About some new acquisitions to the African collection of MAE RAS collected during the expeditions to Nigeria (2012) and Tanzania (2013)

The article deals with some recent field work of Russian scholars in Africa. Besides fulfilling some other academic purposes very interesting ethnographical objects for African collection of MAE RAS are collected during these trips. In Nigeria traditional cultural practice has been under the shade of Islam for a long time, so, the search for original traditional artifacts is complicated. The difficulties of this process as well as the attribution of acquired objects are discussed in this paper.

Keywords: Nigeria, Adamawa, Tanzania, new acquisitions, traditional artefacts.

Kutsenkov Petr A. Field experience in the Dogon land (Mali, 2015–2016)

Based on field experience in Mali in 2015 and 2016, the author argues that contemporary art of the Dogon does not exist only “for tourists”. Some types and genres of decorative art (door locks, doors of granaries and the houses) are in great demand, especially among the Dogon. For decades of communication with tourists, the Dogon have formed parallel market of works of traditional art — that “for themselves”. One should note that the demand from tourists has contributed to preserving its traditions, although in some cases led to the loss of artistic quality. People in Dogon villages do not offer and not even show for tourists those objects “for themselves”. In any case, one should not exaggerate the value of obtained from the literature theoretical knowledge about the culture and art of the Dogon: ten sculptures for two will put you in a deadlock, as they would not conform to textbook notions about the art of the Dogon.

Keywords: Dogon, Mali, contemporary art, genre, traditional art, sculpture.

Sharova Alexandra S., Semenova Valeria N. Dogon sculpture as an imperative part of museum collections of African art

A great role in the dogon studies especially in constructing of their cosmology refers to M. Griaule who marked in this way some features of dogon art objects — masks and sculptures. It is considered that the *tellem* tradition exerted influence on the dogon art. Sculpture from Bandiagara plateau are divided into anthropomorphous and zoomorphous. The objects present fantastic characters or people in the neighborhood. The one of the most famous images is of the *Nommo* twins. The main material for production is wood. The dogon sculpture is main source not only for studying of their art but as well for the religion, history and social structure of this people.

Keywords: Marcel Griaule, dogon, sculpture, art.

Lyakhovich Anastasia V. Hausa art in Russia: Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (St. Petersburg)

Hausa art collections of Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography, one of the oldest museums in Russia, are remarkable as they display a diversity of cultural heritage of this one of the largest ethnic groups in Africa. This article discusses one of the richest collections of Hausa art at the Museum, granted in 1909. The collection comprises 137 objects from Nigeria, Togo and Cameroon. Provided examples from such areas as clothing, metal work, utensil, etc. demonstrate the variety of patterns associated with Islamic art in general. Identification and interpretation of many objects is problematic due to the lack of information.

Keywords: Hausa art, Islamic art, art collection, art of Nigeria.

Siim (Moskvitina) Anna Yu., Dobronravina Nikolai A. Hausa Written Culture at the Permanent Exhibition and Collections of MAE (RAS)

For a long period of time, Zoya Leonidovna Pugach was the curator of the African exhibition in the Museum of Anthropology and Ethnography (Leningrad Department of the Institute of Ethnography of N.N. Miklukho-Maklay) which was later renamed the Museum of Anthropology and Ethnography of Peter the Great (Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences. She had profound knowledge of the museum's African collections. Her monograph "Culture of Peoples of the Upper Nile (the collections from the expeditions of V. V. Junker)" was dedicated to the material culture of the Dinka, the Shilluk, the Nuer and other peoples of the Upper Nile region. However, after having graduated from Leningrad University, at the early stage of her museological career, Zoya Leonidovna was, first of all, a specialist in the language and culture of the Hausa people; she published an essay on the history of Hausa Studies. The biography of Z. L. Pugach reflects in many senses the evolution of scientific priorities in Soviet and Russian African Studies in general, and in MAE (especially its African Department) as a research institute and a museum in particular.

Keywords: Zoya Leonidovna Pugach, language, culture, Hausa, research institute, museum collection.

Frantsouzoff Sergey A. St. Petersburg manuscripts of the Ethiopic collection of dogmatic works Qerallós: their codicological and linguistic peculiarities

The theological concept of the Ethiopian Church is based on the collection of dogmatic works compiled in the Gə'əz language, which includes patristic treatises of anti-Nestorian

orientation composed *par excellence* by Cyril of Alexandria, after whose name that collection was entitled *Qerallos*, as well as by other Church fathers and prominent ecclesiastic thinkers, whose activities were connected with the Third Ecumenical Council (held in Ephesus in AD 431). Since the whole number of the manuscripts of that collection copied before the 18th century AD does not exceed ten, its codex kept in the Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences under the shelf-mark Ef. 74 (= Orlov 4) and dated, according to indirect criteria, from the 17th century proves to be of special value. The second copy of the *Qerallos* from the same Institute, viz. Ef. 11 (= Coriander 3), is of smaller format and of much more modest decoration: in spite of its dating from the 2nd half of the 19th century it is also of some interest thanks to the contents of its final part (the third one). Both copies should be taken into account during the preparation of a forthcoming new critical edition of the *Qerallos*.

Keywords: Ethiopic manuscripts, Ethiopian Church and its theology, the Third Ecumenical Council, Cyril of Alexandria, Ethiopic collection of works *Qerallos* and its St. Petersburg copies.

Gusarova Ekaterina V. Ethiopian manuscripts as the heritage of the expedition of N. I. Ashinov to Abyssinia

St. Petersburg for a long time since the very beginning of 19th century has been famous for its collections of Ethiopian manuscripts, objects of art and documents concerning Ethiopian history. At present they are concentrated in three state institutions and in several private collections of African art. The funds of the Russian National Library (formerly the Imperial Public Library), of the Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences (formerly the Asiatic Museum of the Imperial Academy of Sciences), of the Museum of Anthropology and Ethnography (commonly known as the *Kunstammer*) of the same Academy and the State Hermitage contain 209 manuscripts. Some other Ethiopian manuscripts are preserved in Moscow and other Russian cities. Three of them arrived in Russian Empire due to the Ethiopian expedition of N.I. Ashinov that made a racket in 1885-1889. Until recent times two of the manuscripts were hidden in the funds of the Theological Academy of St. Petersburg (now the funds take part of Manuscript Department of Russian National Library) and their existence was unknown for researchers of Ethiopian studies.

Keywords: Ethiopian manuscripts, N. I. Ashinov, expedition of Ashinov, Paisiy, Ethiopian manuscript tradition, history of Ethiopia, Russian-Ethiopian diplomatic relations.

Vassilkov Yaroslav V. The Indian “Stieglitz” Collections at the MAE RAS and Their Collector

The Indian Collections №№3166-3170 at the Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of Russian Academy of Sciences (MAE RAS) were transferred in 1925 from the former Baron Alexander von Stieglitz Museum that had acquired them in 1883 from the South Kensington Museum (SKM) in London. A lack of descriptions and information relating to the circumstances under which the objects were transferred from India to the SKM complicated work with the collections. However it has become possible to establish that they were collected in India between 1880–1883 specifically for the Baron von Stieglitz Museum by Caspar Purdon Clarke, a young architect who had been sent by the SKM to India as a special commissioner with the purpose of acquiring objects of art. Copies of the objects sent to St Petersburg are held at the Victoria and Albert Museum in London. Consultations with the museum curators have made it possible to clarify a number of questions that have arisen in course of work with the objects held at the MAE. Clarke's erudition, talent as a

researcher and unerring taste that had enabled him to collect all these objects received due recognition, which marked the beginning of a career that took him from keeper of the Indian collections at the SKM to director of the Victoria and Albert Museum, and in 1904, director of the Metropolitan Museum of Art in New York.

Keywords: Traditional Indian crafts, Indian collections of MAE RAS, “Museum of Baron von Stieglitz”, South-Kensington Museum, Victoria and Albert Museum, Metropolitan Museum, Caspar Purdon Clarke.

Kotin Igor Yu. Alexander Meerwarth — the curator and the author of his guid-book of Indian collections in the Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera)

In this article the biography of Alexander (Hermann Christian) Meerwarth is given and the analysis of his guid-book of Indian collections in the Museum is provided. Both published (the Guide-book) and unpublished papers of Alexander Meerwarth are analysed to show his deep expertise of Museum anthropology and Indology.

Keywords: Museum of Anthropology and Ethnography, Alexander Meerwarth, Expedition to India, Guide-book of Indian collections.

Albedil Margarita F. The Images of the Village Gods in South India (Materials Collections 3087)

The article is devoted to the collection № 3087, which was brought to Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) spouses A.M. and L.A. Mervarts from an expedition to India (1914 -1918 years). The collection contains more than sixty exhibits, which give an idea of folk beliefs and cults in Dravidian South India. They are especially closely connected with the villages gods, guardians deities. At the beginning of the XX century this part of the country, extremely interesting from the ethnographic point of view, has been not investigated. Meanwhile, in the southern Dravidian Hinduism survived in a more complete and orthodox form, than in the north, where it was modified during the foreign invasions. The exhibits of the collection are a valuable source for the study of folk Hinduism, which is always different from the priestly tradition.

Keywords: collection, Hinduism, Dravidian South India, villages gods, guardians deities, local cults.

Merenkova Olga N. The Exhibition of Ceylon Art 1962 in the context of formation of South Asian collections of MAE RAS (analysis of archival illustrations)

During reconciliation of archival illustrations, concerning India in 2015 several interesting unidentified photos were found. Firstly, it was difficult to trace their number and belonging to any certain Indian collection of MAE RAS. Due to archival materials the author successfully managed to explore that photos partly illustrated the temporary exhibition “The Ceylon Art” which took place in 17/09-25/11 1962 in the Museum of Anthropology and Ethnography on the first floor, where visitors can see now collections dedicated to the culture of Japan. The article describes organization of exhibition in the historical context and specifies its importance for formation of Indian collections of MAE RAS.

Keywords: Museum of Anthropology and Ethnography (MAE RAS), Ceylon Art, exhibition, collections, archival illustrations.

Hartanovich Maria V. Tracing the Imperial Academy's of Sciences Egyptian collection in the contemporary Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) RAS

Imperial Academy's of Sciences Egyptian Museum was housed in the building of the present Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography within 1825–1862. The Museum's Department of Anthropology preserves several items from the Egyptian Museum. Based on the archive materials the milestones of Egyptian collection lodging in the building of the Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography are traced.

Keywords: Imperial Academy's of Sciences Egyptian Museum, Egypt collection, Francois d'Catiglione.

Prischepova Valeria A. Ethnographic work of A.N. Kondaurov in Tajikistan

This article deals with archival and photograph collection materials from expeditions of A.N. Kondaurov, one of the employees of the Museum of Anthropology and Ethnography. He graduated from the Ethnography Department of the Geography Faculty of the Leningrad State University with a specialization in ethnography of the peoples of Central Asia. His research interests are related to the culture and life of the small Iranian peoples of the Pamirs, where he went repeatedly. In 1932 in Tajikistan the Russian Academy of Sciences Tajik-Pamir Complex Expedition worked laying an emphasis on contemporary life. A. N. Kondaurov collected materials on the history of collective farm movement and work organization in Tajik, Uzbek, Turkmen and Kazakh villages, described agricultural processes associated with cotton growing, recorded observations on the situation of women, types of dwellings, collected ethnographic data on the Arabs, Gypsies and Lakai people, as evidenced by his records. In 1934–1936 A. N. Kondaurov worked in remote mountainous areas of Tajikistan, conducted field research on a variety of subjects concerning traditional Yagnob culture. A. N. Kondaurov's field notes are illustrated with the photos joined to the MAE Central Asian collection. Basic materials collected by A. N. Kondaurov in the Yagnob Valley were summed up in his article and monograph. Up to now, field materials collected by A. N. Kondaurov have not been used by researches, despite the fact that his ethnographic observations made nearly a century ago are unique fixing many traditional ethnographic features, especially of the Yagnob people, most of whom have already changed their way of life.

Keywords: the Pamirs, Yagnob, field materials, ethnography, expedition, Tajikistan, photos

Tolmacheva Ekaterina B. The Subject Component of Ethnographical Photography. The Visual Representation of Beggars in the MAE RAS Collections

This article traces the transformation of a beggar's image, using visual materials from different photocollections MAE RAS. As revealed by the studies, the life of beggars is presented in the collections usually by three main themes: 1. Religious beggars, (dervishes as a rule). 2. Beggars with physical handicaps, usually the blind ones. 3. Paupers, who beg for alms due to extreme poverty. If we explore the photocollections taking into account all the themes presented in them, it will give us the classification of the most popular, changed with the lapse of time, subjects in the photography. Progressively, the development of methods of work allowed us to make complex collections, which represent a cultural context more

widely. It gives the possibility for a modern researcher to trace the transformation in the fixation of ethnographical subjects and actions.

Keywords: Visual anthropology, photography, photofixation, museum collection, beggary.

Kondakova Olga V. Comparative research on two kinds of visual sources (MAE RAS collections)

The article is based on comparative study of two kinds of visual sources — photos and drawings of objects from the collection № 2015. After the fire of 1936 in the Latin America exhibition, these illustrations turned into the key source of lost objects appearance. Comparison of two kinds of images made possible the critical evaluation of drawing's credibility. Lack of photo images explains the importance of the work. The collection does not exist anymore in its original appearance, but the visual sources created by Museum employees allow to attribute the objects.

Keywords: visual sources, Mexican ceramic, Tonalá bruñida.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Альбедиль Маргарита Федоровна — доктор исторических наук, отдел этнографии народов Южной и Юго-Западной Азии МАЭ РАН.
albedil@inbox.ru

Васильков Ярослав Владимирович — доктор филологических наук, главный научный сотрудник отдела этнографии Южной и Юго-Западной Азии МАЭ РАН.
yavass011@gmail.com

Гусарова Екатерина Валентиновна — кандидат исторических наук, библиотекарь 1 кат. РНБ, м.н.с. отдела Ближнего и Среднего Востока ИВР РАН.
ekater-ina@mail.ru

Добронравин Николай Александрович — доктор филологических наук, профессор факультета международных отношений СПбГУ.
sokoto95@yandex.ru

Желтов Александр Юрьевич — доктор филологических наук, зав. отделом этнографии Африки МАЭ РАН, зав. кафедрой африканистики Восточного факультета СПбГУ.
<ajujeltov@mail.ru>

Калиновская Клара Петровна — доктор исторических наук.
krikri75@yandex.ru

Кондакова Ольга Владимировна — ст. лаборант отдела Америки МАЭ РАН.

Котин Игорь Юрьевич — доктор исторических наук, отдел этнографии Южной и Юго-Западной Азии МАЭ РАН.
igorkotin@mail.ru

Куценков Петр Анатольевич — кандидат искусствоведения, доктор культурологии, вед. науч. сотрудник Института востоковедения РАН.
pkutsenkov@gmail.com

Ляхович Анастасия Викторовна — кандидат филологических наук, доцент кафедры африканистики Восточного факультета СПбГУ.
anastasia_07007@mail.ru

Меренкова Ольга Николаевна — кандидат исторических наук, младший научный сотрудник отдела этнографии Южной и Юго-Западной Азии МАЭ РАН.

lelchitay@mail.ru

Прищепова Валерия Александровна — кандидат исторических наук, отдел этнографии Центральной Азии МАЭ РАН.

var1950@yandex.ru

Семенова Валерия Николаевна — кандидат исторических наук, отдел этнографии Африки МАЭ РАН, ассистент кафедры африканистики Восточного факультета СПбГУ.

vnsemenova@gmail.com

Сиим (Москвитина) Анна Юрьевна — кандидат филологических наук, отдел этнографии Африки МАЭ РАН.

anna.siim@gmail.com

Толмачева Екатерина Борисовна — кандидат исторических наук, зав. лабораторией аудиовизуальной антропологии МАЭ РАН.

timmt@gmail.com

Турьинская Христина Михайловна — кандидат исторических наук, руководитель этнографического кабинета-музея имени Н.Н. Чебоксарова ИЭА РАН.

tu_christy@mail.ru

Французов Сергей Александрович — доктор исторических наук, зав. отделом Ближнего и Среднего Востока ИВР РАН.

frants@orientalstudies.ru, frants@spios.nw.ru, serge.frantsouzoff@yahoo.fr

Хартанович Мария Валерьевна — зав. отделом информационных технологий Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН.

marhar@kunstkamera.ru

Чистов Юрий Кириллович — доктор исторических наук, директор МАЭ РАН.

Шарова Александра Сергеевна — аспирант, Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова.

alessandrasharva@rambler.ru

AUTHORS' DATA

Albedil Margarita F. — Dr. (History), Department of South and Southwest Asia, MAE RAS (Kunstkamera), St. Petersburg.
albedil@inbox.ru

Vassilkov Yaroslav V. — Prof. (Dr. of History), Department of South and Southwest Asia, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), Russian Academy of Sciences, St. Petersburg.
yavass011@gmail.com

Gusarova Ekaterina V. — PhD (History), National Library of Russia, Department of Middle Eastern and Near Eastern Studies, Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg.
ekater-ina@mail.ru

Dobronravin Nikolai A. — Prof., Dr. (Philology), Faculty of International Relations, St. Petersburg State University.
sokoto95@yandex.ru

Zheltoy Alexander Yu. — Prof. (Dr. of Philology), Head of the Department of Africa, MAE RAS (Kunstkamera); Head of the Department of Africa, Faculty of Oriental and African Studies, St. Petersburg State University.
ajujeltov@mail.ru

Kalinovskaya Klara P. — Doctor of History, Russian Academy of Sciences, Moscow.
krikri75@yandex.ru

Kondakova Olga V. — Department of America, MAE RAS (Kunstkamera), St. Petersburg.

Kotin Igor Yu. — Dr. (History), Department of South and Southwest Asia MAE RAS (Kunstkamera), St. Petersburg.
igorkotin@mail.ru

Kutsenkov Petr A. — PhD (Art history), Doctor of Cultural Studies, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences & Institute of History of Art of the Ministry of Culture of Russian Federation, Moscow.
pkutsenkov@gmail.com

Lyakhovich Anastasia V. — PhD (Philology), Department of Africa, Faculty of Oriental and African Studies, St. Petersburg State University.
anastasia_07007@mail.ru

Merenkova Olga N. — PhD (History), Department of South and Southwest Asia MAE RAS (Kunstkamera), St. Petersburg.
lelchitay@mail.ru

Prischepova Valeria A. — PhD (History), Department of Central Asia MAE RAS (Kunstkamera), St. Petersburg.
vapr1950@yandex.ru

Semenova Valeria N. — PhD (History), Department of Africa MAE RAS (Kunstkamera); Department of Africa, Faculty of Oriental and African Studies, St. Petersburg State University.
vnsemenova@gmail.com

Siim (Moskvitina) Anna Yu. — PhD (Philology), Department of Africa MAE RAS (Kunstkamera), St. Petersburg.
anna.siim@gmail.com

Tolmacheva Ekaterina B. — PhD (History), Head of the Laboratory of Audio-Visual Anthropology, MAE RAS (Kunstkamera), St. Petersburg.
timmto@gmail.com

Turinskaya Khristina M. — PhD (History), Head of the N. N. Cheboksarov' Museum of Ethnography, Institute of Ethnography and Anthropology RAS, Moscow.
tu_christy@mail.ru

Frantsouzoff Serge A. — Dr. (History), Chair of the Department of Middle Eastern and Near Eastern Studies, Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg.
frants@orientalstudies.ru, frants@spios.nw.ru, serge.frantsouzoff@yahoo.fr

Hartanovich Maria V. — Head of the Department of Information and Technology, MAE RAS (Kunstkamera), St. Petersburg.
marhar@kunstkamera.ru

Chistov Yuri K. — Dr. (History), Director of Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), Russian Academy of Sciences, St. Petersburg.

Sharova Aleksandra S. — postgraduate student, P. G. Demidov Yaroslavl State University.
alessandrasharva@rambler.ru

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Ю.К. Чистов, В.Н. Семенова. Зоя Леонидовна Пугач:</i> главный специалист отдела этнографии Африки МАЭ РАН.....	3
Предисловие	6
Preface.....	11

АФРИКА: ПРОБЛЕМЫ АТРИБУЦИИ И СБОРА ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ КОЛЛЕКЦИЙ

Вспоминая Зою Леонидовну Пугач: к истории отдела Африки и африканского собрания МАЭ РАН (<i>К.П. Калиновская, Х.М. Турьинская</i>).....	13
<i>А.Ю. Желтов. О последних пополнениях африканской</i> коллекции МАЭ РАН, собранных в ходе экспедиций в Нигерию (2012 г.) и Танзанию (2013 г.)	24
<i>П.А. Куценков. Опыт сбора коллекции в Стране догонов</i> (Республика Мали, 2015–2016 гг.).....	34
<i>А.С. Шарова, В.Н. Семенова. Скульптуры догонов — обязательная</i> составляющая музейных коллекций по африканскому искусству	47
<i>А.В. Ляхович. Искусство хауса в фондах Кунсткамеры:</i> форма и содержание	54
<i>А.Ю. Сиим (Москвитина), Н.А. Добронравин. Письменная культура</i> хауса в экспозиции и фондах МАЭ РАН.....	62
<i>С.А. Французов. Петербургские списки эфиопского</i> догматического сборника <i>Керэлло</i> : кодикологические и текстологические особенности	68
<i>Е.В. Гусарова. Эфиопские рукописи — наследство</i> экспедиции Н.И. Ашинова в Абиссинию	78

КУНСТКАМЕРА: КОЛЛЕКЦИИ И ХРАНИТЕЛИ

<i>Я.В. Васильков.</i> Об индийских «штиглицевских» коллекциях МАЭ РАН и об их собирателе.....	92
<i>И.Ю. Котин.</i> А.М. Мерварт — создатель и хранитель индийского отдела МАЭ, автор первого путеводителя по индийской экспозиции	102
<i>М.Ф. Альбедиль.</i> Образы народных верований в Южной Индии по материалам коллекции 3087	114
<i>О.Н. Меренкова.</i> Выставка цейлонских ремесел 1962 года в контексте формирования южноазиатских коллекций МАЭ РАН (по архивным иллюстративным материалам)	127
<i>М.В. Хартанович.</i> По следам коллекций Египетского музея Императорской Академии наук в собрании Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамеры) РАН.....	143
<i>В.А. Прищепова.</i> Этнографическая работа А.Н. Кондаурова в Таджикистане	151
<i>Е.Б. Толмачева.</i> Сюжетная составляющая этнографической фотографии: визуальная репрезентация нищенства в коллекции МАЭ РАН	164
<i>О.В. Кондакова.</i> Опыт сравнительного анализа двух категорий иллюстративных источников (по материалам МАЭ РАН).....	173
Аннотации	195
Abstracts	201
Сведения об авторах	207

Научное издание

Сборник Музея антропологии и этнографии

Том LXII

КУНСТКАМЕРА:
КОЛЛЕКЦИИ И ХРАНИТЕЛИ

Памяти Зои Леонидовны Пугач

Утверждено к печати Ученым советом МАЭ РАН

Редактор М.В. Банкович
Корректор Е.З. Чикадзе
Компьютерный макет А.А. Банковича

Подписано в печать 20.11.2016.
Формат 70×108/16. Бумага офсетная.
Гарнитура Abba.
Усл. печ. л. 18. Уч.-изд. л. 20.
Тираж 150 экз. Заказ № .

МАЭ РАН
199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 3

Отпечатано в